К Т3(2...)
И489
Редкий фонд

ИСТПАРТ ЦК ВКП(б)

Н. ИЛЬЮХОВ и М. ТИТОВ

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРИМОРЬИ

• ПРИБОЙ •

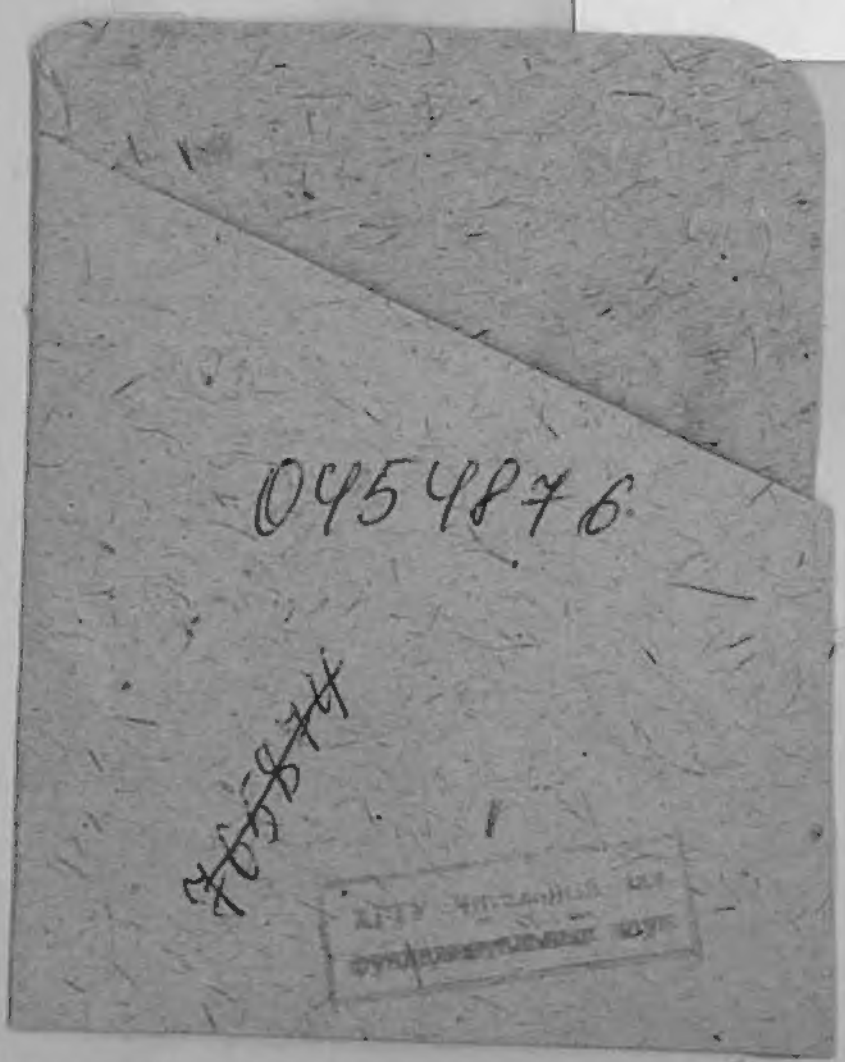
1922 г.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

3 ТМО Т. 3.600.000 З. 1058—91



ИСТПАРТ
ОТДЕЛ ЦК ВКП (Б) ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ВКП (Б)

Н. ИЛЬЮХОВ и М. ТИТОВ

1939 г.

ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРИМОРЬИ

1918—1920 гг.

1933 г.
Раб. Кадро
9(57.3):323.2
И-49.9
Областная библиотека
Читальный зал
НКП г. Симферополь
Областная Центр. Библ-ка
№ 59556
г. Симферополь
Хабаровская краевая научная библиотека
ОБМЕННЫЙ ФОНД

«ПРИБОЙ»
ЛЕНИНГРАД—1928

Т3(2...)→Т3(2Р,55]
И 489

Редкий фонд
Научная библиотека ХГТУ
0454876

Ленинградский Облastлит № 54477. Зак. № 2146. Тираж 3000 (С. 53. 12.299 л.).
Типо-литография „Вестник Ленингр. Облисполкома", Ленинград, 2-я Советская, 7.

ОТ АВТОРОВ.

Памяти любимого партизанского вождя, пламенного революционного трибуна, организатора, друга-соратника Сергея Лазо, зверски замученного японскими империалистами;

памяти сотен партизан Приморья, павших в геройских схватках с полчищами контр-революции;

деревням Красного Сучана: Хмельницкой, Серебряной, Казанке, Фроловке, приютившим на своей земле прах мужественных борцов-товарищей—Тимофея Мечика, Либкнехта, К. Гурзо, И. Глубокого, П. Дунаева и многих других, посвящаем свои строки.

„Как для обильного урожая требуется влага, так и для победы пролетарской революции требуется кровь революционеров.

„И мы всегда готовы пролить эту кровь".

Сергей Лазо.

(Из речи на митинге партизан в селе Фроловке в июне 1919 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Партизанское движение, как форма гражданской войны, пожалуй, с наибольшей яркостью и последовательностью выявилось в Приморской губернии. В то время как в Сибири партизанство продолжалось в общем около года (до прихода Красной армии), в остальных губерниях Дальневосточного края не более полутора лет, в Приморьи оно тянулось до трех лет. Были свои причины, приводившие к тому, что регулярной армии там организовать не удавалось до конца 1922 г. В основном, своеобразие приморской обстановки определялось тем, что на ее территории с лета 1918 года до октября 1922 года находились интервенционные войска капиталистических государств, главным образом Японии, которая всячески препятствовала укреплению революции на этой, отдаленной за 11 тысяч верст от центра нашей Советской страны, окраине.

Партизанство в нашей губернии годовой „передышкой" (с мая 1920 г. и до 26 мая 1921 г., до так называемого „Меркулового переворота") разделяется на два периода. Первым периодом нужно считать борьбу с колчаковщиной (с 1918 до 1920 г.) и вторым—борьбу с каппелевщиной (1921—1922 гг.). Наша работа охватывает только первый период, причем мы не оставляем надежды на то, что нам удастся в дальнейшем осветить и второй, не менее интересный и во многом отличающийся оригинальностью период.

Приступая к этой работе, мы, сознавая всю ответственность своей задачи, переживали сильнейшие колебания, так как явно недостаточный как по количеству, так главным образом по качеству материал по этому вопросу вынуждал нас пользоваться в значительной части нашей работы своей памятью — источником, понятно, не совсем надежным. Если хоть сколько-нибудь правильно и правдиво мы справились со своей задачей, так этому мы во

многом обязаны тт. Губельману, Кушнареву (теперь покойному), Н. М. Матвееву, чрезвычайно внимательно просмотревшим нашу рукопись, давшим нам ценные указания, после которых мы нашу работу дополнили рядом фактов и принципиальных положений. Прежде чем приступать к делу, мы связались с рядом товарищей-приморцев, игравших ту или иную роль в партизанской борьбе 1918—1920 гг., и завязали с ними интенсивную переписку по существу каждого сколько-нибудь важного события того времени, чем нам удалось добиться установления многих моментов партизанской действительности. Всем товарищам, в той или иной мере содействовавшим выполнению нашей работы, мы выражаем самую сердечную благодарность. Одновременно нужно указать на тот факт, что инициативой настоящей работы авторы обязаны исключительно Истпарту ЦК ВКП (б) и названным выше товарищам, входившим в „Группу содействия Истпарту по истории революции Дальнего Востока".

Понятно, что для изучения истории революционного движения необходимо правдивое изложение событий. Авторы старались эту задачу выполнить, поскольку позволили им их силы и обстоятельства.

ЧАСТЬ I.

Организация восстания и первый этап борьбы партизан с колчаковщиной.

ГЛАВА I.

Свержение советов чехо-словаками.—Спасский фронт и его значение в подготовке партизанского восстания.—Нелегальные боевые дружины в деревнях Сучана.—Приказ Колчака о мобилизации и разоружении населения.—„Комитет по организации революционного сопротивления".—Налет милиции.—Съезд руководителей дружин.

Партизанское движение на Дальнем Востоке и в частности в Приморской области, впоследствии развернувшееся во внушительную силу революции, явилось несколько запоздавшим эхом событий, которые имели место летом и в начале осени 1918 года. В этих событиях, к числу которых относится высадка военных десантов интервенционных войск, затем выступление против советов чехо-словацких войск и т. д., защитником революции оказался только пролетариат, вернее—наиболее сознательная и решительная его часть,—в то время как широчайшие слои крестьян в подавляющей своей массе были безучастны. Революционные силы крестьянства развернулись лишь спустя 4-5 месяцев, т. е. в то время, когда вся Сибирь и Дальний Восток очутились в руках белогвардейщины.

В самом деле. Летом (июнь месяц) во Владивостокский порт прибывают эскадры союзников с пехотой, артиллерией, пулеметами; войска защитников цивилизации торжественно высаживаются на берег, занимают все важнейшие стратегические пункты, крепости, высылают гарнизоны во все города Приморской области—Никольск-Уссурийск, Спасск, через некоторое время в Хабаровск, Читу и т. д. Многочисленное офицерство, юнкера и вообще сторонники буржуазного строя — монархисты, кадеты, меньшевики и эсеры, окрыленные надеждой на осуществление своих планов „спасения России", демонстративно приветствуют высадку союзных десантов и, надеясь на их поддержку, усиливают мобилизацию контр-революционных сил, создают под теми или иными демократическими наименованиями боевые отряды, объединяя их общим лозунгом—„борьба за Учредительное собрание". На территории полосы отчуждения Восточно-китайской железной дороги, совершенно не тронутой событиями, происходившими в России, и сохранившей в целости все учреждения и традиции царского режима с их генералами и чиновниками, совершенно открыто комплектуются воинские части всё из тех же беженских элементов и дальневосточного казачества, главным образом Уссурийского и Забайкальского войск, привлеченных в Маньчжурию, Харбин и

другие пограничные местности высокими окладами и надеждой возвратить себе былую „казачью почесть“ и привилегии.

Генералы Хорват и Плешков,—тесно связанные с Русско-азиатским банком—фактическим в то время хозяином Восточно-китайской жел. дор.,—пользуясь кредитом этого банка, закупают все необходимые средства для ведения войны с советской властью и оказывают содействие казачьим офицерам Забайкальского и Уссурийского войск Семенову и Калмыкову, впоследствии сделавшимся атаманами названных войск и покрывшим себя громкой „славой“ палачей рабочих и крестьян. Одним словом, против молодой, еще неокрепшей революционной власти мобилизуются все силы, создается единый „демократический“ фронт реакции, чающей восстановления „попранного авторитета и прав“ Учредительного собрания. А крестьянские массы переживали в это время свой внутренний процесс: бедняцкие революционные элементы освобождались от вековечного господства кулацких элементов, освобождались и от эсеровской идеологии и, занятые собой, пока что оставались безучастными ко всем приготовлениям врагов советской власти. Именно поэтому с такой легкостью чехо-словакам удалось в июле свергнуть советы во Владивостоке, Никольск-Уссурийске, Хабаровске, а затем и в других городах. Именно в силу того, что своевременно крестьянство активно не поддержало немногочисленные пролетарские отряды, разбросанные по всей необъятной территории Приморской области и геройски защищавшие революцию на мостовых Владивостока и Никольск-Уссурийска, чехо-словакам и русским белогвардейцам удалось, с небольшими для себя жертвами, захватить власть в свои руки. В наши цели не входит освещение во всей подробности развернувшихся событий после восстания чехо-словацкой армии и связанных с нею русских белогвардейцев, но для того, чтобы можно было представить в общих чертах обстановку, которая предшествовала партизанскому восстанию, следует остановиться на основных ее чертах.

Восстание чехо-словаков началось одновременно во Владивостоке и Никольск-Уссурийске, а вслед затем со станции Пограничной выступили для поддержки мятежников банды генерала Плешкова и Калмыкова, которые, соединившись с уссурийскими казаками, двинулись в Никольск-Уссурийск. Во Владивостоке, после свержения совета и ареста исполкома, из местных боевых отрядов белогвардейцев и примкнувших к ним буржуазных сынков – гимназистов и студентов — была создана земская армия под командой полковника Толстого, которая должна была защищать власть вновь образованного правительства, возглавлявшегося эсером А. С. Медведевым. Переворот, как уже было сказано, произошел сравнительно быстро и без серьезного боя. Красная гвардия была относительно малочисленна, а враг был силен как своим техническим превосходством, так и подавляющей численностью: против горсточки красногвардейцев выступали единым фронтом сплоченные бешеной ненавистью к революции все пар-

тии, начиная от меньшевиков и эсеров и кончая неприкрытыми монархистами типа генералов Хорвата, Плешкова и т. п.

Кроме того, в любую минуту, если бы шансы на успех у чехословаков сколько-нибудь поколебались, к услугам контр-революции всегда могли быть готовы орудия союзной эскадры, стоящей на рейде в бухте „Золотой рог“ и бдительно следившей за событиями. Это не могло не отразиться на моральном состоянии частей Красной гвардии. В результате такого соотношения сил попытка оказать сопротивление контр-революции вылилась в отчаянные схватки отдельных мелких групп рабочих, спешно вооружившихся и засевших в наиболее важных и удобных для обороны городских зданиях: на вокзале, в штабе крепости и т. д. Упорство и героизм пролетариев, особенно грузчиков порта, были изумительны. Иногда (как напр. при защите здания штаба крепости). 7-8 человек рабочих выдерживали нападение целого батальона профессиональных вояк-чехов и сдавали здание только тогда, когда уже не оставалось в живых ни одного из защитников или когда были израсходованы все патроны. Однако все эти геройские попытки со стороны рабочих оказались безрезультатными, и власть перешла в руки „защитников Учредиловки“. Недолго однако, всего несколько недель, пришлось праздновать свою победу „временному правительству“—Приморской областной земской управе, занявшей место Владивостокского исполкома советов, так как наиболее решительные элементы контр-революции—военщина—вскоре устранили от командования войсками белых „земского“ полковника Толстого. Быстро была произведена „реорганизация армии“, и контр-революция приступила к „очищению области от большевизма“.

К этому времени отступившие из Владивостока и Никольска красногвардейские части, к которым стали массами присоединяться рабочие, образовали против чехо-словаков фронт около станции Гродеково с намерением восстановить советскую власть. Но гродековский фронт, благодаря полной бездарности руководства со стороны командования (главным образом главкома Абрамова), долго продержаться не смог и тоже был ликвидирован, хотя физическая военная сила нами была сохранена. После этого образовывается спасский фронт, который держится около 3-3½ месяцев. Мы не считаем себя в силах описать историю спасского фронта, однако она является одной из славных страниц упорной, смелой борьбы приморских рабочих за власть советов. Уже одно то, что этот фронт держался три слишком месяца в кольце многочисленных белогвардейских банд, чехо-словаков, а затем и „союзных войск“, говорит само за себя. Мы не знаем точно числа красногвардейцев, отстаивавших спасские позиции; известно только, что силы контр-революции в несколько раз превосходили их по численности, не говоря уже о техническом превосходстве. Несмотря на это, в сентябре белые были разбиты на-голову; наши вновь приближались к Никольск-Уссурийску, и, принимая во внимание полную деморализацию чехов и русских белогвардейцев, можно было думать, что удастся снова взять Владивосток. Но в эту

решительную минуту активно выступили интервенционные войска. Японцы, а затем и французы и англичане ринулись на горсточку отважных пролетариев, дерзнувших сопротивляться западно-европейской военной технике и стратегии. Спасский фронт был наконец сломан.

Параллельно со спасским фронтом в Забайкальской области был создан забайкальский фронт против банд атамана Семенова, который при попустительстве, а часто и при прямой поддержке китайского правительства сформировал на территории Восточно-китайской жел. дороги свою „армию", решив при ее помощи захватить Забайкалье. Здесь не так легко пришлось белогвардейщине, как в Приморьи. Банды Семенова были разбиты Красной гвардией под руководством тогда еще совсем юного большевистского полководца Сергея Лазо. Вскоре однако из Маньчжурии и Кореи были доставлены японские войска, решившие участь советов в Забайкальи и поставившие у власти Семенова.

Вслед за ликвидацией забайкальского фронта была свергнута советская власть в Иркутске, Ново-Николаевске (ныне Новосибирск), Красноярске, словом—во всей Западной Сибири. Разбитые красногвардейские части разошлись по деревням в глухие места с мыслью вновь взяться за оружие, когда позволит момент, когда силы революции вновь окажутся способными мобилизоваться.

В городах восстановилась самая оголтелая реакция: аресты, расстрелы, порки, разгром рабочих организаций, разгул пьяной офицерщины, грабежи и т. п. О страданиях, перенесенных трудящимися Сибири за время контр-революции, об издевательствах над ними, о пролитой крови и слезах будет передаваться из поколения в поколение, а у тех, кому пришлось пережить эти кошмарные времена, все виденное и пережитое никогда не изгладится из памяти. До этого едва ли кто-нибудь мог поверить, что человек способен проявить такую нечеловеческую, покрывшую собою мрачные времена инквизиции жестокость, которую проявила контр-революция по отношению к рабочим и крестьянам.

Вся Сибирь очутилась в безраздельном владении белогвардейщины. Советская Россия оказалась перед лицом сильнейшей опасности, так как в это же время создаются многочисленные фронты на юге, на Украине, на Дону, под Ленинградом, на Мурмане.

Однако в то время, когда контр-революция огнем и железом восстанавливала свою власть, крестьянство в массе своей стало мало-по-малу осознавать действительное значение происходящих событий.

Сначала крестьянин стал прислушиваться, присматриваться к новой власти, а затем под ударами приклада и нагайки раскусил содержание этой власти и, поняв, что ее цели сводятся к восстановлению царского режима и помещиков, к повторению войн и страданий, стал искать выхода, путей для восстановления той власти, которая только и давала гарантию освобождения для народа, за власть советов, свергнутых так недавно при его же молчаливом согласии. В сельских районах, расположенных вблизи про-

летарских центров или там, где зажиточное крестьянство, так называемые „стодесятинники", составляло незначительную часть населения, где нужда в пригородной для посевов земле особенно велика,—в этих районах революционное настроение и стремление поддержать советскую власть преобладали и без белогвардейского террора. Наиболее обездоленное и вместе с тем наиболее сознательное крестьянство Ольгинского уезда, в особенности Сучанского района, отказывалось поддерживать мелкобуржуазные партии и выступало за большевиков еще задолго до падения советов в 1918 г. Значительная часть волостей Ольгинского уезда демонстративно отказалась выполнить приказ нового белогвар-

Сергей Лазо приветствует на митинге в г. Владивостоке 31/I 1920 года партизанские отряды и войска б. армии Колчака в день свержения реакции.

дейского правительства о замене советов в селах и волостях земствами и сохранила советы на протяжении всей полосы гражданской войны. Летом 1918 г. сучанские крестьяне дали немало своих сыновей в Красную гвардию на спасский фронт. Они оказывали моральную и материальную поддержку этому фронту, а, когда он был разбит, многие десятки и сотни красногвардейцев нашли у сучанских крестьян надежное убежище от расстрелов и порок. Впрочем такое настроение крестьянства было для Приморской области, пожалуй, исключительным: остальные уезды напротив, если не оказывали прямой помощи белым, то старались держать нейтралитет, благожелательный опять-таки для белых. Однако властвование белых в течение каких-нибудь пары месяцев оказалось хорошим средством революционизирования не только деревни,

но и городской мелкой буржуазии и интеллигенции. Под влиянием происходивших событий стала возрастать революционная активность бедняцких слоев крестьянства, и начал таять лед инертности у остальных его широких слоев. На сельских сходах, волостных съездах чаще стали слышаться голоса протеста против ненавистного контр-революционного „временного правительства", против распоясавшейся офицерщины и интервентов. Нередко эти отдельные голоса, при одобрении всей остальной массы, стали принимать характер открытого призыва к борьбе с реакцией. Словом, два-три месяца оказали такое влияние на крестьянство, какого нельзя было бы добиться никакой агитацией на протяжении целых десятилетий при других исторических условиях.

Организованным и сознательным выражением этой революционной активности и явилось создание нелегальных боевых дружин в Сучанском районе, поставивших себе целью подготовить восстание против контр-революции. Ядром этой нелегальной организации была группа крестьян деревень Хмельницкой и Серебряной; в нее входили учителя Мечик Тимофей и Ильюхов Николай и крестьяне Гурзо Корней, Краснов, Суховей Корней, Пряха Егор, Кошман, Гурзо Прокоп, Кидло Даниил. К сожалению, не сохранилось никаких документов, которые говорили бы о целях названного кружка и об его работе; поэтому приходится восстанавливать все по памяти. Первое организованное собрание кружка происходило в середине октября в квартире учителя Ильюхова. Здесь было признано, что наступило самое тяжелое время для революции, что малейшее промедление со стороны рабочих и крестьян должно породить непреодолимые трудности для советской власти, что обстановка властно требует скорейшей организации борьбы против контр-революции. Для практического выполнения поставленной задачи весь состав кружка объявил себя „Комитетом по подготовке революционного сопротивления контр-революции и интервентам"; председателем был избран Ильюхов, товарищем председателя Мечик. План работы комитета сводился к следующему. В каждой деревне и селе создается кружок — боевая дружина из наиболее революционных и преданных крестьян, которая сугубо конспиративно ведет подготовительную работу в своем селе и связывается с комитетом, указания которого выполняет беспрекословно. Сельские боевые дружины, в зависимости от их численности, составляют роту или взвод и входят в волостную единицу—батальон. Руководители дружин механически становятся командирами этих объединений. Для того, чтобы обеспечить качественный подбор руководителей дружин, комитету предоставлялось право назначения лиц, могущих, по его мнению, нести военные обязанности.

Вскоре были созданы дружины в деревнях Бархатной, Гордеевке, затем в Казанке, Фроловке, Сергеевке, Краснополье и т. д. Многие из этих кружков не оправдали надежд комитета, так как не смогли удержаться в рамках конспирации и превратились в широкие организации крестьян, захватывавшие нередко бо́льшую

половину деревень, благодаря чему стерлась грань между руководителями и руководимыми; но этот факт показывал не только слабость таких дружин, но и то, что успех делу обеспечен, так как в нем приняли участие широчайшие массы крестьянства. Наиболее сильные дружины, все время остававшиеся на высоте своего положения руководителей движения, были в селениях Фроловке и Казанке; в эти дружины входили такие передовые крестьяне, как Солоненко Иван, Салусенко Иван, Серов Алексей (Фроловка), Косницкий Аким, сын и отец Дунаевы и секретарь Фроловского волостного совета Корытько Николай. Комитет рас-

Слева: Ив. Солоненко. Справа: Ив. Петр. Салусенко. Организаторы первых нелегальных боевых дружин во Фроловке и Казанке. Активные участники обеих кампаний партизанства в Приморьи.

считывал покрыть боевыми дружинами всю долину Сучана, связаться с Сучанскими каменноугольными рудниками и с Сучанской железной дорогой, чтобы создать и там аналогичные организации из рабочих. В успехе работы среди шахтеров и железнодорожников комитет не сомневался, но здесь всплывали свои трудности: у рабочих было страстное желание бороться, но не было оружия, в то время как деревня имела винтовки в совершенно достаточном количестве. Дело в том, что Владивостокский исполком советов, предвидя возможность гражданской войны, демобилизовал в 1917 г. гарнизоны Владивостока и Никольск-Уссурийска, но оружие оставил на руках у солдат, в большинстве бывших местными крестьянами, причем каждому солдату, отправлявшемуся домой, было выдано до 100-200 и более патронов. Кроме того, исполком за месяц до своего падения произвел частичную разгрузку богатейших оружейных складов владивостокской крепости и оружие распределил

среди рабочих и среди крестьянства наиболее революционных сел, в том числе и сел Сучанского района. Все это богатство целиком сохранилось у крестьян, в то время как рабочие в большей своей части были разоружены белыми или оставили свои винтовки на спасском фронте, куда они ушли по первому призыву советской власти. Таким образом проблема вооружения для „Комитета по организации революционного сопротивления" сводилась к перераспределению оружия, перекачке винтовок из деревни в каменноугольные копи и на железную дорогу. Легко понять трудность этой задачи. Первый шаг в этом направлении— учет оружия—был сделан комитетом, но итти дальше пока было несвоевременно. Впоследствии однако вопрос решился сам собой, и вступившие в боевые дружины рабочие были вооружены.

Дальнейший ход событий не дал возможности комитету целиком осуществить организационный план. Комитет не успел широко развернуть свою подготовительную работу, а главное— еще не было достаточно распространено его организационное влияние среди шахтеров и железнодорожников, когда обстановка потребовала немедленных и решительных действий. 18 ноября адмирал Колчак „сверг" эсеро-кадетское „Временное сибирское правительство" и объявил себя диктатором. 8 или 9 декабря им был отдан приказ о мобилизации сначала офицеров и унтер-офицеров, а затем и солдат. Одновременно он предложил местному командованию своих войск приступить к разоружению населения. Начальникам гарнизонов рекомендовалось в приказах приступить к срочной организации „карательных экспедиций" для обеспечения своевременного выполнения воли правителя. В деревнях этот строгий приказ был получен на второй день после его издания. В это же время созданный названным выше „демократическим" Временным сибирским правительством „противобольшевистский" уральский фронт, поддерживаемый западно-сибирским кулачеством, приносил контр-революции все более и более утешительные сведения: Красная гвардия отступала и терпела поражения одно за другим. Патриотические газеты были полны торжествующими статьями и, захлебываясь в предвкушении радости, которая должна была наступить с завоеванием Москвы, предвещали скорую и окончательную победу своему „доблестному войску". Меньшевики и эсеры, первоначально возглавлявшие контр-революцию и запутавшиеся теперь, после „устранения" их от власти, косноязычно пророчествовали о том, что скоро-де наступит конец гражданской войны, т. е. будет раздавлена революция, и восторжествует великое „демократическое начало". Словом, каждый по-своему, в зависимости от того, какой социальный слой он представлял, делал свой вывод из того труднейшего положения, в котором очутилась к этому времени молодая советская страна. Ясно, что эта обстановка не могла не отразиться на характере и темпе подготовительной работы „Комитета по организации революционного сопротивления". Стало совершенно очевидным, что нельзя настаивать на выполнении первоначальных

предположений относительно распространения организации на весь Сучанский район. В процессе работы комитет убедился в том, что вовсе нет никакой нужды при существующих условиях затевать столь громоздкую нелегальную организацию, так как готовить к восстанию путем убеждения никого не нужно было: все крестьяне, во всяком случае все наиболее революционные села, выражали полную готовность начать борьбу; надеяться же на то, что проведением организационного плана удастся сколько-нибудь основательно укрепить, спаять свою военную силу, было бы непозволительным легкомыслием, могущим помочь только белогвардейщине. Каждый день, каждый час был дорог. Нужно было немедленно начать выступление, чтобы отвлечь на себя возможно больше сил врага с уральского фронта. Никто из нас не рассчитывал, что восстание должно привести непосредственно к захвату власти; напротив, все готовились к длительной и упорной войне. Эта война не могла также носить фронтового характера, на что впоследствии тщетно вызывали нас белогвардейские генералы: она должна была носить характер партизанских набегов, т. е. быть в тех условиях наиболее чувствительной и вредной для неприятеля и наиболее доступной для нас. Близившийся решительный час ставил целый ряд принципиальных и практических вопросов (стратегия, снабжение, вовлечение других уездов в предстоящую борьбу и проч.). Для разрешения всех этих вопросов было решено созвать на 21 декабря съезд руководителей наиболее сильных и влиятельных дружин. Съезд был тем более необходим, что „Комитет по организации революционного сопротивления“ на первое время потерял всякую надежду наладить связь с Владивостокской организацией большевиков и вся тяжесть политического руководства должна была целиком лечь на плечи неопытных, в большей части не вышедших еще из комсомольского возраста членов комитета.

Мы несколько раз пытались наладить связь с Владивостокским комитетом партии, посылали для этого ряд товарищей, но всякий раз попытки оказывались безрезультатными. В городе были полностью разгромлены рабочие и партийные организации, наиболее видные большевики, как напр. тт. Губельман (Володя Большой), Никифоров (Петр), Кушнарев и др., сидели в тюрьмах в чехо-словацких концентрационных лагерях, другие (как напр. Суханов) расстреляны. Уцелевшая часть товарищей организовала областной комитет партии, который настолько был законспирирован, что не только нам, в то время беспартийным, но и наиболее активным партийным работникам он был недоступен, так как связь поддерживалась через сложную и тонкую систему десятков, пятерок и т. д.

С другой стороны, трудность обстановки увеличивалась для нас из-за опасности оказаться изолированными от других районов губернии, если мы не распространим свое влияние за пределы Сучанской долины. Впрочем уже с первых шагов своей работы мы не могли не почувствовать этой изолированности. Крестьяне

Никольско-уссурийского и других уездов, несмотря на возрастающее среди них недовольство против Колчака, оставались пассивными и не давали никаких поводов думать, что они поддержат восстание. „Комитету по организации революционного сопротивления" нужно было все эти условия учесть и, исходя из них, повести дальнейшую работу.

21 декабря съезд руководителей дружин состоялся в селе Фроловке. На нем присутствовали тт. Солоненко Иван, Мечик, Ильюхов, Серов, Самусенко Иван, Гурзо, Корытько и др. Во время заседания произошел случай, который оказался почти решающим при выборе срока для восстания. Пользуясь тем, что в нашем районе, как и в других уездах области, правительство еще не успело, вернее—боялось насаждать своих чиновников и что Сучанские копи, — ближайший пункт, где была расположена белая милиция, — находились от Фроловки в 15 верстах, мы не предприняли никаких мер охраны и вообще чувствовали себя настолько в безопасности, что спокойно расположились в здании волостного исполкома. Правда, каждый из нас был вооружен, если не револьвером, так винтовкой, но это могло, пожалуй, только вредить конспирации. Мы были в то время настолько увлечены успехом своего дела, всеобщим сочувствием и поддержкой со стороны крестьян, что и не думали о том, что могут найтись предатели, которые способны мешать нашей работе. Здесь сказалась неопытность наша. Не было прямых указаний на то, чтобы кто-нибудь донес о предполагающемся съезде наших дружин; однако во Владивостоке стало известно, что мы ведем подготовительную работу к восстанию, и в день открытия съезда внезапно нагрянул милицейский отряд во главе с помощником начальника владивостокской милиции Сорокиным. Отряд на санях подкатил к зданию волостного совета, но, вероятно не предполагая, что в нем находятся те, кого им нужно арестовать, расположился так, что оставил свободным выход через черный ход, и мы спокойно вышли через него незамеченными вместе с группой крестьян. Продолжение работ съезда было перенесено в соседний дом крестьянина Серова, где при попытке милиции взять нас можно было успешно отстреливаться. Вскоре крестьяне сообщили нам, что Сорокину стало известно о нашем пребывании во Фроловке и что он намерен арестовать пока двоих из „подозреваемых" им в большевизме—учителей Мечика и Ильюхова. Было ясно, что при таких обстоятельствах работа съезда нормально итти не может, а с другой стороны было очевидно и то, что белогвардейское правительство осведомлено о нашей работе и постарается не-сегодня-завтра выслать против нас карательный отряд. После оказалось, что наши предположения были вполне основательны: как потом выяснилось, начальник фроловской почтово-телеграфной конторы Захарко являлся провокатором, по донесению которого и прибыл упомянутый милицейский отряд. И в то время, когда съезд продолжал работать в доме крестьянина Серова, телеграф отбивал во Владивосток донесение о том,

что в Сучанском районе готовится восстание, для предупреждения которого Захарко и начальник милиции Сорокин убеждали комиссара Приморской области Циммермана (назначенного Колчаком) срочно выслать на Сучан карательную экспедицию.

На съезде дружин было решено начать восстание немедленно. Первым актом восстания должна была явиться декларация, обращенная к консульскому корпусу и белогвардейскому правительству, с заявлением о том, что крестьяне и рабочие Сучанского района, сохранившие у себя власть советов, объявляют решительную и беспощадную войну контр-революции и ее вдохновителям— интервентам, пытающимся задушить Советскую республику, а с нею погубить и все дело трудящихся. Тут же было принято обращение к трудящимся остальных уездов Приморской области, призывающее последовать примеру сучанцев и с оружием в руках выступить на защиту советов. Вторым шагом являлось постановление о выселении из Сучанского района всех попов и контр-революционных элементов, если они не дали повода для их ареста и предания революционному суду. Между прочим, милицейскому отряду Сорокина удалось бежать из Фроловки невредимым, но это счастье для него оказалось непродолжительным, так как при других обстоятельствах, о которых речь будет итти ниже, отряд был уничтожен. Для материального обеспечения восстания решено было установить налог на кулаков и зажиточных крестьян, квоота (доля) которого нормировалась в зависимости от соображений командования повстанческих войск. Командующим революционными партотрядами был избран Ильюхов и „помощником по политическим делам“ Мечик, на которого возлагалась обязанность организовать политическую работу в отрядах и среди крестьян, распространять лозунги восстания по другим уездам и постараться втянуть их в борьбу. В установлении должности „помощника командующего по политическим делам“, у масс, как видит читатель, проявилось интуитивное предвидение идеи красноармейских военкомов, сыгравших в гражданской войне славную роль политических агентов, эмиссаров партии и советской власти. Для нашего дела такого рода разделение труда требовалось практическими соображениями развертывающейся работы.

Извещение о решении восстать дружинники наиболее революционных сел (Серебряная, Хмельницкая, Гордеевка, Бархатная) приняли с энтузиазмом, в противоположность таким селам, как Казанка и Фроловка (особенно первая), которые не освободились еще целиком от демократических иллюзий и в глубине души питали надежду покончить с белогвардейским террором при помощи посторонней, третьей силы; в частности они рассчитывали на „демократические“ американские войска, командование которых все время отравляло сознание колеблющихся крестьян своими демагогическими обещаниями не допускать реставрации царского режима, „незаконных“ расстрелов и издевательства над крестьянами со стороны карательных экспедиций. Эти села, хотя формально и не возражали против восстания, но и достаточно бесстрастно

относились к нему, призывая к осторожности и обдуманности, избегая резких, „крутых“ мер.

Такого рода настроение проявлялось даже у наиболее видных членов дружины в с. Казанке, подпадавших в этом случае под влияние своих односельчан. Но у нас в тот момент увлечение положительными сторонами дела было настолько сильно, что никто не обращал внимания на отдельные минусы, хотя эти минусы и играли довольно внушительную роль. Это после и сказалось на деле.

ГЛАВА II.

Установление связи с сучанскими шахтерами. — Первый карательный отряд ген. Смирнова. - Колебания крестьян. — Начало восстания. — Первая неудача партизан.— Две тенденции в крестьянстве. – Порки и расстрелы. — Движение в Цемухинской долине.

Три-четыре дня спустя после съезда руководителей боевых дружин мы наконец связались с вожаками сучанских шахтеров— тт. Мартыновым и Локтевым, скрывавшимися в тайге после свержения советов. Узнав о развивающихся событиях, эти товарищи немедленно прибыли в деревню Хмельницкую. Мартынов сразу с головой ушел в работу по вовлечению в движение рабочих Сучанских каменноугольных копей и железной дороги, Локтев же почему-то некоторое время оставался в стороне и лишь в тот момент, когда разгорелась открытая борьба, вошел в наши ряды. Но не успела дать сколько-нибудь ощутимых результатов работа Мартынова, как получились сведения о том, что из Владивостока ген. Ивановым-Риновым отправлен против нас карательный отряд в 300 штыков при двух орудиях и 8 пулеметах под командой ген. Смирнова. Белогвардейские газеты повели бешеную травлю против Сучана, подготовляя „общественное мнение“ к тем „решительным действиям“, которыми они намерены были „вырвать с корнем большевистскую заразу“ в нашем районе. Колчаковский комиссар Приморской области Циммерман особым приказом „отрешил от учительских должностей без права занятий таковых впредь“ учителей Ильюхова и Мечика и объявил их уголовными преступниками как организаторов бандитизма. Словом, в ответ на нашу „ноту“ об объявлении войны белогвардейскому правительству, в которой мы всех „участников власти и лиц способствующих ей“ дерзко объявили вне закона, — со всех сторон послышался лай бешеных собак. Разумеется, дипломатический корпус нам ничего не ответил,—это было бы ниже его дипломатического достоинства. Его ответ был несколько иного порядка: по всей линии железной дороги, на Сучанских копях и в наиболее важных стратегических пунктах были усилены интервенционные гарнизоны.

С большой страстью и напряжением повели мы работу. Решено было устроить должный прием карательному отряду.

При благоприятных условиях сила наших боевых дружин должна была оказаться довольно внушительной—даже в том случае, если рабочие не успеют слиться с нами: дружин в это время насчитывалось около 14 с числом могущих выступить против врага участников до 300-400 человек. В успех первого боя можно было верить еще и потому, что мы имели на своей стороне ряд преимуществ: свободный выбор позиции для засады, знание местности и—главное—революционный энтузиазм.

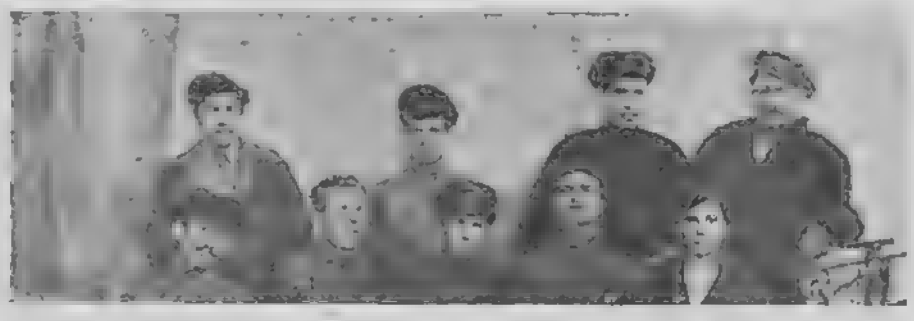
К нашему сожалению, карательный отряд, находясь в полной неосведомленности о положении в районе, проявлял в своем наступлении по линии железной дороги такую осторожность, что даже отказался от поезда и, миновав станцию Кангауз, расположенную в 30 верстах от Сучанских рудников, двинулся вперед пешком. На такое путешествие до станции Сучан ему потребовалось около двух дней тяжелых мытарств по крайне неблагоустроенному пути. В это время кулацкая часть деревень Казанки и Фроловки при поддержке „сомневающихся" и колеблющихся провела среди крестьян этих деревень мысль о необходимости послать депутацию в американский штаб, чтобы там просить защиты от репрессий белогвардейского правительства, а до получения ответа временно воздержаться от поддержки восстания. Этим своим шагом противникам восстания удалось деморализовать села Краснополье и Сергеевку, которые тоже заняли выжидательную позицию. Весть об этом оказалась для нас неожиданной.

Деревни Хмельницкая, Серебряная, Гордеевка, Бархатная, а затем примкнувшая к ним, под влиянием местного учителя Сосиновича и группы ему сочувствующих крестьян-бедняков, кулацкая деревня Бровничи (считавшаяся все время оплотом противников советской власти) ночью 28 декабря с революционными песнями собрались в деревне Хмельницкой, горя желанием подраться с белогвардейцами. Отсюда революционные партизанские отряды (как отныне стали называть себя дружины), в числе около 120 человек, в 2 часа ночи 29 декабря на санях двинулись на общий сборный пункт всех отрядов в деревню Казанку, откуда предполагалось пойти навстречу отряду ген. Смирнова для устройства засады.

Настроение партизан было боевое, торжественное. Для каждого из нас этот момент был лучшей минутой нашей жизни, самой светлой, неизгладимой.

Но мы в своих радостных переживаниях и не предполагали, что через несколько минут получим неприятную весть: на половине пути нас встретил гонец, высланный дружиной из Казанки, с извещением о том, что Казанка и Фроловка решили пока не выступать с нами против ген. Смирнова, что вместо этого они решили просить „демократический" американский штаб защитить деревни Сучана от разгрома белогвардейских банд и вечером накануне этого дня уже послали к американцам депутацию, до возвращения которой—по их мнению—нет никакого смысла затевать драку с ген. Смирновым. Вместе с тем казанцы и фро-

ловцы просили и нас пока воздержаться от боя, чтобы не давать карательному отряду повода для репрессий и не осложнять миссии депутации. Эта неожиданная весть вызвала среди партизан некоторое замешательство, которое перешло затем в сильное недовольство. Послышались возгласы о предательстве и провокации. Некоторые партизаны настаивали на том, чтобы силой принудить казанцев итти вместе с нами. Впрочем и для всех было ясно, что нужно попытаться убедить слишком доверчивых, полагающихся на „американских дядюшек". Для этого было решено: 1) засаду против отряда ген. Смирнова перенести на участок между деревнями Хмельницкой и Серебряной, 2) дать возможность отряду Смирнова занять дер. Казанку и .3) командиру партизан немедленно выехать в эту деревню и попытаться организованно вывести дружины из тех сел, которые должен занять карательный отряд. Партизаны были отправлены обратно в Хмельницкую, а Ильюхов и Мечик выехали в Казанку.



Группа партизан Сучана.

Время однако оказалось уже проигранным. Только что успели названные товарищи прибыть в Казанку, как деревня была оцеплена белыми, и им пришлось под сильным обстрелом бежать обратно. Смирнов, узнав, что из его лап вырвались руководители восстания, послал вдогонку кавалерийский разъезд в 50-60 сабель, который преследовал Мечика и Ильюхова весь путь от Казанки до Хмельницкой. Партизанский отряд расположился в корейских фанзах около дер. Серебряной, в 7 верстах от Хмельницкой; кавалерийский разъезд занял без выстрела Хмельницкую, а затем и Серебряную. Первый блин у нас вышел комом: дать бой там, где предполагалось, не пришлось.

Тем временем подошли пехота и артиллерия ген. Смирнова и укрепились в дер. Хмельницкой. Мы начали готовиться к наступлению. Наступать было для нас менее выгодно при данных условиях, но обстоятельства безусловно этого требовали. 2 января, ночью, мы легко заняли свободную часть дер. Хмельницкой, расположились на крышах домов и открыли бешеную стрельбу по неприятелю. Среди белых произошел невообразимый переполох. Никто из них не мог догадаться, откуда идет стрельба: противника нет, а со всех сторон стреляют. В этом бою особенной изобретательностью по части разных трюков (вроде такого напри-

мер: взобраться на дымовую трубу одной из ближайших к штабу белых избы и стрелять почти в упор по офицерам) отличились профессиональные охотники Иван Суховий и Сергей Семеньков. Белые, не видя противника, стреляли из пулеметов и ружей наугад, совершенно без ущерба для нас. Бой продолжался около двух часов и закончился тем, что покинули деревню как мы, так и белые, причем каждая из сторон конечно думала, что противник оказался победителем и что деревня занята им. Отряд Смирнова возвратился в дер. Казанку, а партизаны в Серебряную.

Карательный отряд делал свое дело. В деревнях, занимавшихся им, производилась дикая, безудержная расправа с крестьянами, особенно с дружинниками, которые не успели заблаговременно бежать в тайгу. Начало расправы было положено в Казанке, которая до этого жила иллюзиями возможности „мирного исхода“ событий. Ген. Смирнов созвал здесь сходку и в присутствии всего села начал пороть мужиков раскаленными докрасна на огне шомполами, требуя сдачи оружия и указания, кто в селе является большевиком или сочувствует советской власти. В один вечер он выпорол 18 человек, причем каждый из „наказанных“ получил от 30 до 80 ударов. Пороли и старых, и молодых, и „большевиков“, и „учредиловцев“, и сторонников партизан, и противников — без разбора, всех, кто, „по усмотрению офицеров“, хоть сколько-нибудь внушал подозрение.

— Бьем вас, чтобы другим неповадно было, чтобы каждый из тех, кто побывал в наших руках, десятому и сотому заказывал не итти за большевиками.— Так напутствовали офицеры мужиков после того, как закончили над ними экзекуцию.

В день занятия деревни Казанки был расстрелян крестьянин Полунов.

В деревне Хмельницкой повторилось то же, что было в Казанке: выпороли тем же методом 9 крестьян и среди них семидесятилетнего старика Гурзу, который долго и упорно умолял „не обижать его“, „побояться его старых лет“ и „не снимать хоть его портки“. Но бравая рука офицера не дрогнула: старику дали 25 ударов. В этой деревне белыми был захвачен в плен т. Кошман, один из участников подготовки восстания, который был тут же, на глазах своих родителей, подвергнут мучительной казни: его постепенно, методически рубили шашками — сначала одну руку, потом другую, затем ноги и т. д. Старик-отец Кошмана собрал куски тела сына в мешок и похоронил лишь на третий день, так как офицеры для „острастки“ не разрешали убирать обезображенный труп героя.

В деревне Серебряной повторилась та же картина: был созван сход крестьян, и офицеры по выбору выпороли 6 человек. Ген. Смирнов приказом объявил, что не прекратит репрессий, пока крестьяне не выдадут организаторов восстания Ильюхова и Мечика и не сдадут оружия.

Тем временем вернулась депутация дер. Казанки, ездившая в штаб американских войск; она получила от американцев обе-

щание „бдительно следить за событиями и не допускать беззаконных действий генерала Смирнова". Но ответ американцев оказался запоздавшим: теперь уже не стало колеблющихся и сомневающихся—все решили взяться за оружие и итти к партизанам.

4 января мы решили сделать налет на отряд Смирнова. Отобрано было для этого около 40 лучших стрелков, в задачу которых входило занять несколько домов в Казанке и ночью произвести нападение на те дома, в которых помещались офицеры. Более широкий план наступления осуществить в тот момент нельзя было, потому что наши силы исчислялись не более как в 150-180 человек. Эта группа партизан под командой Ильюхова отправилась в путь через дер. Хмельницкую. Но противник перехитрил нас. В ту же ночь офицерский отряд человек в 50 занял Хмельницкую и расположился группами в 10-15 человек в здании школы и двух-трех домах, где обычно бывали учителя Мечик и Ильюхов и другие руководители восстания; их хотели захватить живьем. Предварительно офицерами была арестована жена Ильюхова Е. И. Слепцова, которую они объявили заложницей. Ген. Смирнов с остальной частью отряда расположился вблизи деревни в корейских фанзах. Чтобы не обнаружилась эта хитрая ловушка, офицеры целые сутки никого не выпускали из занятых ими домов. Не предполагая о приготовленной коварной ловушке, группа партизан прибыла в Хмельницкую и остановилась на некоторое время в избушке на краю деревни с тем, чтобы после отдыха вновь продолжать путь. Белые расположились таким образом, что при всех обстоятельствах партизаны очутились бы в очень затруднительном положении, если бы попытались направиться в деревню Казанку. Офицеры вполне основательно могли восхищаться ловкостью своей засады. Однако они не учли одного: забыли, а, может быть, в это время еще не знали, что в партизанской войне против них принимают участие не только рабочие и крестьяне с винтовками, но все население, все трудящиеся, начиная от глубоких стариков и кончая малолетними детьми. Этот факт оказался роковым для хитро задуманного их предприятия. Перед тем как партизаны готовились продолжать свой опасный путь, прибежала к ним шестилетняя девочка, дочь партизана Корнея Суховея, которая, по-детски волнуясь, сообщила, что в домах засели офицеры и ждут появления партизан, чтобы их схватить. Донесение маленького разведчика сразу изменило наши планы. Партизаны бросились в атаку на первую же избу крестьянина К. Суховея, убили офицера, вышедшего из избы осмотреть улицу, и попытались проникнуть внутрь, чтобы захватить в плен всю засаду. Офицеры стали отстреливаться и кричать, что, если партизаны попытаются ломать дверь, они перестреляют всю семью К. Суховея (жену и пятерых детей), а затем покончат с собой. Партизаны остановили свой натиск. Через некоторое время белая засада, расположенная в фанзах около Хмельницкой, со всех сторон открыла пулеметный и ружейный огонь по партизанам. Положение оказалось невыгодным для нас; поэтому, отстреливаясь,

мы покинули деревню и вернулись к своим в Серебряную. Планы противника были разбиты, но вместе с тем и задача партизан осталась неосуществленной. Обозленные таким исходом дела, белые решили взять реванш в другом деле. Они разграбили ряд крестьянских хозяйств, кооперативную лавку, квартиру учителя, школьное имущество и с этими „трофеями“ вернулись в Казанку.

Характер такой борьбы этих дней нас мало удовлетворял. В самом деле, эта борьба приняла форму схватки довольно внушительной военной единицы белогвардейцев с небольшой кучкой наиболее преданных революционных крестьян, насчитывавших в своих рядах не более 150-180 человек. Мы оказались как бы изолированными от других районов губернии, были одиноки. Правда, на нашей стороне были энтузиазм и сочувствие крестьянства, но все же стало ясно, что дальше так продолжаться не может. Мы увлеклись военными операциями и мало уделяли внимания делу распространения восстания на всю область. Этот факт впрочем находил свое частичное оправдание в том, что сами условия обстановки нас вынуждали больше уделять внимания боевым операциям, а главное—мы не имели агитаторских сил и технических средств для пропаганды идеи восстания. Популяризация же лозунгов восстания, основным из которых являлся лозунг „борьба за советы“, была тем более необходима, что, как отмечалось выше, некоторые уезды все еще продолжали поддерживать Учредиловку.

Ген. Смирнов убедился, что выполнить приказ о „разоружении населения“ и аресте „зловредного элемента“ не так легко, как это думали его правители и как он сам сначала надеялся. В первые два-три дня после своего прихода в Сучанский район он без разбору порол раскаленными шомполами крестьян, теперь же засел в Казанке, не рискуя высунуть нос за ее пределы. Мы решили воспользоваться этим замешательством противника, чтобы заняться расширением и укреплением партизанства.

Первым делом мы разослали по всем волостям области призыв к крестьянам следующего содержания:

Всем, всем, всем.

Пламя революционного восстания рабочих и крестьян охватило все села Сучана. Вот уже неделя, как восставшие против белогвардейщины и интервенции красные партизаны выдерживают бешеный напор банды генерала Смирнова. Бандиты расстреливают и порют раскаленными на огне шомполами крестьян и рабочих. Мы восстали потому, что страстно хотим помочь нашей Советской стране свергнуть палача Колчака, восстановить советскую власть в Сибири и на Дальнем Востоке и прогнать интервентов. Помогите нам. Организуйте партизанские отряды. идите в бой с нашим вековечным врагом. Поддержите нас. Да здравствуют советы! Долой палачей! Ни пяди не уступайте завоеваний революции.

Сучанские партизаны.

11 января 1919 г. это воззвание было отправлено в Цемухинский район, Никольско-уссурийский и Ольгинский уезды, и, кажется, уже на третий день мы получили ответ на него от группы

товарищей из Цемухинского района с выражением солидарности и обещанием поддержки. В этом районе скрывались от белых бывшие члены Забайкальского исполкома, в то время левые эсеры М. Д. Иванов, проживавший под фамилией Володарчика, и Кл. Ив. Жук (Макарова), которые были связаны с некоторыми учителями, в частности с И. В. Слинкиным, и группой бывших красногвардейцев—Мелехиным, Овчаренко (Лихоткиным) и другими. Эти все товарищи, по инициативе Иванова и Жук, образовали революционный кружок и ждали момента, чтобы начать работу по подготовке восстания против Колчака. Вести из Сучана ободрили их, и они приступили к работе. Район гор. Ольги, расположенный в 300 - 400 верстах от нас и отделенный трудно проходимым горным хребтом Сихото-Алин, без сколько-нибудь сносных путей сообщения, вероятно не получил нашего воззвания, но о факте восстания узнал „по слухам от крестьян". „Слухи" были вообще в то время для нас чуть ли не единственным средством связи и агитации. Мало заселенная окраина, бездорожье, отсутствие телефона и телеграфа (которым пока еще владел враг), отсутствие печатного слова, кроме спорадически выпускаемых штабом партизанских отрядов небольших, вроде вышеприведенного, воззваний, отпечатанных на старенькой, полуразбитой пишущей машине, взятой во Фроловском волостном совете, — все это давало самый широкий простор слухам и разговорам. Впрочем слухи, по быстроте распространения конкурировавшие с телефоном и телеграфом, в данном случае служили только на пользу нам. Они самый маленький наш успех варьировали на разные лады, так что создавали необычайную популярность сучанскому восстанию и, преувеличивая его размеры, придавали ему притягательную силу даже для колеблющихся элементов деревни. В этом смысле первые наши бои с генералом Смирновым явились значительным агитационным средством. И не столько наше воззвание, сколько главным образом „народная молва" распространила весть о партизанах, призывая трудящихся помочь сучанцам и образовать единый фронт против контр-революции.

Однако наш лозунг „борьба за советы" не везде одинаково воспринимался. В интересах ясности изложения нам придется несколько уклониться от последовательности развития событий и остановиться на настроении крестьянства Приморской губернии в этот период.

Захват власти адмиралом Колчаком, объявление им мобилизации населения для усиления белогвардейского фронта против Советской России, появление прямой и неприкрытой опасности буржуазно-помещичьей реставрации, идея которой уже успела целиком пропитать белую армию и „правительственный" аппарат, вплотную ставили крестьянство, за исключением лишь кулацкой верхушки, перед вопросом о необходимости защиты своих элементарных политических прав. Крестьянство чувствовало, что дальше оставаться пассивным зрителем в политических событиях ему нельзя, что пробил час, когда оно должно взяться за оружие.

Выступление „союзных государств“ (интервенция) вместе с контр-революцией порождало опасность полной или частичной аннексии Дальнего Востока, издавна лакомого „кусочка“ для империализма, что в свою очередь вызывало в крестьянстве национальное чувство, стремление бороться за территориальную независимость Дальнего Востока. Словом, назрели такие условия, когда подавляющая масса крестьянства должна была поддержать восстание. Вопрос мог возникнуть только о том, под чьим руководством и под какими лозунгами эта борьба должна происходить. Та часть деревенской бедноты, которая давно уже решительно и бесповоротно связала свою политическую борьбу с пролетариатом, при данной обстановке еще сильнее, крепче почувствовала необходимость совместных, согласованных с ним действий, подчинив себя наиболее надежному и последовательному руководству рабочего класса.

Кулаки работали в свою очередь: зажиточных крестьян, которые еще в значительной своей части жили иллюзиями Учредительного собрания, они всеми мерами старались удержать от большевистского влияния и использовать на защиту „национального дела“ против советов.

Сучанские крестьяне, находившиеся в менее выгодных экономических условиях по сравнению с такими уездами, как Никольско-уссурийский, и вынужденные в силу этого часто уходить на заработки в город, на железную дорогу или в каменноугольные рудники, были более связаны с рабочими и потому отличались наибольшей революционностью и сознательностью. Сучанцы явились наиболее решительными выразителями настроения бедняцкого крестьянства, когда первыми выступили на борьбу за советы. Влияние пролетарских настроений здесь было предопределено самой хозяйственной обстановкой, связью с рудниками и фабрично-заводскими предприятиями, сконцентрированными в южной части Приморья.

Другие уезды, чисто крестьянские или наиболее зажиточные, обеспеченные землей и угодьями, отображали в этот момент все шатания и слабость идеологии мелкособственнического крестьянства. Так, если Сучанский район, сохранивший в целости власть советов, несмотря на перевороты и господство реакции в городе, теперь выступил на борьбу за советскую власть, то пробуждение активности Никольско-уссурийского уезда происходило под знаком полной неясности в политических требованиях крестьянства: шатание, безыдейность и, в худшем случае, даже открытое выступление за Учредительное собрание, т. е. подпадение под прямое влияние кулаков и эсеров,— вот что наблюдалось здесь. И поэтому Никольско-уссурийский уезд был крайне неорганизован, раздроблен и служил объектом всякого рода эсеровских интриг и авантюр в 1918 г., в период существования советской власти, тогда как Сучанский район всякий раз выступал единым организованным фронтом, а когда восторжествовала реакция, он создал свою в полной мере независимую от контр-революции „Сучанскую республику советов“, знамя которой донес незапятнанным до окончательной победы.

Наиболее ярким показателем этих двух оттенков крестьянских настроений являются следующие два документа, которые были опубликованы несколько позднее рассматриваемого периода, но тем не менее дают представление и о данном моменте. Мы помещаем здесь эти интересные документы в нетронутом виде, без всяких поправок. Первый из них принадлежит сучанским партизанам и, являясь косвенным ответом на провокационную агитацию меньшевиков и эсеров против восстания на Сучане, обращен к рабочим Владивостока, среди которых велась указанная меньшевистско-эсеровская агитация.

ВОЗЗВАНИЕ

к рабочим города Владивостока.

Товарищи рабочие!

Охвативший в городах и селах все живое, честное из трудящихся пожар восстания угнетенных масс начался на Сучане как бы от вспышки маленькой спички. Это революционное пламя, сметающее на своем пути прошлый, вчерашний мир, захватило и крестьянство. В крестьянстве жил, воспитывался и рос революционный дух веками угнетения со стороны помещиков и капиталистов.

В первый период революции крестьянство как будто спало. Теперь оно стало задыхаться в душной атмосфере реакции, когда их стали вербовать в контрреволюционную армию и посылать на фронт против их же братьев крестьян и рабочих. крестьяне восстали. Однако крестьянство восстало не только потому, что забирают у него последнюю лошадь, а главным образом в силу того, что оно решило активно, с оружием в руках, завоевать себе свободу, жертвуя всем, даже своей жизнью, добиваться власти, отвечающей требованиям трудового народа, власти советов. Наши враги, провокаторы, стараются доказать вам, что теперешнее восстание крестьян уляжется, как только уйдут из деревни карательные отряды. Ложь! Не верьте этому, товарищи рабочие! Эти темные элементы стремятся создать недоверие к нам, к нашему восстанию, у пролетарских масс. Мы поклялись не складывать оружие до тех пор, пока не завоюем окончательно свои политические позиции, пока на-голову не разобьем вражеской армии. Имевшие место в деревнях расстрелы, издевательства, грабежи и насилия со стороны карательных отрядов нас не устрашат. Мы или все до одного погибнем или добьемся свободы. Рабочие Сучанского рудника нас поняли, они не поддались гнусной провокации, они образовывают с нами вместе боевые революционные отряды. Мы, крестьяне, обращаемся к вам с горячим призывом: сливайтесь в один общий поток народного возмущения, идите с нами на кровавый бой с насильниками. Раньше доверчивое крестьянство, верившее в красивые слова прихвостней буржуазии, не все шло с вами; многие из них не сознавали великой силы рабоче-крестьянского социалистического движения. Теперь все, как один, старики и молодые слились с сучанскими рабочими в одну братскую семью и ждут, когда придет момент строгой расправы с их поработителями.

Товарищи, мы обращаем на вас все наши взоры. Вы должны тоже восстать. Крестьяне сейчас заявляют вам, товарищи, что никто никогда из них в солдаты не пойдет и ничего для вражеской армии не даст. Мы дезорганизовываем тыл сибирской армии, ослабляем колчаковский фронт, следовательно помогаем советской власти расправиться с своими врагами. Крестьяне объявили беспощадный террор всем предателям, провокаторам, кулакам и буржуям. Крестьяне ведут бой с карательными отрядами, поражают их, и, сколько бы реакционеры в своих газетах ни умолчаливали об этом, ни провоцировали нас, крестьяне не замолкнут.

Товарищи рабочие! К нам, в нашу армию! В бой за революцию рабочих и крестьян! Да здравствует всемирное восстание! Да здравствует братский союз рабочих и крестьян! Смерть паразитам и врагам трудящихся! За власть советов!

Штаб революционных партизанских отрядов Сучанской долины.
Крестьяне Сучанской долины.

2 февраля
1919 г.

Второй документ принадлежит „крестьянско-рабочей армии" Никольско-уссурийского уезда, которая стала образовываться из крестьян после того, как сучанское восстание получило наибольшее распространение, и относится к тому периоду, когда революционный Сучан еще не взял под свое руководство эту „крестьянско-рабочую армию". Мы его тоже помещаем без редакционных поправок:

Всем, всем, всем.

Ивановская, Анучинская, Черниговская, Сысоевская и Яковлевская волости, протестуя против зверского выколачивания непосильных податей и без согласия Учредительного собрания набора новобранцев для ведения партийной борьбы и насилия, производимого карательными отрядами над мирным населением, вплоть до бесцельного уничтожения огнем имущества, истязания, расстрелов мужчин, женщин и детей, вплоть до грабежа иностранных подданных, представителями русского правительства в Сибири и на Дальнем Востоке (колчаковского правительства – *И. Т.*), заявляют, что такая политика вынудила крестьянское население взяться за оружие для отстаивания своей жизни и своих семей, а также для защиты благосостояния иностранцев, и образовать вооруженную армию. Мы обращаемся к мирному населению и иностранцам, имеющим интересы в районе охваченных волостей, с призывом мирно продолжать свой труд. Мы гарантируем всем как личную безопасность, так и безопасность имущества. Обращаясь ко всему населению области и представителям иностранных консульств дружественных нам держав с просьбой не верить наветам и вымыслам наших врагов, распространяемых против восставшего народа, в случае сомнений в искренности наших заявлений мы просим выслать своих представителей и представителей от населения, которое еще не взялось за оружие, и убедиться в истинном положении дела.

Этим представителям мы гарантируем беспрепятственный и безопасный пропуск через фронт и удобный способ передвижения внутрь нашего района. Все люди все хотят жить! Для защиты своей жизни мы и взялись за ружье. Таков наш лозунг.

Революционный штаб Крестьянско-рабочей армии Никольско-уссурийского уезда.

Март 1919 г.

В этих двух документах две тенденции в крестьянском движении представлены наиболее ярко. Тенденция первая — борьба за социалистическую революцию и вторая — типично мелкобуржуазная, болтающаяся между революцией и контр-революцией.

Однако, несмотря на весь этот идейный разброд, — который, по нашему мнению, проистекал оттого, что партизанское движение еще не окрепло и не было еще достаточно сильного руководящего центра, способного охватить восстание, в значительной степени находившееся во власти стихии, — дело наше с каждым днем все более укреплялось. 14 января мы получили информацию от товарищей Иванова и других из Цемухинского района о том, что они успешно ведут формирование партизанских отрядов с целью возможно скорее двинуться к нам на поддержку. Из Никольского уезда к нам приехали через тайгу крестьяне с просьбой выслать руководителей для организации там восстания; из Сучанских каменноугольных копей и с железной дороги стали партиями прибывать рабочие и — что отраднее всего — многие из них со своими винтовками и патронами, что облегчало нам снабжение оружием остальных товарищей. Тов. Мартынов со свойственными ему энергией и добросовестностью ночи и дни

просиживал за перепиской с своими друзьями-шахтерами, призывая их бросать работу и итти в отряды. В результате у нас образовалось довольно сильное и спаянное пролетарское ядро, опираясь на которое легко можно было преодолевать недисциплинированность и разброд в партизанских отрядах. Сучанские шахтеры, сыгравшие потом в движении наиболее славную роль, в этот период облегчили нам также подбор командиров, большинство командных должностей скоро были заняты ими, и этим как бы закреплялось пролетарское руководство партизанской борьбой. Многие из этих командиров, — как Сергеев, Шурыгин, Гусев и другие, — могли показать пример не одному профессиональному вояке из белых офицеров. Только с этого времени начинает складываться прочная партизанская организация в нашем районе.

Впрочем не все шло гладко. В конце января мы получили сведения, что в Никольско-уссурийском уезде в дер. Варваровке арестована крестьянами группа наших агитаторов во главе с Корнеем Гурзо, которые были „заподозрены“ в большевизме. Любопытное дело: крестьяне начинают готовиться к восстанию, просят у нас руководителей, а когда мы высылаем 17 человек своих партизан, их арестовывают и намереваются выдать „властям“, т. е. отдать на съедение озверевшей белогвардейщине. Немедленно мы послали крестьянам Варваровки ультимативное требование освободить наших товарищей. Мы им объясняли, что восстание на Сучане есть как раз большевистское восстание и что, если они не освободят партизан, мы примем такие меры, от которых им не поздоровится. В результате наши товарищи были освобождены. После оказалось, что кулацкая в значительной своей части деревня Варваровка, затем староверская деревня Виноградовка и еще две-три объявили „двум борющимся сторонам“, т. е. нам и белым, что они отказываются от поддержки кого бы то ни было в „братоубийственной борьбе“ и объявляют себя „нейтральной стороной“, а для того, чтобы этот нейтралитет не был нарушен ни одной из сторон, они просили „союзное командование“ взять их под свою защиту. Это был тот самый „нейтралитет“, которым кулак наивно пытался прикрыть свою контрреволюционность и в силу которого, как это вообще часто бывало в истории гражданских войн, „нейтральным“ достаточно доставалось от обеих сторон.

Зато из Цемухинского района мы получали все более и более отрадные сведения: организация партизанских отрядов проходила там успешно и при всеобщем сочувствии крестьянства.

Мы начали готовиться к наступлению на ген. Смирнова, который в это время так растерялся при виде разворачивающейся картины восстания, что не выходил никуда из Казанки, каждую минуту ожидая набега партизан. К тому же в его отряде стало „неспокойно“. Карательный отряд, как и вся „армия“ Колчака, в то время представлял сброд самых различных элементов как социальных, так и национальных. Тут на-ряду с родовитым офицером-дворянином можно было встретить и хунхуза-китайца, и

босяка, и гимназиста, и студента, и т. д. Хунхузы составляли значительную часть отряда Смирнова — около половины. Вся эта банда довольно высоко оплачивалась, чем только и поддерживался ее „боевой дух“. Наемная система армии порождала своеобразный „демократизм“ у защитников „национального дела“, который характеризовался тем, что при военных операциях последнее слово сплошь и рядом оставалось за хунхузами: достаточно было задержать выплату им жалованья, как хунхузы устраивали „забастовку“ и отказывались подчиняться приказу командира. Однажды был такой случай. Смирнов со своим карательным отрядом, направляясь из Казанки во Фроловку, должен был перейти реку Сицу, на которой провалился лед от тяжести батареи, и орудия пришлось вытаскивать людям на себе. Китайцы-хунхузы, не получившие своевременно жалованья, отказались от этой работы, заявляя, что они не будут больше подчиняться офицерам, если генерал не выплатит немедленно денег. Смирнову пришлось выполнить требование „забастовщиков“, после чего орудия были вытащены из реки и отряд смог продолжать свой путь. Не бóльшая в отряде белогвардейцев была в то время и „идеологическая спайка“. Меньшинство, т. е. офицерский элемент и „золотая молодежь“, жило бешеной ненавистью к большевикам и все свои упования строило на том, что диктатура Колчака, „сильная власть“, сможет организовать в достаточной степени сильное контр-революционное движение, чтобы реставрировать царский режим. За ними боязливо плелись либеральная буржуазия и интеллигенция, тая мысль внести „соответствующие коррективы“ в тот общественно-политический строй, который должен возникнуть взамен колчаковской диктатуры после побéды над советской властью. Силу всему этому реакционному движению придавали пассивность, колебания крестьянства и контр-революционность его верхушечной части. Любопытно между прочим, как понимали свою высокую миссию хунхузы. На вопрос крестьян, чего они добиваются, за что воюют, эти „бравые солдаты“ на ломаном русском языке отвечали: „борсука ломайла учредилка, наша хочу починяй учредилка“. В карательные отряды белогвардейское правительство старалось посылать прежде всего этот сброд „починщиков учредилки“; поэтому немудрено, что ген. Смирнов потерял спокойствие и твердость духа, когда партизаны стали организационно и численно расти, завоевывая с каждым днем все больше и больше сочувствие среди рабочих и крестьянства.

ГЛАВА III.

От обороны к наступлению. — Бой под д .Гордеевкой. – Бой под д. Веприно. – Казнь 9 крестьян.—Приезд американской комиссии в штаб отрядов.

Обстановка позволила нам перейти от обороны к наступлению. По соглашению с партизанским отрядом Цемухинского района было решено объединить все наши силы и выбить Смирнова из Казанки. Для этой цели все партизанские силы двух районов были стянуты в селение Гордеевку, и 16 января предполагалось начать наступление. За сутки до назначенного срока на сборный пункт прибыли цемухинцы во главе с тт. Ивановым, Слинкиным, Жук и другими, с которыми мы теперь только впервые встретились, а потом спаялись в одну семью, неразлучную на протяжении всего периода тяжелой работы. Тут впрочем уместно будет сказать об ошибке, которую допустили при организации партизанского отряда названные товарищи. Они настолько были захвачены революционным энтузиазмом, что, опираясь на широкую популярность среди крестьян лозунгов восстания, приняли такое настроение деревни за фактор, объединяющий поголовно всех крестьян в одну сплошную революционную массу, где якобы сглажены под влиянием этого настроения все социальные противоречия и где живет только одна мысль—борьба против реакции и за восстановление советов. Поэтому Иванов, Слинкин и Жук объявили „всеобщую мобилизацию“ в своем районе и таким путем влили в партизанскую массу чуждые делу кулацкие и идущие за ними элементы; кулаки, боясь репрессий со стороны партизан, конечно не могли сопротивляться этой мобилизации. Такой шаг имел двоякий и в обоих случаях отрицательный результат: 1) был нарушен добровольческий характер создания партизанских отрядов, опираясь на который только и можно было создать достаточно сильную организацию того периода, и 2) в наши ряды пришел наш враг, старавшийся всяческими средствами породить сомнение, неверие в свои силы, внести идейный разброд в среду повстанцев. Ошибка товарищей цемухинцев сказалась при первом же случае.

В Гордеевке был устроен митинг, на котором нужно было решить вопрос об общем командовании и поднять революционный дух партизан перед наступлением. По первому вопросу как будто не произошло особых разногласий: командиром объединенных отрядов был избран Ильюхов. Однако, как только в горячих речах ораторы стали призывать к немедленному наступлению на занятую белыми Казанку (военная тайна тут не особенно сохранялась), началось „вавилонское столпотворение“. Два кулака из деревни Новороссия — Лисица и Смага (последний потом был нами расстрелян за связь с белыми) — и шедшая за ними часть крестьян оказали сильнейшее сопротивление нашему „боевизму“, ссылаясь на то, что после боя начнутся разграбление их имущества, террор и всякие напасти. Вследствие такого финала, нового для сучанцев, но вполне впрочем обычного для цемухинцев (в значитель-

ной своей части напоминавших по хозяйственному положению и политическому настроению крестьян Никольско-уссурийского уезда, о которых мы говорили выше), наступление было отложено на одни сутки, в течение которых мы надеялись справиться с этими внутренними затруднениями. Положение оказалось действительно

5955b

1) Иванов М. Д.—член Рев. штаба и начальник операт. отдела. 2) Жук-Макарова К. И.—редактор. 3) Слинкин И. В.—председатель Ольгинского рев. штаба и исполкома. Все трое—организаторы восстания в Цемухинской долине.

тяжелым: как ни старались мы „локализовать" кулацкий сектор цемухинцев, высвобождая из-под его влияния бедняков (крестьян с. Новомосковского и др.), этот отряд все же не мог внушать нам особых надежд. Случай вывел нас на время из затруднения: мы получили сведения, что в Цемухинский район выслан кара-

тельный отряд под командой ген. Волкова, того самого, который с группой офицеров месяц тому назад разделался с так называемым „Временным сибирским правительством“ в городе Омске. Дело в том, что белогвардейская власть, получая неутешительные сведения о настроениях крестьянства и о положении, в котором очутился ген. Смирнов, решила как можно скорее разделаться с нами. В задачу отряда Волкова входило очистить от партизан Цемухинский район и возможно быстрее двинуться через хребет Сихат-Алин против Сучана, на помощь ген. Смирнову. В силу этого цемухинский партотряд был нами переброшен вновь в свой район, чтобы оказать сопротивление ген. Волкову. Там же решено было произвести реорганизацию партотряда, распустив по домам вредную для дела его часть, и оставить в отряде лишь тех, кто добровольно желает с винтовкой в руках бороться за советскую власть. Одновременно было решено, что т. Мечик останется в Сучанском районе, а Ильюхов должен на время выехать в Цемухинский район.

Через два или три дня развернулись события. Оказалось, что власть, растерявшись перед лицом происходящих событий, отправила еще один — третий по счету — карательный отряд, который должен был со станции Тигровая двинуться по направлению селений Гордеевка — Бровничи — Хмельницкая, имея задачу взять в кольцо сучанских партизан с тем, чтобы одновременным наступлением с отрядами генералов Смирнова и Волкова совершенно лишить нас путей к спасению. Силы неприятеля таким образом приняли внушительный размер, а хитро задуманный план действительно мог поставить нас в затруднительное положение. В самом деле, сучанский партотряд к тому времени насчитывал в своих рядах не более 200 человек наиболее надежных товарищей, и в цемухинском после реорганизации пока оставалась небольшая горсточка в 70-80 человек; против нас же стоял враг, имея в общем (считая все три отряда) около 1000 - 1200 человек при пулеметах, артиллерии и коннице. Партизаны всё же решили принять бой и готовились к трудностям, вытекающим из такого соотношения сил.

22 января разыгрались бои. Первый бой произошел в Цемухинском районе под деревней Веприно. Расположившись на горном перевале, в густом лесу, на прекрасных позициях, партизаны устроили противнику засаду. Каратели начали наступление с утренней зарей, причем, не предполагая, что партизаны сделают им встречу именно в данном пункте, они двигались так, как если бы им ничто не угрожало — без охранения и других мер предосторожности, в результате чего прямо-таки напоролись на нашу засаду. Сильнейший огонь, открытый партизанами по видимой цели, вызвал среди белогвардейцев панику. Сначала они еще пытались отстреливаться, но потом в беспорядке, не слушая команды офицеров, обратились в бегство. Лишь часа через три после боя противник оправился и начал через лесную чащу по глубокому снегу наступать на нас с фланга, отказавшись от попыток взять позиции

в лоб. В результате такого маневра преимущество нашей засады было утрачено, и партизанам пришлось отступить.

В это же утро произошел второй бой под дер. Гордеевкой в Сучанском районе. Здесь наши силы были более значительными, хотя в свою очередь и противник был более силен. Наступлением на Гордеевку руководил сам генерал Смирнов, прибывший сюда из Казанки с группой офицеров. Белые имели около 250 штыков пехоты, около 50 сабель кавалерии и батарею артиллерии. Партизаны собрали только около 120 человек; остальные должны были охранять все опасные подступы на случай внезапного нападения с тыла. В полутора верстах от Гордеевки белые были встречены нашим огнем из засады. Быстро мы сбили кавалерию, которая, оставив 5 всадников убитыми и ранеными, шарахнулась назад. Завязалась перестрелка с пехотой, а затем развернулся бой, который длился около двух часов. Партизаны не выдержали и должны были отступить в деревню Серебряную, оставив противнику Гордеевку.

В обоих этих боях мы не потеряли ни одного своего товарища, в то время как в рядах белых было убито 5 офицеров и около десятка солдат, причем в гордеевском бою нами были взяты даже трофеи — 6 лошадей и некоторое количество патронов и обмундирования. Но что́ было важно — это тот факт, что партизаны в обоих случаях проявили изумительную выдержку, стойкость и организованность. Это подбадривало нас и давало большую уверенность в том, что мы вполне можем конкурировать по боеспособности с белыми, а главное — этим рассеивалось сомнение, неверие в наши силы, которое еще не было изжито значительной частью крестьян. Несколько снизившаяся перед этим волна клеветы, травли и проклятий по адресу партизан в белой прессе—после этих событий вновь поднялась на невиданную с первых дней восстания высоту. Ложь и провокация широко были использованы газетами для агитации против нас. В довершение своей подлости белые разыграли чудовищную комедию в надежде хотя этим объединить „общественность“ в борьбе с партизанскими отрядами.

В бою под Веприным был убит офицер Пашкеев, один из активных местных деятелей контр-революции, а под Гордеевкой— никому неизвестный офицер Монаков. Пашкееву власти села Шкотово устроили торжественные похороны в надежде повлиять на крестьян в том духе, что партизаны, мол, настолько потеряли „национальное чувство“, что убивают местных деятелей, не щадя тем самым „русское дело“. В церквах попы, несмотря на будничный день, устроили торжественные богослужения и в „пастырском слове народу“ призывали его встать на защиту православной церкви. Однако все старания их не принесли сколько-нибудь существенных результатов. Не то было в случае с Монаковым, труп которого привезли во Владивосток. Газеты наполнились статьями, посвященными „павшему герою“, с призывом ко всем принять участие в его похоронах. Наместник Колчака по Дальнему Востоку ген. Иванов-Ринов в день похорон приказал гарнизону выстроиться на Соборной площади для сопровождения гроба.

Попы много и долго звонили в колокола, сзывая „народ“. В воскресенье, в день похорон, собралось довольно много всякого люда и войска. На площадь явились и власти и даже „сам“ Иванов-Ринов. Тут священник Давыдов объявил собравшимся, что Монаков не был убит в бою, а раненым был захвачен в плен партизанами и затем подвергнут нечеловеческим пыткам, после которых герой, стоически переносивший все мучения, умер. В заключение поп Давыдов предлагал всем, желающим убедиться в подлинности его слов, осмотреть труп Монакова. Труп был действительно зверски изуродован: на плечах тела можно было заметить дыры от гвоздей, которыми пробивались погоны, лицо обезображено. Провокация на первый раз удалась: присутствовавшие на похоронах „героя“ в большинстве поверили в справедливость слов попа Давыдова, и попытка белогвардейского правительства представить партизанское движение как бандитское дала свои плоды. В ответ на эту неслыханную клевету и обман мы обратились со специальным воззванием к рабочим и трудящимся Владивостока, в котором разоблачали ложь контр-революции и доказывали, что партизанам, если бы они даже и хотели этого, фактически не было времени и возможности заниматься экзекуцией над офицером Монаковым, так как трупы убитых белых солдат и офицеров в бою под Гордеевкой во все время боя находились между цепями партизан и белых, а после боя территория, на которой лежали эти трупы, перешла сразу же в руки противника. Мы установили лишь тот факт, что во время боя двое партизан-смельчаков, не обращая внимания на двойной огонь (наш и огонь белых), подбежали к трупам и взяли у офицеров документы, — это был единственный случай, когда партизаны находились вблизи убитых офицеров.

Впрочем колчаковской власти описанная провокация нужна была еще и для того, чтобы отвлечь внимание населения от тех зверств, которые были учинены карательными отрядами после гордеевского и вепринского боев. Зверства же эти превзошли все, что видел сучанский рабочий и крестьянин до тех пор. Начнем с ген. Смирнова. Заняв дер. Гордеевку, он был поражен тем, что ни в одной избе нет крестьян — все бежали в сопки; остались лишь 9 стариков, которые не имели сил добраться до тайги. Эти старики были арестованы и подвергнуты „допросу“. Их сначала избивали шомполами, затем на импровизированных блоках, приделанных к потолку избы, подняли вверх и оставили висеть привязанными за руки около двух часов. Когда и эта пытка не дала результатов (стариков допрашивали о местонахождении партизан), несчастные крестьяне были облиты кипятком. Наконец к вечеру (пытка продолжалась весь день) всех стариков выстроили в ряд, и офицеры их расстреляли. Один из этих истинных героев, мужественно выносивший боль и страданья, но не выдавший своих партизан (хотя он и все остальные знали, где находятся партизаны, какова их численность и пр.), по фамилии Цакунь, получивший 16 пулевых ранений, каким-то чудом остался

жив: он попал под трупы своих товарищей и так пролежал до следующего утра, а когда белые ушли из деревни, выбрался из-под трупов и приполз к себе в избу.

Ген. Волков, занявший селение Новороссию, расстрелял двух крестьян, а в с. Ново-Москва он же расстрелял троих и в заключение облил керосином муку и пшеницу тех крестьян, запасы которых давали ему повод думать, что партизаны смогут получать у них хлеб и материальную поддержку. Особое чувство у нас вызвала казнь двоих немцев, бывших военнопленных. Эти два товарища прибыли к нам из города, где им угрожала расправа чехо-словацких шовинистов, и попросили зачислить их в отряд. Мы с радостью приняли обоих в свои ряды; но, так как они были совершенно измучены, истощены и больны, то решено было временно оставить их в дер. Ново-Москва у надежного крестьянина, где они должны были законспирироваться и оставаться до тех пор, пока наберутся сил, чтобы делать с партизанами изнурительные таежные переходы. Ген. Волков все же обнаружил их и расправился с присущей ему жестокостью. Наши немецкие друзья испытали страшные мучения: в январский мороз их раздели донага, разложили на льду и запороли на-смерть проволокой. Получив известие об их казни, мы испытали сильнейшее огорчение: у каждого из нас была мысль, не мы ли являемся виновниками их смерти; ведь в отряде они были бы спасены, и, во всяком случае, страдания, связанные с партизанской жизнью, даже при состоянии их здоровья, ни в какой степени не могли сравниться с тем, что пришлось им вынести от рук палачей. Каждый из партизан на примере смерти немцев, на основе тех чувств, которые ему пришлось испытывать в связи с этой смертью, друг перед другом старался по-своему подчеркнуть, что в нем и следа не осталось от того „патриотического угара“, которым жила прежняя Россия во время войны с Германией; напротив, именно потому, что буржуазия хотела, жаждала этой националистической ненависти, каждый партизан старался подчеркнуть, что теперь любовь к рабочим и крестьянам Германии должна войти в плоть и кровь русских трудящихся; каждому из нас в этот момент хотелось подчеркнуть с особой силой, что партизаны и их дело — дело не только нашей русской, но и международной революции. От этого наша скорбь о немецких товарищах была еще сильнее и глубже. Многие из сучанцев долго будут помнить и хранить в своих сердцах память неизвестных (мы не помним даже их фамилий) немецких товарищей, о которых мы знали только, что они дрались под командой Сергея Лазо на забайкальском фронте против атамана Семенова и что они были революционерами.

Зверства доблестных генералов Смирнова и Волкова вызвали бурю негодования в крестьянстве. На сельских сходах стали выносить резолюции с протестами против расправы, учиняемой правительством; протесты эти посылались консульскому корпусу и „союзному командованию“ во Владивосток. Мы использовали все

средства для агитации за поддержку партизан как единственной силы, могущей защитить деревни от грабежа и насилий карательных отрядов. Одновременно командир партизанских отрядов отправил иностранным консулам подробное описание событий с протестом против покровительства интервентов белогвардейскому террору над рабочими и крестьянами, требуя немедленного прекращения вмешательства „союзных государств“ в дела Советской республики и увода интервентских войск. В ответ на все это штаб американских войск выслал в село Гордеевку, где были казнены старики-крестьяне, предусмотрительно названные в оперативных сводках белых войск „партизанами“, комиссию из пяти человек (два офицера и трое солдат). Мы намерены особо осветить вопрос о взаимоотношениях партизан с интервентами, в частности американцами, здесь же коснемся только этой комисии. Деятельность ее свелась к тому, что были сфотографированы трупы замученных и составлен „акт“; для приличия офицеры немного поохали, покачали головой, заявили нам, что партизаны в своем возмущении вполне правы, что они удивлены действиями русских коллег-офицеров, и затем благополучно, под охраной партизан, отбыли на станцию Тигровая, а оттуда во Владивосток. Ясно, что в газетах ничего не было сказано ни о факте поездки комиссии ни о результатах ее работ.

Впрочем американская комиссия больше интересовалась партизанами, нежели самим предметом своей „командировки“. Члены комиссии расспрашивали о социальном составе отрядов, о командирах, их образовании, командирском стаже, о нашей политической платформе. Они наивно доказывали, что нам нужно бороться как раз за тот строй, который установлен в „демократической, свободной“ Америке, и пытались убедить нас, что для разрешения „социальных конфликтов“ вовсе не обязательна гражданская война, что при наличии „доброй к тому воли“ вполне можно найти компромиссную формулу для установления соглашения между нами и правительством Колчака. Много и долго говорили они нам в таком духе. Мы просили американцев только об одном — опубликовать в газетах их впечатления о расстрелах и грабежах, творимых белыми отрядами. Обещание было дано, но, конечно, не выполнено. По части же политики мы им сразу заявили, что между нами и белыми находится непроходимая пропасть, и, пренебрегая „дипломатическим тактом“, выразили уверенность, что нам придется бороться не только с нашей контр-революцией, но и с теперешними нашими гостями. Этим и закончилась первая наша „дипломатическая“ встреча с иностранцами.

ГЛАВА IV.

Отступление ген. Смирнова. — Захват партизанами в плен отряда колчаковской милиции. – Развертывание агитации и организационная работа. — Подкрепление сучанцев из г. Ольги. — Гибель т. Мечика.

4 февраля быстро и неожиданно для нас ген. Смирнов оставил Казанку и двинулся в селение Владимиро-Александровку, которое являлось скорее удобным убежищем для него, чем стратегическим пунктом, сколько-нибудь угрожавшим партизанам. Это село расположено у берега моря и удобно только тем, что в минуту опасности можно было быстро погрузиться на пароходы и бежать во Владивосток. В дер. Фроловке белые оставили под видом милиции разведывательный отряд в 20 человек, который должен был выполнить роль арьергарда. Через несколько часов после ухода Смирнова мы напали на этот отряд, захватили его целиком в плен и всех расстреляли. После расстрела этих двадцати „защитников отечества“ белогвардейские газеты стали травить нас еще с бóльшим бешенством. Между прочим они кричали, что советский фронт на Урале совершено разбит, что не-сегодня-завтра Колчак с триумфом должен въехать в Москву, что надежд на восстановление фронта у большевиков нет никаких и поэтому партизанское движение на Дальнем Востоке, не имеющее поддержки ни со стороны Советской России ни со стороны народа, носит уже целиком бандитский, а не политический характер. Так как мы не имели никаких сведений о положении на уральском фронте и вынуждены были ориентироваться лишь по белой информации, читая в ней „между строк“, то приходилось жить только тем, чтó давал нам этот сомнительный источник плюс своя собственная фантазия. Ясно, что вследствие этого делалось не мало промахов, избежать которых мы старались только тем, что стремились возможно скорее связаться с партией. До сих пор наши попытки в этом отношении не давали никаких результатов.

Это обстоятельство заставило нас, не оставляя намерения настойчиво добиваться связи с партией, постараться найти внутри самого партизанского движения средства, гарантирующие нас хоть в малой степени от ошибок в руководстве партотрядами. Наиболее верным и доступным в этом отношении средством было создание коллективного органа, который возглавлял бы восстание. Организовать его было тем более необходимо и своевременно, что каждый день вносил в работу все новые и бóльшие трудности, преодолеть которые никто из нас в одиночку не смог бы. На этой почве созрела мысль о созыве съезда руководителей партизанских отрядов. По задуманному нами плану, будущий руководящий центр должен явиться не только военной, но и политической властью на территории восстания, с тем чтобы эта власть восстанавливала органы советской власти в каждом селе, волости, а затем и в городах, по мере расширения нашего влияния и во-

влечения в революционное движение новых районов. Мы считали, что политическая программа партизанских отрядов, их лозунги и декларации, с которыми они обращались к трудящимся области, и в данный момент, когда мы приобрели внушительную силу, способную говорить с врагом твердым языком, должны получить организационное выражение. Этим мы надеялись создать бо́льшую веру у рабочих и крестьян в смело начатое революционное дело и вместе с тем воспитать их в том духе, что наше восстание против белогвардейщины есть акт рассчитанной не на день-два-три, а на долгий срок, упорной, труднейшей, систематической борьбы с врагом.

По этим причинам нужно было широко развернуть агитационную кампанию среди крестьян и рабочих, чтобы, с одной стороны, подготовить их к съезду, а с другой стороны — обеспечить соответствующий авторитет новому органу власти. Военно-политическая обстановка к тому времени вполне благоприятствовала нашим планам. Как было сказано, ген. Смирнов, опасаясь дальнейших неудач в своем предприятии, вынужден был, после гордеевского боя и последовавшего затем нажима со стороны партизан, беспокоивших его своими внезапными повседневными набегами, укрыться в с. Владимиро-Александровку, подальше от военной опасности, очистив для нас всю остальную территорию Сучанского района, а карательный отряд ген. Волкова, не добившись „ликвидации" восстания в Цемухинском районе, срочно был отозван „наместником" Дальневосточного края Ивановым-Риновым во Владивосток и затем вместе с офицерским отрядом отправлен на уральский фронт; оттуда ему не пришлось вернуться, так как он, по газетным сведениям, через два или три месяца был убит.

14 февраля мы получили наконец информацию из Ольгинского и Тетюхинского районов. Оттуда нам сообщали, что крестьянство, не желая примириться с существованием контр-революционного правительства, тоже решило взяться за оружие, объявить беспощадную борьбу реакции и добиваться восстановления советской власти в Приморской области, а затем и на всей территории Дальнего Востока и Сибири. В названных районах были организованы два партизанских отряда—тетюхинский под командой т. Сержанта и ольгинский под командой т. Глазкова. Партизаны произвели переворот в г. Ольге, арестовали и расстреляли правительственную милицию, восстановили деятельность Ольгинского совета и объявили белогвардейской власти, что будут подчиняться только советскому правительству, в борьбе за соединение с которым ими будут использованы все свои силы. Нас обрадовало в этой информации не столько самое сообщение о факте восстания, сколько политическая платформа этого восстания. Было ясно, что революционный Сучан, эта осажденная белогвардейщиной крепость, получит у ольгинцев ясную и безоговорочную поддержку. Имена руководителей восстания, исключая учителя Лободы, нам не были в то время известны, но это ничуть не поколебало нашей уверенности в том, что мы сможем установить

сотрудничество, единый фронт в борьбе за советы. На третий день после первой информации прибыл делегат от ольгинского отряда, который сообщил, что отряд в 180 человек идет к нам на поддержку и находится уже в двух сутках ходьбы от Сучана. Как оказалось, первое письмо ольгинцев почему-то запоздало, и они, не дождавшись от нас ответа и имея сведения о том, что на Сучане все время происходят бои с карательными отрядами, решили немедленно двинуться к нам на помощь. Этот поход был не из легких. От Ольги до Сучана считается около 350 верст тяжелого, недоступного для езды на телегах пути, идущего по густой тайге, крутым горам, болотам, причем на всем его протяжении не было населенных пунктов кроме одного небольшого хутора да еще трех-четырех деревень, расположенных в самом Ольгинском районе. Нужны были мужицкое упорство и настойчивость, революционная страсть партизана и тренировка таежника, чтобы зимой, в феврале месяце, несмотря на глубокий снег и мороз, без надежды получить после тяжелого перехода отдых в теплой избе, рискнуть на такое предприятие.

Навстречу ольгинцам мы выслали роту партизан, и с ней отправился т. Мечик, помощник командующего по политическим делам, который попутно должен был провести подготовительную к съезду партизанских руководителей работу среди крестьянства в Сучанской и других волостях.

Тут разыгралась трагедия.

Тов. Мечик с тремя конными партизанами расположился в с. Унаши, в избушках на краю деревни, ожидая донесения наблюдательных постов, выставленных на дороге, по которой должен был итти ольгинский отряд. Он не заметил того обстоятельства, что противоположная сторона деревни в это время была занята белым разъездом в 30 сабель. Рота пехоты, вышедшая от нас с Мечиком, была остановлена этим разъездом в 8 верстах от Унашей в дер. Перятино. Обнаружив наших всадников и желая захватить их живьем, разъезд стремглав бросился на них. Мечик с партизанами, отстреливаясь, устремился в том направлении, откуда ожидали ольгинцев, в надежде получить поддержку от них или, во всяком случае, скрыться в лес. Колчаковцы настигали и уже вот-вот готовы были рубить партизан шашками, как дело приняло неожиданный оборот. В этот момент ольгинский отряд приближался к деревне Унаши, но, заметив кавалерию, рассыпался в цепь. Когда кавалерия приблизилась и была уже в нескольких шагах от цепи ольгинцев, последним стало ясно, что через минуты две они должны будут столкнуться грудь с грудью; поэтому они, не подозревая, что среди бегущих находятся и наши товарищи, открыли огонь. После первого залпа были сбиты с лошадей т. Мечик и т. Старовойт А. (шахтер), после второго—т. Гульков (рабочий) и 2 лошади. Колчаковцы, пораженные неожиданным и дружным огнем, быстро повернули лошадей и ускакали назад в Унаши, а затем во Владимировку к своим, к сожалению отделавшись только испугом. Мечик ока-

зался раненым в грудь и в ногу. Чтобы прекратить пальбу увлекшихся ольгинцев, он, собрав последние силы, поднялся на колена и закричал: „Товарищи, мы—партизаны!..". В ответ на это ольгинцы, до которых не долетели слова Мечика, дали еще залп, которым Мечик был убит: пуля пробила ему лоб, и он свалился мертвый рядом со своей убитой лошадью.

Тов. Мечик Тимофей, организатор первых партотрядов.
Трагически погиб в 1919 г. под дер. Унаши.

Тут же лежал раненый Старовойт, а т. Гулькова с простреленными грудью и обеими ногами увлекла его лошадь в лес, где он, истекая кровью, мучился долгое время и умер на седле.

Ольгинцы, отразив атаку, подбежали к Мечику, которого они приняли за офицера; сняв с него походную сумку с документами, воззваниями, они только теперь узнали, что от их пуль погибли их же товарищи. Пораженные отчаянием, многие партизаны рыдали. Ведь о Мечике каждый из них успел уже наслышаться

как об одном из смелых руководителей сучанского восстания, честном, преданнейшем революционере.

На нас этот факт произвел потрясающее впечатление. Тимофей—искреннейший друг, неисчерпаемый источник энергии и инициативы, смелый, пламенный борец, не развившийся еще молодой организаторский талант: сколько он вкладывал в дело веры, как страстно мечтал о том счастливом моменте, когда мы, заброшенная на далекую окраину горсточка партизан, по тернистому и кровавому пути придем наконец к своей заветной цели—соединимся с Красной армией, с Советской страной! Его молодая фантазия часто рисовала счастливую перспективу социалистического строительства, которое наступит после нашей победы, и всякий раз в это время он казался особенно привлекательным! И всегда,—и в те минуты, когда он воспламенялся ураганом нестерпимой ненависти, презрения к своему врагу, и тогда, когда он мечтал о мирном социалистическом строительстве,—всегда он оставался смелым, бодрым, преданным рабочему классу революционером и добрым отзывчивым другом. И так глупо, случайно погиб этот человек! Но долго-долго рабочие и крестьяне Приморья будут помнить это славное имя, помнить и любить его. И эта любовь будет лучшим памятником нашему Тимофею...

Прибывший ольгинский отряд расположился в селе Новицком. В его задачу входило противодействовать карательному отряду ген. Смирнова, если бы последний вновь попытался взять Казанку. Ольгинцы сразу же признали командование над собою сучанских руководителей и действовали с нами совместно.

ГЛАВА V.

Второй съезд партизанских руководителей.—Выборы и организация Ревштаба. — Разногласия с Дальневосточным комитетом РКП(б).—Лозунги восстания.

Съезд партизанских руководителей был назначен в конце февраля в с. Фроловке. Но перед его созывом мы вновь решили добиваться связи с партийной организацией Владивостока, чтобы получить от нее руководство. С этой целью было решено послать ответственного товарища, который подробно информировал бы комитет и договорился бы о всех деталях руководства. За неделю до съезда во Владивосток отправился т. Иванов, который ближе других был связан с партийной „эмиграцией"—бежавшими сюда из разных городов Дальнего Востока товарищами, надеявшимися, что в чужом городе они получат бóльшую возможность спасти себя от белогвардейской расправы и вести революционную работу. Поездка Иванова оказалась не безрезультатной: связаться ему удалось, но зато мы должны были пережить новое огорчение, теперь уже с другого конца. Он привез примерно такую директиву из Владивостока: 1) Дальневосточный областной комитет РКП(б)

считает, что после тяжелого поражения пролетариата летом 1918 г., в период выступления чехо-словаков и внутренней контр-революции, сложилась такая обстановка, при которой рассчитывать на новое выступление трудящихся масс с оружием в руках на борьбу за советы невозможно—до тех пор, пока не пройдет вполне закономерная и неизбежная в таких случаях полоса разброда, уныния и пассивности. 2) Крестьянское восстание на Сучане носит характер стихии, способной на скорое охлаждение и ликвидацию, и после первых поражений не будет в состоянии оказывать сопротивления белым; поэтому всерьез принимать его во внимание при определении революционной ситуации нельзя. 3) При всех неблагоприятных обстоятельствах для партизанского движения, как-то: отсутствие продовольствия, патронов и прочего ,— время года (зима) может создать такие трудности, преодолеть которые руководители будут не в состоянии, и движение само по себе сойдет на-нет. На основании всех этих соображений нам предлагалось взять решительный курс на „организованную ликвидацию" восстания, стараясь этим избежать стихийного краха, после которого могут возникнуть необычайные трудности.

Позиция партийной организации произвела на нас ошеломляющее впечатление. В самом деле: восстание к тому времени захватило большинство районов области, мы одержали над белыми ряд побед, партизаны в боях проявили столько стойкости, организованности; дисциплина в отрядах стала значительно укрепляться; крестьяне везут нам хлеб, дают дошадей для комплектования конных разведывательских команд при отрядах; размах движения принял такие размеры, что мы стали уже перед вопросом организации власти. И при всем этом мы получаем от партийного комитета, на который были устремлены все наши надежды, директиву „взять решительный курс на организованную ликвидацию восстания". Напрасны были наши протесты против такого решения, напрасно мы доказывали, что активность революционных масс, о которой комитет заботится в своей резолюции, партизанское движение как раз собой и выражает, что „технические трудности" борьбы, о которых говорит письмо комитета, нами успешно преодолеваются и будут преодолеваться, что к тому же без этих трудностей не обходится и противная сторона — белые; что восстание партизан на Сучане есть движение не только чисто крестьянское, но и рабочее, так как в наши ряды влилось все сознательное, активное, что имеется среди шахтеров на Сучанских каменноугольных копях, на железной дороге и т. д. Через неделю к нам прибыл представитель от комитета из Владивостока т. Шишкин Володя (Володя Маленький), который долго и упорно пытался убедить нас в правильности позиции комитета, но кончил тем, что сам заявил о нашей правоте и об отказе от своей прежней позиции. Такая частичная победа все же не выводила нас из тяжелого состояния, и мы твердо решили защищаться, не сдавать своих позиций и не выполнять директивы комитета, а стараться убедить его в ложности его точки зрения. Как ни ценили мы авторитет

партийного комитета, как ни нуждались в его руководстве, но интересы дела требовали в данном случае не итти по пути, на который толкала нас директива из Владивостока. К величайшему нашему удовлетворению, потом, когда вопрос был улажен и наша точка зрения была принята комитетом, мы узнали, что дело с первым письмом обстояло несколько иначе, чем сообщили нам тт. Иванов и Шишкин. Выяснилось, что т. Иванова ввела в заблуждение группа членов комитета и товарищей связанных с ней, называвшая себя „группой сибиряков" (они бежали от расправы из Сибири, главным образом из Иркутска, во Владивосток) и возглавлявшаяся тт. Резниковым, А. Н. Сафроновой и др. Эти товарищи, подменив собою партийный комитет, самостоятельно вели с нашими представителями обсуждение вопроса о партизанском движении и в результате написали нам письмо, содержавшее приведенную выше директиву. От их имени и приезжал Влад. Шишкин, который, видимо, тоже предполагал, что он выполняет волю комитета в целом. Когда позднее эта „группа сибиряков" на заседании комитета выступила со своей резолюцией по нашему вопросу, их точка зрения была провалена, и состоялось решение приветствовать восстание на Сучане, оказать ему поддержку и взять его под свое руководство. Мы здесь не намерены входить в суть инцидента с „сибиряками", — думаем, что те товарищи, которые будут писать историю Дальневосточной организации нашей партии, смогут наиболее правильно осветить этот вопрос. Нам хотелось бы только предупредить, что наше изложение этого вопроса ни в коем случае не должно пониматься так, что в поведении „группы сибиряков", в отношении их к восстанию, было что-нибудь выходящее за пределы искренности и добросовестности. Напротив, многие из них, как напр. т. Резников В., оставаясь во Владивостоке, не мало поработали на пользу партизанских отрядов, против которых они прежде так решительно выступали [1].

В результате постановления о поддержке партизанского движения при Областном комитете РКП (б) был создан военный отдел для снабжения нас обмундированием, патронами и прочим

---

[1] После чехо-словацкого переворота 29/VI 1918 г. во Владивостоке бо́льшая часть партруководителей была арестована. Против оставшихся на нелегальном положении велась черносотенная агитация контр-революционных организаций, совместно с эсерами и меньшевиками, дошедшими до охоты по вылавливанию коммунистов (Уткин был арестован по указанию меньшевика Манаева).

Оставшиеся на свободе товарищи перешли в подполье, и до декабря месяца 1918 года руководство было сосредоточено у тт. Раева, Зои Секретаревой, Фельдмана, Кукушкина и Игоря Сибирцева.

В декабре был организован комитет, в который вошли товарищи: Дельвиг, Фельдман, Зоя Секретарева, Игорь Сибирцев и Птицын А. (Воронин). Комитету пришлось еще больше законспирировать свою работу, и только самые близкие и испытанные товарищи знали состав его.

Вместе с тем во Владивостоке начали группироваться товарищи, приехавшие с сибирского фронта (А. Н. Сафонова-Яковлева, Резников, Владимирский, Сахъянова, Перевозников, Паукер, Володя Шишкин, Певзнер и многие другие).

Начавшиеся события в Ольгинском уезде,—где, в связи с колчаковской мобилизацией и проявленными на почве мобилизации зверствами, началось парти-

и для организации рабочих дружин, которые отправлялись на усиление отрядов. В военный отдел входили тт. Володя Маленький (Шишкин), Птицын (А. А. Воронин), Сибирцев Игорь, Зоя Секретарева (Зоя Большая) и др. Этот военный отдел через рабочий Красный Крест,—полулегальную организацию, в которой работали Зоя Маленькая (Станкова), Шумяцкая, Надя Батурина и др., — вскоре развернул прекрасную работу. Но о деятельности его — в следующей главе.

Необходимо подчеркнуть, что исправление линии „группы сибиряков" по отношению к партизанскому движению и установление правильного курса, который взял по этому вопросу партийный комитет, в значительной степени зависело от тт. Губельмана (дядя Володя), Кушнарева (Петра) и Раева (дядя Ваня), которые, благодаря своему авторитету и влиянию, смогли своевременно предотвратить опасность отрыва партии от революционного движения масс, от утери партией руководящей роли, к чему по существу вела точка зрения „сибиряков". Мало того, если бы восторжествовал взгляд „сибиряков" и партизанское движение предоставили самому себе, нам труднее было бы справиться с вырождением революционного партизанства на отдельных его участках в „батьковщину", т. е. в силу, противоположную тем лозунгам, за осуществление которых была начата борьба; партии

занское движение,—поставили перед комитетом вопрос об отношении к партизанской борьбе на Дальнем Востоке.

На заседание были приглашены и присутствовали: тт. Лазо, Резников, Сафонова-Яковлева, Владимирский, Сахъянова, Шишкин, Перевозников совместно с активом местной организации (около 25 товарищей).

Тов. Дельвиг, выступивший от имени Владивостокского комитета, изложил точку зрения его, сводящуюся к следующему:

1) Необходимость перехода от пассивного руководства к активной борьбе с контр-революцией.

2) Организация рабоче-крестьянских сил для борьбы и за безоговорочную поддержку партизанского движения.

3) Организация вооруженных сил во Владивостоке для усиления партизанского движения.

4) Помощь вооружением и снабжение всем необходимым партизан.

Противником партизанского движения выступил тов. Резников, выражавший мнение собравшихся во Владивостоке одиночек-революционеров из Сибири. Мотивами их были:

1) Недостаток революционных сил.

2) Угроза подвести под жестокие удары крестьянство, усиление реакции.

3) Неминуемый разгром рабочих профессиональных организаций.

За предложенную резолюцию тов. Резникова голосовало 4 товарища. За резолюцию Владивостокского комитета—20.

После этого решения комитет организовал военный отдел, руководство которым было поручено товарищам Птицыну (Воронину) и Фельдману, подотдел снабжения—Шишкину Володе и подотдел связи и явок—тт. Перевозникову и Меркулову. Агитпропаганда—тт. Дельвиг и Сибирцев, Красный Крест—т. Секретарева.

Тогда же был решен вопрос о созыве Дальневосточной областной конференции, которая была созвана в апреле 1919 г. из представителей Читы, Благовещенска, Хабаровска, Харбина, Владивостока, Имана, Спасска, Никольска-Уссурийска и других мест. После доклада тт. Лазо и Губельмана, конференция подтвердила решение комитета о руководстве партизанским движением и полной поддержке его по всему Дальнему Востоку.

Губельман.

Тов. Локтев Г. С., член Ревштаба, зав. отделом снабжения.

тогда пришлось бы столкнуться с большими трудностями. Указанное же решение партии, обеспечившее своевременный ее контроль и руководство отрядами, придало партизанской организации характер строго революционного, принципиально выдержанного, организованного движения рабочих и крестьян за лозунги партии и советской власти. И в силу этого приморское партизанство за всю свою долгую и тяжелую историю не знало примеров сколько-нибудь значительного отклонения от выдержанной политической линии и могло сравнительно легко справляться с проявлениями беспринципной анархичности, сепаратизма и карьеризма отдельных командиров.

Таким образом ко времени съезда командиров и руководителей партизан обстановка значительно прояснилась, трудности работы были смягчены, пути дальнейшего движения стали более ясны и конкретны.

Съезд открылся во Фроловке в марте 1919 г. Присутствовали тт. Иванов, Мартынов, Локтев, Ильюхов, Слинкин, Кл. Жук, Корытько, Ив. Солоненко, Ив. Самусенко, Овчаренко, Глазков и другие, всего человек 18. Разбирался в сущности один вопрос— „об организации временного революционного штаба и его задачах". Работа съезда продолжалась, кажется, один день: вопросы разрешены были без всяких разногласий и без долгих прений, так как существовала предварительная сговоренность. Был избран „Временный военно-революционный штаб партизанских отрядов Ольгинского уезда", как высший орган власти на территории, отвоеванной у контр-революции. В состав его вошли: Слинкин И. В. (председатель), Мартынов (заместитель), Ильюхов (командующий партотрядами), Иванов М. Д. (начальник военно-оперативного отдела штаба), Корытько (начальник связи), Локтев (снабжения), Глубоких (следственная комиссия) и Сенкевич (зав. центральным госпиталем). Через некоторое время были созданы отдел по национальным делам, которым заведывал кореец Г. С. Хан, и административный отдел, во главе которого был поставлен М. В. Титов (Гоголев), бывший в 1918 году командиром полка на красногвардейском забайкальском фронте; оба эти товарища были введены в состав Временнго военно-революционного штаба.

В задачу административного отдела штаба входило: 1) восстановить деятельность местных советов (волостных и сельских) и организовать советы на территории, которая будет освобождаться от влияния белых; 2) разрешать все гражданские дела.

Партизанские отряды было решено реорганизовать по следующей схеме: в Сучанском районе действуют два отряда—„1-й сучанский революционный партизанский отряд" в составе 400 штыков и 20 сабель конной разведывательной команды при командире т. Либкнехте (немецкий эмигрант) и „2-й ольгинский революционный партизанский отряд" под командой т. Глазкова; в Цемухинском районе—один „цемухинский партизанский отряд" в 200 человек под командой т. Кудра (которого вскоре заменил т. Шевченко) и в Майхэ-шкотовском районе—также один „майхинен-

ский отряд" в 150 чел. под командой т. Овчаренко. Каждый отряд состоял из 3-4 рот, подрывной команды, конной разведки, команды связи, обоза для перевозки провианта и запасов вооружения и подвижного госпиталя.

После закрытия съезда Временный военно-революционный штаб обратился с воззванием к трудящимся, в котором разъяснялись задачи штаба и население призывалось поддержать новую революционную власть. Одновременно была послана декларация консульскому корпусу во Владивостоке „для доведения до сведения своих правительств" о том, что партизаны в целях скорейшего достижения своей цели—соединения трудящихся Дальневосточного края с Советской Россией—организовали у себя временную революционную власть, которая объявила: 1) мятежниками лиц, принадлежащих к составу „Временного сибирского правительства", возглавляемого адмиралом Колчаком; 2) незаконными все сделки, которые будут заключены этим правительством с иностранными государствами; 3) не подлежащими выполнению все постановления и законодательные акты мятежного правительства. Одновременно декларация требовала от иностранцев немедленного увода войск с территории Советской республики и прекращения поддержки контр-революционных изменников. Насколько помнится, декларация была составлена в самом резком и непримиримом тоне; составлялась она коллективно и по своему стилю больше напоминала не дипломатическую ноту, а исторический „ответ запорожцев турецкому султану", с тем лишь отличием, что в нашей декларации не было таких „сильных" выражений. Теперь приходится пожалеть, что в тот момент мы слишком перегнули палку в своем стремлении „не разводить канцелярий", слишком поддались давлению партизанской психологии, требовавшей, чтобы штаб был портативным, таким, чтобы все его архивы вмещались в карман („штаб в кармане"). Благодаря этому мы не сохранили почти ни одного из важнейших документов периода партизанской борьбы, и теперь приходится пользоваться единственным и не всегда надежным источником—своей памятью. Указанные выше документы, также не сохранившиеся, были интересны уже потому, что после их опубликования белогвардейская печать подняла дикую кампанию против Ревштаба, требуя от интервентов, до сих пор не выступавших активно против нас, немедленного вмешательства и подавления партизанского движения. Впрочем в этих воплях о помощи белогвардейская власть проявила больше свои слабые стороны: газетная травля давала ясно почувствовать, что наш враг слаб, не рассчитывает на свои силы для борьбы с нами и умоляет о помощи своих покровителей—интервентов.

С образованием Ревштаба нами был взят решительный курс на экспансию партизанского движения—распространение наших организаций на всё еще дремавшие во власти политического безразличия и пассивности Никольско-уссурийский уезд и районы, расположенные за пределами Приморской области. С другой стороны, мы поставили перед собой задачу окончательно вытеснить

белогвардейские банды из Сучанского района, с тем чтобы организовать со всех сторон блокаду городов Владивостока, Никольск-Уссурийска и Шкотова, где белые могли оставаться, поскольку их охраняли интервенционные войска.

Предстоящая борьба обещала принять исключительный по упорству и напряжению сил характер; поэтому к ней нужно было подготовиться основательно. Первым делом требовалось ускорить комплектование партизанских отрядов, увеличить их численность и укрепить дисциплину. Сложность боевых операций, связанных с выполнением плана Ревштаба, требовала усиления специализации в отрядах. Нужно было развернуть формирование подрывных команд, улучшить их качественный состав, снабдить в достаточном количестве взрывчатыми веществами и всеми необходимыми принадлежностями, чтобы можно было парализовать работу железных дорог, изолировать от города и порта все каменноугольные копи, лишить промышленность, морские суда и транспорт топлива. Нужно было срочно начать формирование команд связи, достать телеграфистов и телефонистов, чтобы при расширении поля боевых действий можно было быстро наладить техническую связь с отрядами и населением, так как имеющиеся кавалерийские команды по своей численности были явно недостаточны даже для обслуживания пехоты при боевых операциях, не говоря уже о том, что они не могли в должной мере обеспечить потребности отрядов во внутренней связи. Требовалось расширение госпитальных баз, увеличение запасов вооружения, главным образом патронов, а также продовольствия; нужно было усилить обозы и сделать их наиболее подвижными, т. е. телегу и сани заменить вьючными лошадьми и т. д. Кроме всего прочего, на случай плохого исхода событий следовало подготовить убежище в таежных горах, где предполагалось создать временные базы.

Словом, работа закипела полным ходом. Из Владивостока стали прибывать группы рабочих, сформированные комитетом партии для усиления партотрядов. Из Сучанских, Зыбунных, Угловских каменноугольных копей, с Уссурийской и Сучанской железных дорог, из города Никольск-Уссурийска тоже усиленно потянулись к нам рабочие. Этот пролетарский элемент сыграл величайшую роль в повстанческом движении как в первоначальной его стадии, так и потом, когда борьба достигла высшей точки напряжения. В моменты побед и поражений, тяжелых испытаний, недоедания, холода, лишений, связанных с длинными таежными переходами, эти пролетарии в основной своей и наиболее сознательной части оказывались самыми стойкими, готовыми вести борьбу до конца товарищами. Они в этот период вписали наиболее славные страницы в историю революции на Дальнем Востоке и вполне заслуженно могут гордиться тем, что рожденная в огне ожесточенной гражданской войны советская власть, за торжество которой они вели борьбу без отдыха в течение $3^1/_2$ лет, теперь укрепилась. Ибо и они, эти сучанские шахтеры, владивостокские грузчики

и металлисты, своей кровью цементировали пьедестал советской власти и будущего счастья трудящихся.

Восстание на Сучане и вся партизанская борьба в Приморской области шли под знаменем восстановления власти пролетарских советов, свергнутых контр-революцией в 1918 г., т. е. за осуществление задач социалистической революции, а не для осуществления чисто-демократических требований, как это считают тт. Яковенко и Щетинкин. Недолгий срок, в течение которого была проявлена величайшая по своему значению работа советов в 1918 году, остался памятным в умах трудящихся и делал лозунг „борьба за советы" более конкретным и родным. Мы думаем, что кто-нибудь из товарищей, руководивших революционным движением на Дальнем Востоке до чехо-словацкого переворота, возьмется наконец за перо, чтобы осветить деятельность советской власти того времени.

ГЛАВА VI.

Партизанское хозяйство. — Патронные мастерские. — Выкупы. - Помощь партии и рабочих Владивостока.

Группа товарищей из Приморского областного комитета РКП(б), выступавших против партизанского движения в январе 1919 года (см. выше), между прочим указывала, что партизаны обречены будут на тяжелое поражение уже потому, что им не удастся преодолеть трудности, связанные с питанием, вооружением и проч. Как опыт показал, эти соображения оказались по меньшей мере преувеличенными.

Партизанские отряды ни в первоначальный период своего развития ни в то время, когда борьба приняла самый напористый, ожесточенный характер, не испытывали материальной нужды в такой степени, чтобы можно было,—вернее, нужно было,—ставить вопрос о свертывании наших сил и тем более о ликвидации отрядов. Слов нет, трудности в этом отношении нам пришлось терпеть необычайные; они были неизмеримо бóльшими по сравнению с тем, что пришлось испытывать нашим врагам, колчаковцам. В распоряжении Колчака все же был какой ни-на-есть тыл — фабрики, заводы, финансы, запасы военных снаряжений, транспорт, мошна „союзников" и своей буржуазии, государственный аппарат и прочее. Партизаны были лишены всего этого; но именно этим самым, если не принимать во внимание такие вопросы, как соотношение (количественное и качественное) военных сил, были предопределены характер революционной борьбы, организация и способы ее ведения: именно поэтому с первых дней повстанческое движение приняло партизанское направление и не было даже попыток создавать фронты, копать окопы для защиты своего влияния и т. п., что потребовало бы непосильных средств, ненужных жертв и, может быть, поражений.

Политически партизанское движение было связано в одно целое с пролетарской диктатурой, с Советской Россией, и оно

было сильно своей связью с социалистической революцией. Партизаны должны были играть роль лазутчиков, передового отряда Красной армии, действующих в тылу противника. Этим предопределялась и система снабжения отрядов. Партизаны были органически связаны с избой крестьянина и семьей рабочего и своего хозяйства по существу не имели. Продовольственный вопрос разрешался „самотеком", естественным путем. Изба крестьянина всегда была гостеприимно открыта для партизан и играла роль маленькой хозяйственной ячейки. Сами крестьяне в каждом селе через сельсовет или, где его не было, через специально уполномоченных лиц организовали дело так, чтобы наиболее рационально в соответствии с достатком каждого крестьянина распределить тяжесть кормежки бойцов и лошадей. При расквартировании отрядов в деревне роль командиров сводилась только к тому, чтобы сообщить председателю сельсовета о количестве едоков, числящихся в его отряде на довольствии, а потом уже сами крестьяне размещали товарищей по хатам, где они получали пищу не только на время стоянки, но и на два-три дня похода. Нужно заметить, что за все время ни разу не приходилось прибегать к принудительному „вселению" партизан в избу, исключая те единичные случаи, когда речь шла о попах и кулаках. В отношении этой категории, как правило, применялись особые меры: к попам и кулакам назначалось вдвое-втрое больше обычной нормы едоков. На таких началах было организовано и фуражирование лошадей, принадлежавших партизанским отрядам. Таким образом основная тяжесть материального содержания партизанских войск не лежала на плечах нашего командования и Ревштаба. Естественно, что при таком положении вещей регулярность снабжения всецело зависела от того, в каком районе оперирует отряд, насколько этот район богат и какое число едоков в нем сконцентрировано. Нередко по оперативным соображениям в бедных и редко населенных местах приходилось группировать далеко непропорциональное местным возможностям количество партизан. В этом случае требовался подвоз продовольствия из ближайших более богатых районов. С другой стороны, тяжесть походной жизни понуждала нас к тому, чтобы питание партизанских отрядов было поставлено в лучшие условия, чем это мог дать крестьянин. Оба эти момента налагали на нас обязанность принимать дополнительные меры к добыванию средств и к созданию своего собственного снабженческого аппарата. Тут перед нами были только два пути: 1) доставка продовольствия из Владивостока и 2) экспроприация буржуазии и кулачества. Оба эти способа были использованы с достаточной полнотой. Приморский областной комитет РКП(б) создал специальный отдел для снабжения партизанских отрядов, который потом в целях усиления материальной помощи нам был расширен и объединен с аналогичными органами других партий (максималистов, анархистов и левых эсеров) и на средства, собранные рабочими Владивостока, стал развертывать свою работу. Объединенный революционный коми-

Нелегальная квартира отдела снабжения Далькрайкома РКП (б) во Владивостоке. Стоят руководители снабжения партизан тт. Кушнарев (×) и Шишкин (Володя Маленький) (××).

тет, составленный всеми названными партийными организациями, к концу весны 1919 г. настолько расширил свою работу, что помощь его стала играть для партизанских отрядов выдающуюся роль. Между бухтой Находка, расположенной в зоне нашего влияния, и гор. Владивостоком было налажено правильное курсирование шаланд, катеров, моторных лодок и проч., словом— был создан свой „флот", который доставлял нам все необходимое. Партизаны в мае месяце отобрали у колчаковцев катер, который потом развозил полученный груз по берегу моря в те места, откуда ближе всего можно было доставить его к отрядам. Однажды, кажется в июле месяце, благодаря удивительной изворотливости и ловкости владивостокских товарищей, особенно руководителей большевистского отдела снабжения—тт. Воронина А. А. (Птицына) и Шишкина В. П. (Володи Маленького), им удалось при помощи уездной земской управы (производившей в этот период смену своих политических вех) так обвести колчаковскую власть, что та дала свое согласие на отправку „в пострадавшие от гражданской войны районы" 2 000 пуд. муки по железной дороге. Эта мука нами была разгружена на виду у белых и интервенционных гарнизонов и без всякого препятствия с их стороны доставлена в партотряды.

С своей стороны мы всякими путями старались удовлетворить потребности отрядов собственными средствами. С первых дней восстания партизаны выбросили лозунг: „тяжесть борьбы с контр-революцией должна быть переложена на наших врагов". По этой программе все кулаки были обложены натуральным налогом, все товары купцов были конфискованы, имущество буржуазии объявлено народным достоянием. В результате всех этих мер мы несколько смягчили свою нужду. Особенно полезной оказалась конфискация имущества у буржуазии. В селе Петровке мы забрали в свое ведение рыбные заводы, рыбалки русско-японской фирмы Люри и К⁰ в бухте Находка и консервный завод. Благодаря этому не только удалось снабдить рыбными и крабными консервами и селедкой отряды, но и оказалось возможным раздать остаток рыбных запасов беднейшему крестьянству и рабочим. Предприятия фирмы Люри и К⁰ нами были пущены в ход и эксплуатировались около 7 месяцев, пока их снова не захватили колчаковцы. С консервными заводами нам справиться не удалось: консервирование мяса и икры оказалось работой настолько сложной, что без специалистов, которые бежали от нас в лагерь противника, ничего поделать было нельзя. Зато на этих заводах мы нашли внушительные запасы готового продукта, которым питались все отряды в течение трех месяцев: каждому партизану выдавалось по банке в день этих дорогих, аристократических деликатесов. Это было такой роскошью, которую не всякий буржуа позволял себе в лучшие для него времена (банка крабовых консервов в довоенное время стоила около 1 руб. 75 коп.).

Система снабжения партотрядов, успех которой зависел исключительно от благосостояния крестьянского хозяйства, в частности от размера посева и урожая, заставляла нас самым вни-

мательным образом относиться к этому вопросу. Ведь если бы крестьяне сократили площадь своих посевов до таких размеров, что для них не было бы возможности кормить партизан, мы столкнулись бы с непреодолимыми продовольственными трудностями: все то, что мы получали из города или добывали своими средствами, играло только вспомогательную роль, главная же тяжесть лежала на крестьянстве. Поэтому партотряды, впитавшие в себя наиболее здоровый, работоспособный элемент деревни, должны были помочь крестьянам и в полевых работах. С этой целью нами выделялись рабочие команды, которые расходились по крестьянским домам для помощи, а также давались отпуска на полевые работы тем, у кого не оставалось дома работников; словом, мы возвращали деревне на неделю — на две столько рабочей силы, сколько это можно было сделать, не ослабляя боеспособности партотрядов. На таких же основаниях раздавались лошади для нуждающихся крестьян.

Пожалуй, самым последним и тоже важным источником снабжения партотрядов продовольствием были трофеи. Колчаковские банды своих собственных обозов не имели и питались, как шутили партизаны, на подножном корму, т. е. грабили крестьян, отбирали у заподозренных в большевизме лиц имущество, скот, хлеб и проч. Только в тот период, когда мы стали настолько сильны, что смогли на деле объявить войну и интервентам, трофеи в своем значении для нас поднялись. Крупных добыч было две: одна от японцев, другая от американцев. У американцев летом 1919 г. было захвачено после боя под деревней Тигровой (стан Кангауз) 1.000 пудов муки, 500 комплектов обмундирования, множество всяких сластей, консервов, вин, 3 палатки и т. д., у японцев — вагон рису (около 800 пудов), галеты, сухари, полвагона папирос, несколько бочек саки (японская водка) и многое другое. Кстати сказать, напитки, в разное время попадавшие в наши руки от противника, тут же выливались на землю, так как пьянство в отрядах было запрещено партизанским дисциплинарным уставом. Более мелкие случаи, когда интервенты оставляли на месте боя свои обозы или запасы продовольствия и одежду, повторялись довольно часто, но, конечно, не могли являться основой нашего материального благополучия.

Самым большим для нас вопросом являлись обмундирование и в особенности обувь. Если фураж, хлеб и т. п. доставлялись самими крестьянами, то обувь и верхнюю одежду мы от них получить не могли. Нужно было покупать все эти предметы. Тут требовались колоссальные усилия не только для того, чтобы раздобыть денежные средства, но и главным образом для того, чтобы преодолеть тысячи препятствий по доставке товара из города. Владивосток являлся почти единственным рынком, где можно было закупить все нам необходимое, в частности „улы“ (род китайских лаптей из кожи). Эти „улы“ удостоились нашего выбора не только потому, что они были сравнительно дешевы и удобны, но главным образом из-за того, что владивостокский

рынок не ощущал в них недостатка. Требования же на них были очень велики: постоянные длительные походы, которые делали партизаны, прямо-таки сжигали обувь. Каждый день требовалось новых 100-200 пар „ул“, и партийный комитет Владивостока—при всей его энергии—удовлетворить наши требования не мог. Пришлось прибегать к посредничеству мелких торгашей—контрабандистов и спекулянтов. Торговали „улами“ преимущественно китайцы. Это обстоятельство облегчало их доставку, так как почти все китайцы, даже купечество, по своим политическим симпатиям были явно на нашей стороне [1]. Наиболее надежным „аппаратом“ по снабжению нас „улами“ был юркий изворотливый китаец Илюшка, имевший большие связи с китайским купечеством. Он мог удовлетворить любые наши требования. Правда, он наживался на этих поставках тоже достаточно. Часто шутили мы над Илюшкой, называя его представителем „партизанской буржуазии“, жиреющим на поставках для отрядов. И Илюшка был верен идеологии этого сорта буржуазии. Точно так же, как пауки, разбухшие на поставках в империалистическую войну, громче всех кричали: „война до победного конца“,—так и Илюшка всегда был одним из горячих защитников нашего лозунга: „борьба до полного разгрома контрреволюции“. До того как Илюшка стал играть счастливую для себя роль „партизанского поставщика“, он был простым бобылем; поэтому немудрено, что он иногда с грустью говорил, что борьба с Колчаком должна скоро окончиться и что тогда наступит „смерть Илюшке“. На Илюшке стóит остановиться хотя бы потому, что, пожалуй, не было ни одного крестьянина во всей области, который бы его не знал и не считал бы своим „приятелем“. В обращении, несмотря на свое „положение“, Илюшка всегда был „демократ“. Он со всеми за панибрата, всем доказывает, что Колчак „солочи“ и „сукин сын“, всякого угощает папироской и всегда гордится, что он тоже „партизан“. Однако за всем этим Илюшка не забывал и себя: за каждый грош он мог торговаться с Локтевым и Самусенко, нашими хозяйственниками, по целым часам. Так Илюшка работал с нами в течение всего периода партизанского движения. Ясно, что свою „преданность“ партизанским отрядам он ставил в зависимость от того, насколько аккуратно

---

[1] Такое отношение китайского купечества к партизанскому движению вполне понятно. Цепь империалистического порабощения одной своей частью душит пролетариат и крестьянство своих капиталистически развитых стран, а другой — колониальные народы, в том числе и часть буржуазии этих стран. Конечно, тяжесть угнетения тут далеко не одинакова для различных классов колониальной или полуколониальной страны. В то время как пролетариат здесь находится под двойным прессом эксплуатации—со стороны своих и чужих капиталистов, колониальная буржуазия лишь добивается для себя равных с другими своими собратиями по классу прав на эксплуатацию пролетариата. Крестьянство этих стран также имеет свои интересы. Однако в определенных вопросах все эти классовые различия отходят пока на задний план, и колониальные народы выступают более или менее единым фронтом. Это имеет место в отношении к империализму, в борьбе с ним. Понятно, что китайцы, в том числе и китайское купечество, не могли не видеть в партизанском движении своих союзников.

мы могли платить ему за доставку „ул“ и как высоко мы расцениваем его рискованную работу.

Это была самая высокая и важная статья расхода финансового бюджета Ревштаба. Деньги в партизанском быту играли самую ничтожную роль. И в самом деле, зачем они нужны были партизану, когда в каждой деревне, в каждой крестьянской избе он находил „стол и дом“, сердечную встречу хозяина? Табак — и тот получал каждый из них бесплатно от корейцев, занимающихся, между прочим, табаководством. В те моменты, когда противник вытеснял нас из русской деревни и мы вынуждены были на день-два уйти в сопки, мы располагались там в корейских фанзах, обычно разбросанных в тайге, и переходили на „азиатскую кухню“. Корейцы в Сучанском районе старались всячески поддерживать партизанское движение, видя в нем свою защиту от японского империализма и надежду в случае победы на то, что партизаны будут добиваться улучшения их экономического положения. Поэтому каждый из корейцев считал своим долгом помочь нам, и всякий раз, когда партизанский отряд останавливался в фанзах, там устраивался целый праздник: варилась лучшая чумиза [1], подавались самая изысканная „чемчи“ [2], всякие пряности и т. д.

При всех этих условиях, потребность в денежных средствах сокращалась в значительной степени по всем статьям партизанского хозяйства. Однако нужда в деньгах не могла свестись к нулю. Трудность, с которой приходилось добывать деньги, делала наше „финансовое ведомство“ предметом постоянных забот всех работников. Статьи доходов были весьма неустойчивы; благодаря этому, конечно, не было и твердой „финансовой системы“. Более или менее постоянным доходом был у нас налог на кулаков и зажиточных крестьян, политически враждебно настроенных против нас. Этот налог являлся полунатуральным-полуденежным, причем соотношение между этими двумя его элементами находилось в зависимости от нужды данного момента. Высокий авторитет партизанской власти и полное бессилие наших недоброжелателей из названной части крестьянства обеспечивали сравнительно быстрое и беспрепятственное поступление налога, и никакого специального налогового аппарата не требовалось. Впрочем размеры этого дохода для нас были далеко не достаточны. Количество крестьян, которые входили в эту категорию облагаемых, было настолько мало, что теперь мы без всякого труда могли бы их всех перечислить по фамилиям. Это были те, которые являлись идеологами, вожаками и не отказались до последних дней от своих бессильных попыток противодействовать нашим социалистическим лозунгам, те, которые стремились перевести движение партизан на рельсы эсеро-меньшевистских или колчаковских требований. В дальнейшем нами будет доказано, что наличие двух политических течений в крестьянстве Приморья было фактом не-

---

[1] Род мелкого пшена.

[2] Острое кушанье из салата, перца и проч.

маловажного значения, так как партизанская программа, которая целиком и полностью воспроизводила лозунги Октябрьской революции, далеко не удовлетворявшие желаний капиталистической верхушки деревни, вынудила кулаков и связанных с ними богатеев на открытое выступление за колчаковскую власть. С этой точки зрения возникновение „налога“ на враждебные нам слои деревни лишь фиксировало наличие такого расслоения крестьянства, и налог играл в наших руках роль орудия классовой борьбы.

Вторым сравнительно постоянным источником являлось обложение лесопромышленников. Богатейшие леса Приморской губернии издавна привлекали русских и иностранных капиталистов. Прибыль, которую они получали от этой своей деятельности, была настолько велика, что лесопромышленники готовы были пойти на всякий риск и даже игнорировать дикую ненависть к „красным бандитам“, лишь бы продолжать работу в районах, занятых партизанами. Все лесные концессии были в наших руках, и для белых они были недосягаемы. Поэтому ни один из капиталистов не мог обойти Ревштаб и должен был вступить в сношения с ним, если хотел обеспечить себе в работе безопасность. Мы воспользовались выгодой своего положения и давали разрешения на лесные разработки или лицензии на вывоз материалов лишь при условии выплаты нам специального налога или доставки продовольствия и других предметов из Владивостока. Главный контингент промышленников составляли японцы, которые, пользуясь своей „неприкосновенностью“, охраняемой интервентами, могли более свободно доставлять нам из городов все, что мы требовали. Что касается русских капиталистов, то они в этом случае попадали в очень „неудобное“ для себя положение. Они должны были нелегально, скрываясь от своих друзей по классу, снабжать нас, своих врагов, идя наперекор классовой „совести“ и интересам. И они делали так. Это было ярким показателем омерзительной жадности, рвачества буржуазии и поразительным примером „классовой солидарности“ наших врагов, весь незатейливый смысл которой заключался в том, чтобы добиться права выхватывать высокие барыши.

Не совсем последним источником пополнения наших финансовых ресурсов нужно считать так называемые „выкупы“, к которым мы впрочем прибегали лишь в случаях крайней и неотложной нужды. Эта своеобразная, возможная пожалуй только в условиях партизанства форма экспроприации буржуазии состояла в том, что мы проникали в стан противника, арестовывали наиболее крупного капиталиста и затем под угрозой смерти предлагали пленнику внести определенных размеров контрибуцию. Этот путь был опасным, скользким; поэтому мы воздерживались от возведения его в систему, а когда прибегали к нему, то поручения возлагались на проверенных ответственных товарищей. Наиболее характерен в таком роде случай с бывшим водочным королем Дальнего Востока Пьянковым; о нем расскажем для того, чтобы не было ложного истолкования нашей системы „выкупов“.

В мае 1919 г. т. Ильюхов с ротой партизан и подрывной командой, руководимой виртуозным подрывником т. Ярошенко, отправился из Цемухинской долины (куда к этому времени были стянуты все партотряды) на станцию Раздольное Уссурийской жел. дор.; он имел задание напасть на расположенный там колчаковский гарнизон, состоявший из 800 штыков пехоты, бронепоезда и батареи, выбить из винокуренного завода колчаковскую охрану, взорвать железнодорожный мост и захватить в плен хозяина завода И. С. Пьянкова. Полностью этот план реализовать не удалось, так как колчаковцы получили от шпионов сведения о нашем приближении и приняли меры предосторожности. Завод был взят без выстрела: колчаковцы побоялись вступать в бой и бежали в Раздольное. В то время как подрывная команда „хозяйничала“ у полотна железной дороги, закладывала фугас под мост, резала телеграфные провода, сваливала столбы, развинчивала рельсы и т. д.,—на заводе был арестован Пьянков, у которого конфисковали 19 прекраснейших лошадей, 8 пишущих машинок для „печатания“ газеты „Вестник партизана“ и т. п. Через час колчаковцы пустили против нас бронепоезд и повели наступление пехотой. Завязался бой, оказавшийся безрезультатным для обеих сторон: колчаковцы боялись подходить к занятому нами заводу и вели стрельбу на таком расстоянии, что никакого вреда причинить нам не могли; партизаны выставили вперед свою цепь и тем препятствовали дальнейшему продвижению противника. В это время на заводе был открыт митинг рабочих, где их информировали о политическом положении и о задачах, за осуществление которых партизаны борются.

Здесь не безынтересно отметить отношение к нам рабочих, продолжавших оставаться под гнетом контр-революционной власти. Они встретили партизан восторженно. Через несколько минут после того, как был взят завод, рабочие вышли из своих квартир; появились красные флаги, полились речи, крики „ура“, братские приветствия. Работницы со всех сторон несли угощение: хлеб, молоко, блины и т. п. Молодые рабочие достали винтовки и тут же все выстроились в ряд. Сильное впечатление на рабочих произвел следующий факт. Когда работницы стали угощать партизан блинами (приготовленными поразительно быстро — спустя 10-15 минут после прихода отряда), партизаны, находившиеся еще в цепи или на посту, отказались принять угощение, указав, что на это нет разрешения командира и что они при выполнении боевой обязанности не могут принимать пищи. Рабочие и работницы после такого заявления удивленно переглянулись, а затем кто-то из толпы прокричал: „Да здравствует революционная дисциплина, да здравствуют братья партизаны!“ Заводская площадь огласилась восторженным „ура“. Восторг вызвал у рабочих и следующий случай. Ильюхов, после ареста Пьянкова, подошел к заводской кассе, вызвал кассира и для проверки кассы тут же составил из рабочих комиссию. Деньги, принадлежавшие Пьянкову, были взяты и зафиксированы в акте как конфискованные

„на борьбу за советы". В нижнем шкафу лежали средства рабочего кооператива, которые были оставлены в неприкосновенности. Рабочие упорно настаивали на том, чтобы партизаны взяли и эти деньги, заявляя, что они их жертвуют тоже на борьбу за советы, но партизаны решительно отказались, ссылаясь на то, что нельзя разрушать кооператив, без которого рабочим трудно будет содержать свои семьи. Нужно иметь в виду, что все это происходило в то время, когда шел бой с робко наступавшими на нас колчаковцами. Громким крикам „ура", горячим пламенным речам, братским приветствиям аккомпанировала музыка пулеметов, ружей и пушек. От этого боевое настроение еще больше поднималось. Призывным речам придавалась особенная сила и мощь. Революционный порыв солидарности возбудил крепкую, непоколебимую уверенность в том, что действительно будут „здравствовать советы", это испытанное орудие борющегося пролетариата.

Хозяин завода Пьянков трепетал от страха. После он рассказывал, что был „умилен" картиной встречи партизан и рабочих и вместе с тем подавлен тем, что через 5-10 минут его ждет смерть, а семью его надругательства. Скоро Пьянкову пришлось приятно разочароваться в некоторых своих мрачных настроениях. Он был поражен „интеллигентностью" и „воспитанностью" партизан, когда они, прежде чем войти в комнату его жены, попросили разрешение на это, затем вежливо спросили у нее, нет ли в квартире оружия, и, получив отрицательный ответ, извиняясь оставили ее в покое, дав слово не причинять ее мужу особых неприятностей. Пробыв около двух часов на заводе, партизаны возвратились в свой район. Любопытно было наблюдать за эволюцией настроения нашего пленника. Партизан в глазах обывателя, „культурного человека", представлялся по меньшей мере мрачным хамом: белогвардейские газеты распространяли самые чудовищные небылицы о нашей „жестокости", художники и борзописцы рисовали образ партизана в виде отъявленного уголовного бандита и головореза; поэтому угнетенное настроение Пьянкова было вполне объяснимо. Однако он быстро освоился с новой обстановкой и, как уверял нас, даже „полюбил" партизан за их бескорыстное служение революционному делу. Чтобы окончательно „войти в нашу семью", он переменил свою фамилию на „товарища Винокурова": ведь неудобно же было называться „товарищем Пьянковым", так как слово „товарищ" никак не могло сочетаться с Пьянковым-капиталистом, надувавшим трудящихся для своей наживы. В деревне Фроловке, резиденции Ревштаба, с „товарищем Винокуровым" произошел торг, в результате которого он должен был выплатить контрибуцию в 150 тыс. рублей.

Были еще более мелкие случаи „выкупов" (напр. с шахтовладельцем Артцем), но они в разных вариациях повторяли то, что мы сказали о „пьянковском деле". Во всяком случае, данная статья дохода не была основным источником пополнения наших финансовых ресурсов.

Из Владивостока мы денежной помощи совершенно не получали. Да и откуда партийной организации было взять денег, когда сама она перебивалась с копейки на копейку и члены ее жили буквально впроголодь? Мы не можем сейчас привести сколько-нибудь точных цифр своих расходов на покупку обмундирования; скажем лишь, что, несмотря на трудности, особой нужды мы не испытывали и изворачиваться удавалось сравнительно успешно.

Такими же „самобытными" путями, как в деле продовольствования партизан, было организовано и снабжение их патронами, оружием, боевыми припасами. Винтовки мы получали от самих крестьян, к которым они попали, как сказано выше, при разгрузке оружейных складов крепости по постановлению Владивостокского исполкома. Это мероприятие исполкома сыграло решающую роль в успехе нашего восстания, в значительной степени освободив нас от забот по добыче вооружения. Немудрено, что одним из первых мероприятий адмирала Колчака после свержения „Временного сибирского правительства" была попытка разоружить крестьян, сумевших получить себе винтовки во время советской власти.

Партизанские отряды были вооружены в общем однотипными винтовками 3-линейного калибра и, на всякий случай, имели по 50-80 патронов на каждого бойца. Признаться, в период подготовки к восстанию у каждого из нас вызывал тревогу столь скудный запас патронов. Опыт показал, что мы в этот момент не учитывали всех возможностей. В первые месяцы партизанских операций ценную услугу в этом отношении оказали нам сами крестьяне и сучанские шахтеры: по своей инициативе они организовали во Фроловке, Казанке и других селах кустарное производство патронов и вырабатывали их в таком количестве, что могли в значительной степени смягчить остроту патронного кризиса. Сущность производства заключалась в следующем: сучанские шахтеры в своих мастерских сделали необходимое количество металлических формочек („калып" [1], как их называли) для отливки из свинца пуль; в пустую гильзу, которую партизан после выстрела должен был обязательно сохранять и передавать в мастерские, насыпался порох, старый использованный капсюль сменялся новым, забивался небольшой пыж (можно впрочем и без него), вставлялась отлитая пуля в гильзу, и патрон готов. Легко понять теперь неосновательность жалоб белых на то, что партизаны употребляли нарезные патроны. Приготовленные подобным способом патроны в случаях попадания делали такие раны, что спасти раненого было почти невозможно. Чтобы облегчить положение тех белогвардейцев, которые могли попасть под пули партизан, мы, в ответ на обвинение нас со стороны белых в жестокости, неоднократно предлагали их офицерам выход, а именно: мы предлагали снабжать нас из складов владивостокской крепости, находившихся в их руках, фабричными патронами, тогда ранения наших врагов были бы менее ужасными. Белые отказывались от

---

[1] Калибр.

нашего предложения—тем хуже для них. Впрочем мы сами принимали меры к добыче пуль с твердой оболочкой, так как свинцовые пули оказывались пригодными только для берданок. Тут нам помогло наследство, которое оставил после себя еще со времен царского режима гарнизон, охранявший „дисциплинарный батальон“ в селе Анучино.

В течение десятков лет в Анучине обучали солдат стрельбе. Стрельбищем служил земельный вал, в котором было накоплено большое количество пуль из 3-линейных винтовок. Мы решили воспользоваться этим богатейшим кладом. Сконцентрированные в Анучине арестованные сельские попы, которых мы предусмотрительно задержали почти всех поголовно, были приспособлены к работе по раскопке вала и собиранию пуль. Это предприятие оказалось довольно продуктивным: материал для патронных мастерских доставлялся в большом количестве, и работа закипела.

Параллельно с изготовлением патронов наши мастерские стали создавать при себе новые „цехи“ по выделке бомб. Это производство являлось еще более примитивным, хоть и не менее важным. Чтобы сделать бомбу, бралась пустая банка из-под консервов (а банок у нас было предостаточно после того, как мы захватили консервные заводы Люри и К⁰ и Стахеева), в нее вкладывался заряд взрывчатых веществ (динамит), мелкие куски жести, железа, проволоки; все это закрывалось крышкой, к которой приделывался фитиль из бикфордова шнура, и бомба готова. Для употребления этого смертоносного снаряда требовалась сноровка и даже, если хотите, искусство; не каждый мог им пользоваться. Во-первых, нужна была выдержка, так как фитиль зажигался спичкой и бомбу нужно было продержать столько времени в руках, сколько требовалось времени, при хладнокровном настроении, для счета до восьми. По счету „девять“ бомба бросалась в место, где больше всего скучивался противник. Взрыв был потрясающий; как-то своеобразно соединялся глухой гул с режущим ухо треском. Содержимое банки-бомбы разлеталось во все стороны, поражая все на пути. Если партизан заранее не приготовил себе убежища, ему так же, как и врагам, грозила смерть или, еще хуже, ранение, которое в известном случае было самым тяжелым исходом, так как попадавший в тело кусок гвоздя или грязной ржавой жести не только рвал на куски мясо, но, как правило, производил заражение крови. Такими средневековыми способами мы вынуждены были пользоваться: нельзя же было итти с голыми руками против вооруженного с ног до головы врага.

Свои скудные запасы патронов мы пополняли еще трофеями. В этом случае к партизану очень подходит пословица: „волка кормят ноги“. Запас патронов в 50-60 штук на человека всегда — и в начале боя и после него — как-то фатально оставался неизменным: при бережной стрельбе, направленной только по видимой цели, в двух-трехчасовом бою каждый партизан расходовал 20-30 патронов, а после боя это количество снова пополнялось из „мастерских“ и из захваченных трофеев. Когда же наконец, уси-

лиями Владивостокского партийного комитета, прежде всего тт. В. П. Шишкина и А. А. Воронина, в июне нам было доставлено морским путем (на катере) около сотни тысяч патронов и гранат (не партизанской уже выработки, а образца Новицкого и др.), — мы почти совсем перестали испытывать нужду в них.

В методе партизанской войны одно из главных мест занимает разрушение системы коммуникации войск противника: взрыв железнодорожных мостов, водокачек, полотна дороги, телеграфных проводов и столбов, телефонной связи и т. д. Для осуществления всего этого требовалась масса взрывчатых веществ — динамита и пироксилина. Из города такой материал доставить было почти невозможно, да там его и не было. В Сучанском районе больше, чем где бы то ни было, практиковалось разрушение всех указанных сооружений, и этим мы обязаны исключительно пролетариату Сучанских, Зыбунных и Угловских каменноугольных копей. Шахтеры сыграли в этом отношении решающую роль. Всякий раз как нами закладывался фугас, чтобы поднять на воздух колчаковский эшелон или железнодорожный мост, и тратились на это последние запасы взрывчатых веществ, мы питали уверенность, что завтра вновь можем повторить такую операцию, потому что шахтеры уже приготовили 2-3 пуда динамита и спешат отправить его в наше распоряжение. Каждый забойщик, пренебрегая своей выработкой, откладывал сколько мог динамита, затем передавал в условное место, где по фунту, по два со всех шахт собирался внушительных размеров подарок партизанам. Наиболее энергичными и смелыми организаторами снабжения партизан взрывчатыми материалами были рабочий Гусев, старик Сергеев и Кореннов. Они были связаны с широкими массами шахтеров, пользовались их доверием и под носом у белых и интервенционных гарнизонов с такой поразительной ловкостью руководили делом, что ни разу за все время не имели ни одного провала, следствием которого были бы арест или перебой в работе. Разумеется, что тут решающую роль играли сами шахтеры, которые почти поголовно поддерживали партизан и искали случая помочь им. Нужно было не мало усилий со стороны Ревштаба, чтобы доказать этим пролетариям невозможность всем им пойти в отряды, к чему они горячо стремились. Поэтому, работая в шахте, они старались усиленной помощью компенсировать свою неудовлетворенность тем, что сами они не находятся с оружием в руках в рядах бойцов революции. Приморские шахтеры, особенно сучанцы, являлись неисчерпаемым источником физических и моральных сил для партизанского движения. Они сыграли в нем почетную роль передового авангарда, были опорой в тяжелые дни поражений, уныния и разброда, мощным ядром боевых победных наступлений, партизанских налетов на стаи контр-революции. Первые страницы истории партизанства должны заслуженно принадлежать этим товарищам, с энтузиазмом менявшим шахтерскую кирку на партизанскую винтовку и бомбу.

Конский состав для партизанских отрядов мы получали двумя путями: от крестьян и от своего противника. Как только восстание стало расширяться, крестьяне Казанки, Фроловки и других селений на общих собраниях вынесли постановление закупить из общественных сумм верховых лошадей для партизан в количестве 10-20 голов от каждой деревни. Этому примеру последовали другие села, и в отрядах начали создаваться конные разведывательные команды. Революционный штаб с своей стороны потребовал, чтобы кулацкие хозяйства, богатые лошадьми годными в строю, выделили лошадей для отрядов, причем стоимость этих поставок должна покрыться налогом, который был установлен на зажиточные слои деревни. Таким образом революционное крестьянство, будучи кровно заинтересовано в победе партизан, служило и в этом случае резервом для материальных сил революции, в то время как кулаки принудительным путем были обращены на службу партизанским отрядам и, подчиняясь нашей силе, должны были — пока что — отказаться от активного сопротивления. С другой стороны, первые же бои с колчаковцами оказали нам значительную помощь в формировании конницы. После гордеевского боя было захвачено несколько лошадей с прекрасными английскими седлами, а когда размеры боевых операций расширились, добыча стала все возрастать. В результате всех этих мер мы достигли того, что каждый отряд приобрел себе конницу и сколотил разведывательные команды в 20-50 сабель, т. е. примерно 15-20% состава пехоты на боевую единицу (каждый отряд насчитывал около 150-300 штыков).

Одним словом, партизанское „интендантство“, „склады вооружения“, „конский запас“ и проч., точно так же как и живая физическая сила и революционный порыв, черпались из недр рабоче-крестьянских масс. Трудящиеся добровольно шли на страдания и смерть за свою революционную власть, за власть советов. Кто же из них мог рассуждать о том, чтобы избежать тяжести, которая падала на его хозяйство в результате этой невиданной в истории классовой схватки! Красный Сучан обратился в вооруженный лагерь, в крепость, осажденную со всех сторон беспощадным врагом. Падет „крепость“, погибнет партизанский лагерь—будет сметено все: люди, имущество, скот. Так рассуждал рабочий, иначе не мог думать и крестьянин. Естественно поэтому, что каждая деревня, каждая изба являлись опорными пунктами, казармой и интендантством революционных партизан. Каждый крестьянин, крестьянка, даже детвора механически входили в дислокацию наших войск и, в зависимости от возраста и пола, все выполняли свою определенную военную функцию. В этом смысле невозможно было провести границы между партизанами и „мирными“ жителями: различие между ними заключалось только в том, что одни были с винтовками, а другие без них, одни являлись передовыми цепями „фронта“, другие—тылом, не менее самих партизан опасным для врага и полезным для революции.

В тот момент, когда партизанское движение стало более организованным и централизованным, мы должны были сделать систему своего снабжения более независимой от „крестьянской кухни“ и начали строить свое отрядное хозяйство. Такой поворот, помимо того, что он был обусловлен изменившимся характером военных операций, находил свое оправдание и в том, что к этому времени мы „разбогатели“, получили более или менее постоянные источники своего снабжения (доходы от лесорубок,

Партизанский арестный дом в с. Фроловке (бывшее здание волсовета).

захваченных заводов, помощь из Владивостока и пр.). Размах наших операций значительно расширился, хотя и силы противника увеличились. Теперь против нас активно выступали уже и интервенты: нужно было подумать и о том, чтобы на крайний исход создать убежище. Убежищами в данном случае являлись партизанские „базы“, разбросанные в разных местах по таким сопкам, куда колчаковцы, а тем более японцы, не могли проникнуть, не будучи достаточно знакомы с местностью и таежными тропами, пронизывающими трудно проходимый лес и крутые каменистые сопки. Типичное строение этих баз заключалось в следующем. В удобном во всех отношениях пункте, чаще всего верстах в 10-25 от населенного пункта, на склоне сопки строились бараки на 200-300 человек, туда завозились вьючным путем, на лошадях, а часто и на своем горбе, продовольствие на 10-20 дней и фураж для лошадей, и в это убежище в случае вынужденной необходимости (когда, как шутили партизаны, становилось „тошно“ от напора белобандитов) укрывался партизанский отряд целиком, оставляя генералов в горьком раздумьи о том, куда могли де-

ваться партизаны. При базе нередко устраивались госпиталь, баня, хлебопекарня и всегда кухня и склады для продовольствия; база же являлась и партизанским „домом отдыха“: товарищи, наиболее переутомившиеся после тяжелых переходов, изнервничавшиеся от боевой жизни, отправлялись в убежище на неделю-две и здесь могли спокойно отлежаться и подкормиться. Базы сыграли значительную роль в партизанской жизни, отличавшейся своей специфичностью.

Как это бывает во всяком большом деле, партизаны в поисках более устойчивых источников для пополнения своих материальных запасов нередко прибегали к фантастическим планам. Интересна в этом смысле попытка организовать чеканку своих денег. Дело было так. Из вангоуских фанз в марте месяце прибыла к нам делегация от корейских крестьян с извещением, что в их районе около хутора Соломенного корейцами обнаружены богатые золотые россыпи, которые они решили передать в эксплуатацию партизанам, чтобы обеспечить успех борьбы с японцами. Многие из нас отнеслись к такому предложению скептически, но Мартынов, дни и ночи проводивший в заботах по изысканию средств, горячо схватился за эту мысль и с присущей ему напористостью убедил всех в том, что это дело верное и сулящее большие надежды. Организация „приисков“ была поручена Мартынову. Долго он трудился, исходил много горных троп, тайгу, но дело, как и следовало ожидать, провалилось. Золото, конечно, было в Вангоуском районе, но добыча его для нас, не имеющих опыта и технических приспособлений, оказалась не по плечу. Так и пропал труд нашего Мартынова даром.

С печатанием денег (бумажных) был другой случай. Как-то к нам прибыл из Владивостока перебежчик из латышских стрелков, который предложил нам оборудовать чуть ли не фабрику для изготовления денег. Мы отнеслись к нему с большим подозрением, так как он напоминал собою авантюриста, пройдоху. Предложение было решительно отвергнуто, как явно вздорное и политически опасное. Таким образом наше финансовое хозяйство продолжало оставаться на прежних более реальных основаниях.

Законно будет поставить вопрос: какой же в конце концов эффект давали все вышеназванные пути и источники снабжения партизанских отрядов? Как питался, как был одет партизан?

Относительно одежды можно ответить словами партизанской песни: „кто в чем попало одет“. Неизменные „улы“ на ногах, большая, сшитая часто из невыделанной шкурки шапка с длинными ушами, короткий до пояса пиджачок или шинелишка, а чаще всего полушубок, плотно охваченный двумя патронташами, расположенными крест-на-крест через плечи, за поясом бомба, та самая, которая приготовлена на своих партизанских „заводах“,— вот внешний вид партизана. Пищей служили главным образом хлеб, сало, чай, реже традиционный крестьянский борщ и все то, чем богата крестьянская хата. Но это только в том случае, когда партотряд размещался в деревне.

ЧАСТЬ II.

Полоса подъема партизанской борьбы.

ГЛАВА VII.

Организация Ольгинского ревштаба.—Его работа.—Областной съезд партотрядов и создание Областного революционного комитета.

Первый этап партизанской борьбы в Приморьи был периодом собирания сил, мобилизации революционно-боевой энергии трудящихся и оформления повстанческих отрядов в организованные вооруженные части. Эта полоса партизанства характеризовалась немалым количеством вольных и невольных ошибок и погрешностей, но главное было сделано: массы крестьянства были двинуты с места и поставлены лицом к лицу с противником; дальнейший ход борьбы и ее развитие были обеспечены тем, что растущее революционное движение и сознание необходимости вооруженного сопротивления охватывало теперь значительную часть Приморской области. Дальнейшее развертывание восстания и его организационное оформление становилось теперь в порядок дня работ созданного центрального органа по руководству движением—Временного военно-революционного штаба Ольгинского уезда.

По сути дела этот Ревштаб становится органом советской власти в той форме, которая диктовалась тогдашней обстановкой Ольгинского уезда, носившей бивуачный характер. Правда, Ревштаб не представлял собою органа, избранного на принципах широкого участия трудящихся масс, но, поскольку он, помимо оперативного руководства вооруженными отрядами, являлся также органом, руководящим всей общественной жизнью, и позднее даже превратился в исполнительный комитет советов Ольгинского уезда, постольку мы смело берем его под свою защиту как зародыш подлинной советской власти, которая волею истории должна была в огне и пепле гражданской войны пережить различные стадии и процессы, чтобы стать тем, чем есть теперь она у нас.

Нелишним считаем сказать несколько слов, почему Ревштаб расположился во Фроловке, а не где-нибудь в другом месте.

Мы уже указывали на борьбу, происходившую в Приморьи за первые советы в 1918 году. Под напором чехо-словаков и японо-американских десантов во Владивостоке власть советов была свергнута в июне 1918 года, а позднее, когда был ликвидирован спасский фронт, советы были подавлены по всей области. Единственное счастливое исключение представляла Фроловка, где сохранился волостной совет до октября 1918 г. — до прихода первых японских отрядов с Сучана, которые пытались арестовать

исполком этого совета, состоявший из председателя т. Бегункова (крестьянин дер. Краснополье) и секретаря т. Корытько, и тем самым стереть с лица земли последний мозоливший интервентам глаза совет. Однако по уходе японцев Фроловский совет продолжал свою работу, водрузив на здании волисполкома сорванную японцами вывеску: „Исполком советов Фроловской волости". Фактически этот совет не прекращал своей работы вплоть до января 1919 г., т. е. до прихода во Фроловку банд ген. Смирнова, установившего власть штыка и нагайки. Естественно, что Фроловский совет мог существовать лишь на почве признания и полной поддержки его крестьянским населением, которое потом одно из первых восстало против правителя Колчака и его приспешников. Нами это учитывалось как факт положительного значения, и поэтому-то главным образом Фроловка и была избрана центром движения и резиденцией Ревштаба.

Приведенный незначительный сам по себе исторический факт ярко свидетельствует о том, насколько глубоко пустила свои корни в толщу трудящихся масс Дальнего Востока идея советовластия, насколько прочно она уже тогда укрепилась в их сознании, несмотря на столь непродолжительное свое существование. И напрасно некоторые из современных деятелей Дальнего Востока тенденциозно пытаются историческую родословную советской власти вести лишь со времени ликвидации демократической Дальневосточной республики (ДВР), созданной по настоятельным директивам партийного и советского центра, тогда еще РСФСР. Мы должны ДВР рассматривать именно как маневр ленинской стратегии в гигантской классовой борьбе.

Мощный подъем трудящихся масс Дальнего Востока и проявленное ими героическое упорство в многолетней гражданской борьбе и объясняются именно тем, что они, эти массы, были насквозь пропитаны лозунгом: „за советы". Демократические же формы правления не только не являлись целью борьбы рабочих и крестьян, но, наоборот, колоссальнейшие усилия потребовались со стороны компартии для того, чтобы доказать населению и главным образом армии (состоявшей в большей части из партизан) необходимость и целесообразность пойти на компромисс, созвать Учредительное собрание и заменить демократической властью советы, за которые были принесены огромнейшие жертвы в годы борьбы с русской контр-революцией и полчищами интервенционных войск мирового империализма.

Рассматривать эпоху первых (создавшихся в 1917—18 гг.) советов на Дальнем Востоке как малозначительный исторический эпизод—это значит по меньшей мере извращать исторические факты и их смысл. В самом деле, почему краевой съезд советов Дальневосточного края, состоявшийся в марте 1926 года в гор. Хабаровске, именуется *первым?* Ведь этим самым пытаются предать забвению, похоронить навсегда всю историю строительства советов на Дальнем Востоке в 1918 году. Как можно забыть, что рабочие и крестьяне Дальнего Востока кровью своею вписали

свою страничку на скрижалях пролетарского Октября в первый героический период строительства советов?

Мы беремся восстановить истину и напоминаем „историкам" современного Дальнего Востока, что в 1917—18 гг. здесь было проведено 4 краевых съезда советов. Об этом, хотя и вскользь, говорится и в отчете Дальревкома, вышедшем к упомянутому „первому" съезду советов под названием „Три года советского строительства в Дальневосточном крае". На стр. 8 там сказано: „4-й краевой съезд рабочих и солдатских, крестьянских и казачьих депутатов был по сути дела первым полномочным советским краевым съездом, так как на нем были представители крестьян и казаков". Там же говорится и об избрании краевого комитета в составе 14 человек.

Казалось бы, после того, как сами составители отчета указывают на проведенные еще в 1918 г. краевые съезды советов, происходивший в 1926 г. краевой съезд советов Дальневосточного края, в интересах исторической истины, должно именовать во всяком случае не первым.

Несомненно, что революционно-боевой дух крестьянства Фроловской волости вытекал из того, что она расположена вблизи Сучанских каменноугольных копей (в 15 верстах) и всеми своими экономическими нитями связана с рудниками, откуда и передавалось это мятежное настроение. Сучанские рудники для окрестного крестьянского населения были всегда местом приложения свободных в хозяйстве рук и источником побочных заработков, да и среди рабочего населения рудников было не мало опролетаризировавшихся крестьян. Вот собственно те каналы, по которым перекачивался революционный дух из рабочих центров в крестьянскую среду. Не малое значение для успеха борьбы и руководства движением имело наличие здесь почтово-телеграфного отделения, которое послужило нам базой для развития связи между отрядами и другими пунктами.

Что же представлял по своей структуре Ревштаб, какие функции и насколько успешно выполнял каждый его отдел?

При Ревштабе были организованы отделы: 1) военно-оперативный, 2) внутренних дел (сформировавшийся несколько позднее), 3) связи, 4) хозяйственный, 5) судебно-следственный, 6) санитарный, 7) национальный (вернее — корейский отдел) и 8) редакционный. Военно-оперативный отдел штаба (во главе его стоял т. Иванов М. Д.) в своей работе исходил из намеченных съездом задач: переформирование отрядов с целью их укрупнения, организационное их улучшение, укрепление дисциплины и проведение в жизнь принципа назначенства командного состава. Все эти задачи вытекали из одной главной, ради которой происходило объединение отрядов, — задачи вытеснения колчаковских и интервенционных войск из пределов области для восстановления советской власти и полного овладения всеми экономическими ресурсами (каменноугольные копи и т. п.), чтобы от всех источников

отрезать города, в которых концентрировались белые, и тем самым поставить их в положение осажденных. Переформирование и укрупнение отрядов было произведено штабом по схеме, которая нами изложена в конце первой части. Они были построены по территориальному принципу, объединяли партизан порайонно и сводили мелкие отряды в общий районный отряд под единым командованием. Этим самым автоматически проводилось и укруп-

Группа руководящего состава сучанских партизан. Сняты на крыльце Фроловской школы, где помещался Ольгинский ревштаб.

1) Титов-Гоголев.
2) Бабарыкин.
3) Ильюхов.
4) Тетерин-Петров.
5) Глубоков.
6) Тужиков.
7) Мартынов.
8) Самусенко.

нение отрядов. Каждый отряд разбивался, в зависимости от общей численности, на роты, роты — на взводы и т. д. Каждая часть возглавлялась командиром. Одним словом, переформирование шло по общему образцу войсковых частей. Помимо этого, при каждом отряде созданы были команды специальных служб: а) конных разведчиков, б) связи — телеграфисты и телефонисты, в) подрывники, г) санитарные отряды и т. д. Конечно, эти команды создавались по мере появляющихся материальных к тому возможностей — увеличения конского состава, снаряжения, телефонных и телеграфных аппаратов и т. п. Во всем этом было не мало

трудностей. Легче всего было формирование подрывных команд, так как взрывчатых веществ было всегда в изобилии благодаря близости рудников.

Пока движение переживало свой младенческий период, отряды были мелкие по численности, повстанческие районы были разобщены и невелики сами по себе. Когда задачи борьбы во всем их грандиозном масштабе не были еще усвоены борющимися и самая борьба едва выходила за пределы защиты родных сел, тогда командиры отрядов выбирались путем голосования на общих собраниях отрядов: суверенное, так сказать, право выбора „воеводы" принадлежало самим отрядам. Метод централизованного управления тогда отсутствовал, поскольку не было вообще руководящего центра помимо самого отряда. В то время очаги повстанцев, разбросанные по разным уголкам обширнейшей территории Приморья, напоминали собой гнезда, выводки из которых, по мере своего органического развития и укрепления, постепенно связывались с однородными гнездами соседних районов для взаимной борьбы с хищниками-стервятниками, стаями налетавшими на них из-под крылышка интервентов. Теперь, когда кольцо восстания сомкнулось в масштабе всего Ольгинского уезда, первичные формы управления и руководства должны были уступить место новым формам — единому руководству из центра. Логическим концом выборности было создание Ревштаба. С этого момента весь командный состав в партизанских отрядах назначался военно-оперативным отделом с утверждением Ревштабом. Партизанские отряды, действовавшие до сих пор—во всех случаях своей оперативной работы—сепаратно, по своему усмотрению, должны были теперь вести работу в зависимости от общих задач и интересов и не иначе, как в соответствии с указаниями Ревштаба, по его директивам. Конечно, эта реорганизация не прошла совершенно безболезненно. Сепаратистские тенденции в некоторых отрядах сохранялись, но они постепенно были изжиты, и лишь в одном отряде т. Шевченко Гаврилы они нашли чрезвычайно острое выражение. Об этом мы расскажем особо. Практически назначение командного состава во всех отрядах не вносило сколько-нибудь резких персональных изменений: основной кадр командиров был утвержден Ревштабом тот же; с ним партизаны уже сжились, убедились в преданности его делу борьбы и видели в командирах не только опытных руководителей, но и верных боевых товарищей. Положительные результаты объединения партизанских частей под единым централизованным руководством были вскоре же осознаны всеми бойцами и окружающим населением. Все видели, что до тех пор, пока отряды были мелки и раздроблены и не имели связывающего их центра, они были слабы, чтобы вести сколько-нибудь успешную борьбу с врагами. Противник мог (да это так и было) бросать свои силы на отдельные партизанские отряды, разбивать их хотя бы на время и тем сеять панику среди населения и известным образом парализовать повстанческое движение в данном районе. Партизаны должны были уходить из

сел, скитаться по лесам, а противник занимал деревни, грабил дома партизан, жег имущество, словом — „наводил порядок огнем и мечом". Все это имело место в течение первого, организационного периода движения. Второй период представляет собою полосу наибольшего напряжения борьбы, яркой выразительности и четкости организационных форм, компактного массового действия революционных сил, увенчавшегося целым рядом блестящих побед над белыми офицерскими бандами. Об этом мы скажем ниже, а сейчас переходим к обзору тех методов проведения дисциплины и укрепления ее, которыми приходилось пользоваться на различных ступенях развития борьбы.

В регулярных войсковых частях старой армии для внедрения дисциплины служил огромнейший арсенал всевозможных мер, как-то: концентрация солдат в казармах, наличие многоступенчатой лестницы командного состава — от ефрейтора до генерала, специальная долбежка уставов, инструкций, гауптвахта для особо строптивых и непокорных и вся вообще шпицрутенская система. Партизанские отряды — это совершенно иное по природе своей войско, к которому методы воспитания по принципу беспрекословного подчинения начальству ни с какой стороны не приложимы. Единственная основа, на которой можно создать и привить революционную дисциплину, это развитие сознательности бойцов, понимание ими той ответственной роли, которую возложила на них история.

При первоначальном формировании отрядов не производилось достаточно строгой фильтрации вступающих бойцов, и поэтому в среду их естественно проникал сорный элемент—трусы, воришки, охотники до сули (корейский самогон) и прочие типы криминального порядка. Не спаслись отряды и от проникновения в них шпиков и агентов колчаковских контр-разведок, пришедших с гнусными разрушительными намерениями. Они, как только могли, разлагали неокрепшие ряды партизан, и вот в отношении этих-то вредных элементов нужны были какие-то меры борьбы и притом меры, рассчитанные на полное их обезвреживание. Такие элементы в отрядах насчитывались впрочем единицами и по преимуществу притекали из городов.

В выборе мер борьбы с большими и малыми проступками требовалась особая осторожность: надо было применять такие, которые были бы приемлемы для самих отрядов, поддержаны ими и не убивали бы революционного духа. Среди этих мер, круг которых был очень ограничен, были и чрезвычайно жесткие, включительно до расстрела. Помнится случай, когда за изнасилование корейки партизан был расстрелян по приговору отрядного суда. К корейскому населению, как угнетенному меньшинству, мы вообще относились с особой чуткостью и вниманием, тем более, что корейская молодежь дружно вступала в партизанские отряды. С еще большей болью в сердце вспоминаем случай, когда сучанский отряд с барабанным боем провел по улице деревни Екатериновки несколько партизан, уличенных в краже у крестьянок белья и платьев. Их сопровождала группа партизан, а сами они

должны были выкрикивать: „мы воры, мы опозорили имя борца революции!“ и т. п. В некоторых отрядах, по решению общего собрания партизан, даже пороли розгами замеченных неоднократно в выходящих из ряда вон поступках—мародерстве, пьянстве и т. п. Конечно, все это было в единичных случаях в первую пору партизанской борьбы; когда в отрядах появилось достаточное количество сознательных и культурных революционных работников, дело воспитания бойцов в духе революционной дисциплины стало обязанностью каждого. Устраивались доклады, велись беседы, и позднее устраивались вечера с самой разнообразной программой на основе самотворчества бойцов. Так было например в сучанском отряде, где культурных сил было больше, чем в других отрядах.

Военно-оперативным отделом был выработан дисциплинарный устав для партизанских отрядов, которым регламентировались меры наказания за такие преступления, как бегство с поля борьбы или из тыловых частей, неисполнение боевых приказов, пьянство, воровство, провокация, мародерство и проч.

Следующий отдел Ревштаба—внутренних дел—был в сущности административным отделом исполкома. Он должен был организовывать волкомы, сельсоветы, регулировать общественную жизнь, ведать ремонтом дорог, проведением некоторых общественных повинностей и налогов среди населения, наблюдать за сохранением общественного порядка и спокойствия, вести борьбу с сулеварением (самогон) и пьянством и т. д. Конечно, здесь не приходится говорить о стройной системе работ,—все это выполнялось в меру тех условий, в которых находился Ольгинский уезд, а он представлял собой боевой лагерь. Организация власти на местах была трудно разрешимым вопросом. После падения советов их заменило номинально земство. При Колчаке в Приморьи был наместник, власть которого распространялась преимущественно на города, а отдаленная периферия была предоставлена сама себе, и фактически там не было никаких органов власти. В волостях существовали волуправления, в селах — старосты, но все это было только вывеской. Население в это время тоже не проявляло ни малейшего желания к созданию каких-либо органов самоуправления. И только в тех местах, куда до восстания имели доступ сатрапы наместника, были созданы скорее какие-то суррогаты власти, чем нормальные органы с конституционной физиономией. Когда началось вооруженное восстание, бывшие исполкомы советов в волостях вновь стали работать, но, конечно, говорить о планомерной, регулярной их работе не приходится. Работа носила эпизодический характер и больше шла по линии выполнения различных заданий штабов партизанских отрядов: по снабжению провизией отрядов, их расквартированию, перевозке, доставке одежды, обуви, фуража и т. п. В селах изредка происходили сходки, собрания. Насколько „власть“ за этот период стала нежелательным бременем для крестьян, в особенности в местностях, куда совершались белогвардейские прогулки, легче всего понять на

примере сельской власти. Колчаковцы не могли выносить названия „председатель села“, сохранившегося от периода советской власти (сокращенное название председателя сельского совета), и немало получили розг и прикладов несчастные председатели и те, кто в присутствии колчаковцев употреблял этот термин. Однако крестьяне быстро приспособились к новому „режиму“ и стали обязанности представителя местной власти исполнять поочередно—сначала по неделям, а потом этот срок дошел до одних суток: всякий боялся быть захваченным белыми в этом „почетном“ звании. Белые обычно называли главу села старостой, а партизаны—председателем сельсовета; таким образом у каждого представителя сельвласти было две стороны медали. До чего панически боялись сельские старосты встречи с колчаковской властью, можно судить по следующим примерам. Когда ген. Смирнов после занятия Фроловки однажды вызвал к себе в штаб старосту селения Королевки (где Титов был учителем некоторое время), Прокоп Никула так испугался этого приглашения, что, отправляясь во Фроловку, слезно распрощался со всей семьей (сын его Макар первоначально был в партизанах) и забежал утром к Титову на квартиру попрощаться. „Еду на смерть. Я уж, Яков Степаныч, не вернусь домой. Либо расстреляют, либо запорют. Вас-то я не выдам... Прощайте...“. Другого крестьянина—Бегункова тот же ген. Смирнов подверг пыткам и порке, угрожая посадить его надлежащим местом на раскаленную сковородку только за то, что он был ранее председателем советского волисполкома. Отсюда понятно, почему в этот период трудно было организовать на местах работающий регулярно аппарат: страх охватывал каждого, кому приходил черед брать хотя бы не надолго бразды правления в тот момент, когда могли появиться золотопогонные „ревнители правопорядка“. Нам удалось закрепить в волостях и селениях более долгосрочные органы самоуправления, проведя для этого в некоторых волостях волостные съезды крестьян с избранием исполкомов. Различного рода общественные обязанности—гужевые, дорожные, фуражные и т. п.—по нарядам Ревштаба обычно выполнялись под руководством этих органов без какого бы то ни было принуждения и репрессий. Таким образом отделу внутренних дел удалось провести частичный ремонт гужевых проселочных дорог; поселки выполняли эту работу по нарядам. Одно время при Ревштабе были организованы артели рабочих, пришедших с Сучанских копей и не попавших в отряд за недостатком оружия; они временно выполняли различные хозяйственные работы. Проведена была даже частичная реквизиция семенных хлебов в деревне Бровничи (очень зажиточное село) для распределения среди бедняцких хозяйств дер. Гордеевки.

Борьба с самогоном, варкой которого занимались великолепно квалифицированные в этом отношении корейцы, здесь была затруднена тем обстоятельством, что корейцы жили отдельными фанзами по полям и лесам и трудно поддавались нашему надзору В этом деме огромнейшую услугу оказал Ревштабу корейский отдел, пользовавшийся большой популярностью среди корейского

населения: он через партизан-корейцев помогал нам выявить сулеваров. С этим злом Ревштаб вел жестокую борьбу: обнаруженные заводы разрушались, сулю выливали на землю, налагали штрафы на виновных и даже производили конфискацию их имущества. Только такой резкий и выдержанный курс помог нам избавиться от пьянства как распространенного явления и безобразий, вытекающих из него.

Необходимо отметить еще один характерный штрих, также говорящий о некотором революционном завоевании в области быта, в вопросе о браке и рождении детей. Обычно „освящение" этих событий производилось в церкви попом. Теперь же, когда попам в Ольгинском уезде стало жить не по нутру, население в силу необходимости стало жить „бусурманами", как говорили крестьяне. Внутренний отдел завел при Ревштабе нечто вроде современного ЗАГСа. Вот в этот новомодный „ЗАГС" и приходили крестьяне для записи брака или развода или рождения детей и других житейских случаев. Здесь т. Титов учинял на бумаге тот или иной акт, снабжал обе стороны выписками, словом—любезно помогал им перевертывать вверх тормашками догнивающие старые формы и традиционные обычаи. Так мало-по-малу насаждался новый революционный быт, навстречу которому в первых рядах шла революционизировавшаяся в огне борьбы деревенская молодежь. Сила печати, сделанной нашим „гравером" Гаврилой Лесовым из подошвы старой резиновой калоши и распластывавшейся на даваемых „новобрачным" выписках, повергла в прах силу „таинства божия". Из того же „ЗАГСа" исходила инициатива давать новорожденным новые революционные имена. Первое такое имя—„Пролетария"—было дано родившейся в сопках дочери т. Ильюхова, затем один мальчик был назван „Совет". Так постепенно слагалось нечто новое из незаметных, стихийно возникающих явлений.

О других функциях данного отдела Ревштаба мы распространяться не будем. Отметим только, что авторитет Ревштаба в целом, которым он пользовался среди масс, помог достичь вполне достаточной увязки во взаимоотношениях с крестьянством и проводить работу без перебоев. Ревштаб совершенно не знал каких-либо конфликтов, недовольства и жалоб со стороны крестьян. Ярким подтверждением сказанного может служить единодушие крестьянства, проявленное в деле созыва уездного съезда сельского населения, а также дружная работа этого съезда.

Отдел связи Ревштаба имел задачей сохранить имевшиеся телеграфные линии и оборудование станций и вместе с тем обслужить нужды партизанских отрядов. Соответствующий персонал в отрядах имелся, и позднее, когда Владивостокская парторганизация снабдила нас телефонными аппаратами и техническими материалами, мы имели телефонную и телеграфную связь как между партизанскими отрядами, так и между отдельными районами. Телеграфом и телефоном были связаны ревштабы Фроловский и Анучинский (о последнем скажем ниже), разделенные расстоянием в 3-4 дня пешей ходьбы по таежным тропам. Уста-

новка часто подвергалась порче, и на восстановление ее тратилась уйма времени и человеческой энергии.

О работе хозяйственного отдела мы говорили уже достаточно подробно в главе о снабжении партизанских отрядов. Что касается санитарного отдела, то он обслуживал прежде всего действующие вооруженные части. Нужды населения удовлетворялись лишь попутно и постольку, поскольку этому способствовали обстановка и материальные ресурсы наших санитарных околотков, госпиталей, в смысле наличия медикаментов и персонала. Во главе этого отдела стоял врач-коммунист А. А. Сенкевич, при нем было несколько фельдшеров и сестер милосердия. Каждый партизанский отряд имел свой санитарный отряд. Нужно еще сказать относительно тех источников, откуда санитарный отдел получал медикаменты и прочие средства и материалы. Основанием для организации лазарета и лечебных пунктов при отрядах послужили волостные и сельские лечебные пункты. Во Фроловской волости таких пунктов было три, из них два с достаточным количеством средств. Фельдшера, по заданиям организаторов восстания, позаботились запастись из земских центральных медицинских складов и магазинов необходимыми и широко применяемыми лекарствами. А позднее, когда связь с городом была затруднена и лечебные пункты лишены были возможности приобретать оттуда лекарства, Ревштаб, благодаря наладившейся конспиративной связи с Владивостокской подпольной большевистской организацией, получал медикаменты через нее. Сначала пытались посылать для этого сестер под видом простых крестьянок, но это сопряжено было с огромным риском, и, кроме того, все едущие в районы восстания подвергались обыскам на железнодорожных станциях и в других пунктах. Осенью 1919 года налажена была связь с военным госпиталем в Никольск-Уссурийске, откуда нам секретнейшим путем переслали две или три посылки медикаментов, ваты, перевязочных материалов и т. п. Связь с этим колчаковским госпиталем была установлена через перебежчика-офицера, пришедшего в наш Сучанский полк. Недостаток средств был, конечно, весьма ощутительный, несмотря на строжайший режим экономии в расходовании средств. Вместо ваты мы часто употребляли обыкновенную крестьянскую коноплю-паклю, или же перевязочным материалом служили собираемые среди крестьян изношенное платье и тряпье; все это, конечно, употреблялось после соответственного обеззаражения, стерилизации (стерилизатор, кстати сказать, был). Отсюда легко понять, каким вниманием и заботой нужно было окружить больного или раненого, чтобы исход лечения был благоприятен. И только благодаря такому вниманию мы знали мало случаев смерти среди лечившихся партизан. Ценнейшую услугу оказал этот отдел в период нашего разгрома, когда с несколькими десятками раненых госпиталь был законспирирован в тайге, в верховьях реки Сучана.

Остановимся теперь на судебно-следственном отделе Ревштаба. После первого же соприкосновения с противником, перед

партизанами возникла необходимость установления каких-то норм наказания и воздействия на представителей враждебной нам стороны. Когда приходилось захватывать в плен или арестовывать участников боевых организаций противника, то первоначально, при отсутствии судебных органов, у нас не могло быть и выбора в вопросе о мере наказания: только расстрелять. Обычно командиры, а чаще всего отряд или группа решали судьбу виновного. Так было например с фроловской полицией, арестованной партизанами по уходе отряда ген. Смирнова: 20 человек полицейских были без всякого суда и следствия расстреляны. По мере организационного оформления партизанских отрядов и их руководящих органов, при отрядах выделялись на выборных началах отрядные судьи из трех авторитетных товарищей, которым и передавались дела виновных. В некоторых случаях судебное разбирательство происходило в объединенных заседаниях отрядных судов двух отрядов. Эти учреждения носили название „полевых судов". В своих решениях судьи руководствовались исключительно своей совестью и революционной целесообразностью. Особый подход в выборе мер наказания был по отношению к виновным из мирной крестьянской среды. Бывали, допустим, случаи, когда какой-либо крестьянин выполнял функции агента-информатора колчаковских штабов. Суды проявляли тут особую осторожность, применяя арест - предупреждение, штраф или залог, а нередко ограничивались просто поручительством общества или ни в чем предосудительном незамеченных крестьян. К высшей мере наказания прибегали лишь в крайних случаях.

С момента образования Ревштаба был организован Революционный трибунал, куда передавались все дела. Следственный материал собирался специальной следственной комиссией. При Ревтрибунале имелась своего рода прокуратура, одна часть которой выполняла роль обвинения, другая—защиты подсудимого. Решения трибунала представлялись на утверждение Ревштаба; последнему подавались и кассационные жалобы подсудимыми. Заседания трибупала почти всегда бывали открытыми и охотно посещались крестьянами; не мало дел прошло буквально при переполненном помещении, где происходило заседание трибунала. К решениям Ревтрибунала и Ревштаба крестьяне и рабочие относились с особенной серьезностью, вдумчиво вникая в суть дела. Нормами наказания были: арест, изгнание из полосы партизанского движения, конфискация имущества, штраф, объявление врагом трудящихся и вне закона. Расстрел применялся лишь к явно сознательному вооруженному врагу или предателю. Целая серия дел была разобрана Ревтрибуналом в связи с бандитизмом, проявленным группой партизан и выразившимся в мародерстве, ограблениях как русских крестьян, преимущественно зажиточных, на коих шайка налагала „контрибуцию", так и корейцев. Ревтрибунал и Ревштаб провели борьбу с этим злом со всей решимостью, и в результате были расстреляны несколько братьев Дубоделовых из с. Владимиро-Александровки, братья Беляевы

братья Валовики из Унаши, Астахов и др. Крестьянство в этом вопросе целиком одобряло решения трибунала. Чтобы не быть голословным в вопросе об авторитете Ревштаба и суда, мы приведем пример, иллюстрирующий отношения сельчан к этим органам. В селе Сергеевке, Фроловской волости, старик Пустовойт, глава семьи более чем в 20 человек, убил из ревности свою жену-старуху. Это был самодур, который за время супружеской жизни несчетное число раз до полусмерти избивал свою жену. Воспользовавшись отсутствием кого-либо из членов семьи, этот изверг шкворнем размозжил голову спавшей на печи старухе. Случай этот ошеломил все село. Обратились в штаб с просьбой арестовать убийцу и предать суду. Автору этих строк, Титову, было поручено Ревштабом помочь крестьянам образовать путем выборов на общем сельском собрании суд из своих односельчан. Собрание однако единогласно постановило просить наш суд рассмотреть это из ряда вон выходящее дело. В состав партизанского суда были введены два представителя от села Сергеевки, и дело было рассмотрено после производства предварительного следствия. Все село собралось на суд, продолжавшийся целый день. Помещение школы было переполнено до отказа. Прошла длинная вереница свидетелей - соседей, в том числе и женщин, которые охарактеризовали убитую как безупречную жену. Дети ее, сами теперь уже 40—45-летние отцы и деды, отозвались о покойной как о сердечной, прекрасной матери. Старик - убийца молол всякий вздор. Кстати сказать, мы оба—авторы этой книги—выступали на суде: Ильюхов—в качестве защитника, Титов—в роли обвинителя. Суд вынес удовлетворивший всех присутствовавших смертный приговор.

Постепенное видоизменение форм карательных органов партизанского движения следовало параллельно общему развитию масштаба вооруженной борьбы, и по мере того, как крепло, кристаллизуясь в более правильные формы, самое движение, более четкие и ясные формы принимал и судебно-карательный аппарат. Однако, на всех ступенях его развития, во всех решениях суда красной нитью проходила чуткая классовая линия, строго соответствующая интересам трудящихся и направленная на усиление их борьбы. Иного подхода, конечно, и быть не могло.

Одной из центральных задач в общей деятельности Ревштаба стоял корейский вопрос. Контингент корейского населения в Приморской области довольно значительный: по данным VII Приморской партийной губернской конференции 1925 года корейцев числится здесь до 94 000 человек, причем 56,1% их сосредоточено главным образом во Владивостокском (бывшем Ольгинском) уезде. Корейцы появились в Приморьи с того времени, как японские империалисты простерли свои цепкие клещи на беззащитную Корею. Непрерывным потоком приливали корейцы во вновь заселяемую приморскую тайгу, оседали здесь во всех уголках и снова брались за землю, борясь за свое существование. Это были в массе своей крестьяне-земледельцы, и среди них немало было такого

крестьянско-бунтарного элемента, который не примирился с варварским произволом японских хищников и эксплуататоров. Однако и здесь корейцев неприветливо встретила судьба. В одну шеренгу дешевых рабочих рук с русскими бедняками попадали несчастные корейцы, превращаясь буквально в крепостных, из которых беспримерно выматывались жилы богатыми крестьянами. Они-то и являлись пионерами по раскорчевыванию дикой тайги Приморья; под напором их мускулов звенели пила и лопата, и эхом отдавался топор, когда эти несчастные рабы XX века за право иметь хотя бы полдесятины земли должны были свалить десятину - две могучего леса, уничтожить пни и вырыть глубоко вросшие в недра корни. Под стоны и вопли этих прикованных к земле из-за куска хлеба желтых рабов масляно расплывалась лоснящаяся рожа кулака, и раскатистым эхом неслись по лесу и горам „хозяйские" окрики и понукания. Нередко в те годы у кулака работали „исполу" 3 - 4 корейских семьи на его полях, а хозяин знал лишь по счету прятать в амбар мешки с хлебом, картошкой и прочими продуктами, фактически не затрачивая нисколько своей силы на обработку поля и уборку хлеба и не давая за это порой даже и семян. Вот в какой кабале вынужден был поселиться и жить приморский кореец благодаря неотразимо тяготевшей над ним „власти земли". Этим экономическим условиям целиком отвечало и правовое положение корейцев. Если у буржуазно-кулацких элементов существует непреложный взгляд на бедноту как на людей, которым „сам бог повелел" претерпевать до конца все муки на этом свете в надежде, что „господь воздаст во царствии своем", то это отношение еще в большей степени распространялось на пришельцев-корейцев. „Ербо" [1] превращался во вьючное безропотное животное. Авторам этих строк известен факт, когда закрепощенный душой и телом кореец, не отрываясь от хозяйского двора, не выходя из тайги, прожил в землянке до момента нашего с ним знакомства 47 лет [2]. Сорок семь лет! Полвека вдали от людей! И что получил за свой беспрерывный проклятый труд этот вросший в землю старик? Живя больше в одиночестве, он теперь с трудом понимал даже родной корейский язык, а весь русский лексикон его ограничивался словами: „Даласатуй, капитана хозяина!" Как-то мы этого оземлившегося человека угостили медом; он долго не решался его попробовать, а когда его наконец уговорили корейцы-партизаны, он сказал, что такую вещь кушает впервые в жизни. Это не утрировка, не преувеличение, а один из многих фактов недалекого прошлого.

Вот почему корейцы, особенно корейская молодежь, так живо и сочувственно откликнулись на нагрянувшие события. Нутром они почувствовали, что эта борьба затрагивает их глубокие интересы, что надо и им ввязаться в драку, принять участие в общем

[1] „Ербо"—в переводе на русский язык означает: друг, приятель.

[2] В Приморьи кулацкие хозяйства обычно имеют в тайге заимки-хутора вдали от деревень, где все полевые работы выполняются батраками—корейцами и китайцами преимущественно.

деле трудящихся, что с победой и они не останутся обойденными. Симпатии корейцев к партизанам с первых дней выявились со всей очевидностью. В их фанзах партизаны находили гостеприимный приют, здесь они могли спать спокойно, так как и старые и малые корейцы ночи напролет прохаживали вокруг фанз по дорогам, оберегая партизан от возможного внезапного набега белых. Ревштаб правильно учел всю важность корейского вопроса и стал на путь вовлечения этих париев в общую борьбу совместно со всеми рабочими и крестьянами. С этой целью при Ревштабе и был создан национальный отдел — по существу корейский, как его потом и называли, так как других национальностей, как отдельных социальных групп, здесь не было. Руководил этим отделом т. Григорий Семенович Хан. Он имел высшее образование — окончил Сеульский корейский университет. Среди корейского населения пользовался огромным уважением. Корейский отдел вел широкую пропагандистскую работу. Среди корейцев было много толковой развитой молодежи; с нею-то т. Хан и повел работу среди населения.

На ротаторе и импровизированном шапирографе в большом количестве печатались корейская газета, воззвания и листовки, которые распространялись затем по всей таежной периферии. Бывало, около Ревштаба в тени на корточках сидит вереница стариков и молодых корейцев в ожидании выпуска своей газеты и листовок; получив таковые, они, пришедшие из таежных уголков, порою очень далеких, отправлялись обратно, неся свежие вести из своего любимого коротдела. Насколько действенна была эта пропагандистско-агитаторская работа коротдела, можно судить по тому, что мы в первые же недели его существования имели приток в наши отряды корейского молодняка из окрестных деревушек и фанз. Вскоре сформировался специальный корейский отряд в две роты. Среди своего населения корейцы-партизаны раздобыли винтовки, берданы и другое оружие. Это было встречено нами с большой радостью: значит, правильно была взята линия, правильно нащупан путь, и задето за живое это население. Корейский отряд представлял образец дисциплины, преданности и любви к делу. Члены его всеми силами старались завоевать доверие со стороны населения. Корейцы-крестьяне с полной готовностью, в порядке сборов и налогов, доставляли все необходимое для отрядов: и провизию, и обувь, и одежду, и прочее. Помнится один неприятный случай, который вызвал было на время неприязненное отношение со стороны русских крестьян к корейцам-партизанам; но такое настроение было быстро рассеяно. Кореец-партизан, сменившись с караула у арестного дома, стал разряжать берданку, произвел нечаянный выстрел и убил мальчика лет 15, сына арестованного. С раздробленным черепом, истекая кровью, мальчик в течение нескольких минут был в предсмертной агонии и произвел потрясающее впечатление на сбежавшуюся к месту происшествия большую толпу народа. Посыпались упреки, нарекания и угрозы против несчастного, до крайних пределов

растерявшегося молодого корейца. Бедняга чуть было не застрелил и себя, но товарищи предотвратили это. Он был самими же корейцами арестован. Назавтра или даже в тот же день в Ревштаб пришла делегация с протоколом от общего собрания корейского партотряда, который требовал расстрела своего товарища,

Партизаны-корейцы Сучанской долины.

произведшего злополучный выстрел. Решение было мотивировано тем, что в подобном случае трудно определить, нечаянный или намеренный сделан был выстрел, и что снисхождение к виновнику может дать повод к злоумышленным действиям, когда под видом нечаянного выстрела могут убивать и ответственных работников. Больших трудов стоило представителям Ревштаба убедить

партотряд в обратном и рассеять излишнюю эксцентричность, охватившую корейцев. Этот случай может служить показателем того, насколько корейские отряды ценили создавшееся отношение к ним со стороны русского населения, насколько больно и страшно им было потерять это отношение: чтобы устранить возникшее недовольство, они проявили даже готовность к кровавой жертве. Впрочем вскоре и те русские, которые посылали упреки по адресу случайного убийцы, сами осознали необоснованность огульных наветов на всех корейцев.

Среди корейцев мы не знаем случая неподчинения дисциплине, невыполнения приказов или—чего проще—пьянства. В этом отношении они были образцовые красные бойцы. Правда, они уступали русским партизанам в боевом отношении, причиной чего были плохое знание русского языка, отсутствие военной муштровки да, вероятно, и общий уровень развития.

Взятая Ревштабом линия по корейскому вопросу получила законченное свое выражение в решениях съезда рабоче-крестьянского населения Ольгинского уезда, по которым корейцы были объявлены—при полном единодушии съезда—равноправными во всех отношениях гражданами, включая и право на бесплатное пользование землей и прочими угодьями на общих основаниях.

Нам остается остановиться еще на работе редакционного отдела Ревштаба. Значение живого и печатного слова, как средства связи, информации, пропаганды и как способа закрепления в известных социальных слоях и группах тех или иных идей, огромно. Этим путем совершается и организация общества вокруг пропагандируемых идей и лозунгов. Нужно отдать дань и этому достойному оружию борьбы. В предыдущих главах достаточно подробно были изложены общественно-политические условия, на фоне которых зарождалось повстанческое движение в Приморьи. Сначала, когда шло скрытое организационное оформление первых партизанских групп, конечно не приходилось говорить о каких-нибудь широких, открытых, свободных формах и приемах агитации за вхождение в вооруженную группу: сговариваться приходилось с оглядкой, на ушко, поодиночке. Гораздо свободнее можно было говорить после того, как кой-куда заглянули белые отряды. Глядишь—там арестовали, тут выпороли, там обобрали, увели лошаденку и т. п. Само население воочию увидело, что новая „власть"—Омское правительство, Колчак—это не то, что советы. В деревнях стали созываться собрания бывших фронтовиков и молодняка, которых не-сегодня-завтра мобилизует Колчак, и тут форма агитации приобретает уже массовый характер. Нужда в печатном слове стала ощущаться все острее, нужно было охватить возможно бо́льшие круги населения. Опять Фроловка и здесь занимает первое место. На лицевой стороне вывески Фроловского совета стояло: „Фроловское волостное управление", но люди-то сидели там советские—Бегунков и Корытько. Пустили в ход имевшуюся пишущую машинку, и отсюда полетели первые воззвания, листовки

в разные деревушки. С осторожностью и бережливостью распространяемые, они пошли гулять по рукам деревенского молодняка, который надо было во что бы то ни стало „сагитнуть“ вступать в отряды. Движение вылезало из скорлупы. Ускорить его можно было посылкой живых сил, агитаторов в те места, где „блюстители порядка“ прошлись по спинам и скулам крестьян, когда пытались разоружить население и собрать оружие по деревням с тем, чтобы потом безоружных переловить как кур, или, на их языке, „призвать в войска“. Однако агитаторских сил в отрядах еще не было в достаточном количестве, города же пока плохо знали о начавшемся движении, а если и знали, то, очевидно, плохо верили в то, что движение будет устойчивым и длительным. К рабочим города Владивостока еще до организации Ревштаба боевые организации Сучана посылали свои воззвания, призывавшие к поддержке вооруженного восстания.

Во всяком случае, до сформирования Ольгинского ревштаба печатная агитация носила случайный, спорадический характер. Не было главным образом технических приспособлений. Агитаторский кадр почти ограничивался группой непосредственных руководителей боевых отрядов, которые, конечно, не могли отрываться от своих отрядов, чтобы пойти с агитацией по деревням. Недостаток агитационно-пропагандистских и вообще культурных сил ощущался очень остро в отрядах, из города же приходили очень немногие. Учительство повстанческих районов слабо реагировало на события и отсиживалось по деревням. Поэтому Ревштаб обратился с особым воззванием к народному учительству Ольгинского уезда и объявил мобилизацию передовой части его. Вот это воззвание (помещаем без изменений):

К революционному народному учительству.

После Октябрьской рабоче-крестьянской революции, народное учительство, боровшееся за святые идеады свободы, пошло против трудящихся масс, стремящихся к закреплению свободы. От крестьян и рабочих откололась вся интеллигенция, не говоря о той интеллигенции, которая ради собственных интересов с первых же дней боролась всеми средствами, стараясь удержать свое привилегированное положение. Народ остался один, благодаря чему он, стоя у власти, делал ошибки в своих действиях. Народные учителя не только не помогали народу бороться с реакционными элементами, своими врагами, но и своим преступным безучастным наблюдением за ходом революции, а иногда даже активным выступлением против рабоче-крестьянской власти, заносили нож в спину тому, для кого учитель должен только жить. Истинно-народная власть была свергнута с помощью иностранных штыков—опоры власти буржуазии, и революция стала утопать в грязной яме насилия, издевательства, зверской расправы. Буржуазия, захватив власть в свои руки, на свой трон посадила адмирала Колчака, чтобы в корне подавить „взбунтовавшихся рабов“. Самодержец Сибири, бумажный король, послал во все деревни и по всем уголкам своего царства экспедиционные карательные отряды. Застонали под ударами плетей и нагаек горемыка-крестьянин и рабочий. Полилась невинная народная кровь труженика. Массовые расстрелы ни в чем неповинных крестьян и рабочих, не исключая даже стариков и детей, изнасилование женщин, ограбление последнего имущества возмутили крестьян. Народ восстал. Восстал против паразитов-эксплуататоров. Все, как один, восстали крестьяне и рабочие. Начались бои, бои не на жизнь, а на смерть с русскими башибузуками-колчаковцами, рыщущими по их бедным деревушкам с целью разоружения насе-

ления, набора молодежи в свою паскудную армию, с целью грабежа. Крестьянин посмотрел вокруг себя и никого не увидел. Так называемая интеллигенция до сих пор продолжает мертвецки спать. Народного учителя и теперь около крестьянина нет. Где же он? Где тот народный учитель, который везде громко заявлял, что он с народом, что он за народ? Неужели сердце его настолько очерствело, что до него не доходят стоны казненных крестьян, плач детей, умоляющий лепет с просьбой о пощаде насилуемой женщины? Где вы все, называющие себя честными тружениками на общее благо, на процветание всего хорошего? Где те народные учительницы, которые после восьмичасовой работы в душной и пыльной комнате просиживали у головы больного крестьянина? Где же вы все, просвещенные? Позор, сто раз позор. История революции не забудет вашего отношения к крестьянину и заклеймит вас позором. Заклейменные позором, пассивные зрители за ходом теперешних великих исторических событий, молчите. А вам, революционное учительство, т. е. тем, у которых еще бьется сердце за святые идеалы свободы, тем, которые любят народ, доводится до сведения, что именем рабоче-крестьянского населения Ольгинского уезда, десятитысячной армии тружеников, ОБЪЯВЛЯЕТСЯ МОБИЛИЗАЦИЯ. Идите, все в наши ряды. Поле для работы широкое, раздольное. Идите и сейте на этом поле все доброе, святое. В эту минуту ваша школа здесь, в среде организованного боевого крестьянства. К бою, все честные люди и любящие свободу. Проклятье всем штрейкбрехерам, изменникам, предателям трудового народа. Да здравствует мировая социалистическая революция!

Военный комиссар,
председатель Ревштаба Ольгинского уезда.

Учительство действительно не оказалось глухим. В Ревштаб явились учителя: Изместьев В. С., Булах А. М., Михайлов Андрей и ряд других. Несколько учительниц тоже пришли в штаб и предложили свои услуги; из них мы знаем Кузнецову М. А. Учительницы были использованы для пошивки белья и тому подобных работ для партотрядов.

Не остались без внимания со стороны нашей агитации и солдаты колчаковской армии. Во все отряды, проникавшие на территорию, охваченную восстанием, передавались листовки, воззвания и обращения к солдатам. Их призывали перейти на сторону рабоче-крестьянских партизанских отрядов для общей борьбы с бандами офицерства. Здесь нередко, для „пущей убедительности“ очевидно, на-ряду с призывом мы видим и угрозы революционным судом по отношению к тем, которые, оставаясь в рядах колчаковских войск, будут попадать к нам в плен. В одном из таких воззваний, выпущенном от имени Ревштаба, говорилось:

Товарищам, находящимся в отрядах Колчака.

Товарищи! Все, кто хочет помочь крестьянам и рабочим в их борьбе с бандами офицерства, нашим исконным врагом, переходите к нам, к нам немедленно, в противном случае при взятии нами вас в плен будете судимы, как контр-революционеры, военно-революционным судом. Все, у кого есть еще совесть, у кого благородное чувство, у кого не умерла святая любовь к трудящимся, все идите к нам как братья, идите в наши ряды и будем работать совместно на общее благо человечества и дружными усилиями свергнем гнет вековой навсегда.

Временный военно-революционный штаб Ольгинского уезда.

Из приведенных агиток можно видеть, насколько плохо владели языком мы все, принимавшие участие в этом „литератур-

ном труде". „Святые идеалы", „святая любовь" и т. п. Сейчас эти выражения кажутся наивными, но тогда нам, политическим недоучкам, первопуткам, горящим чувством революционной борьбы и местью, нам всякое такое словечко казалось чрезвычайно убедительным и сильно действующим. При всех своих недостатках, агитация среди колчаковцев проходила все же не безрезультатно. Из первых же побывавших в Сучанской долине колчаковских отрядов к нам в партотряды перебежало несколько солдат, и они до конца борьбы оставались с нами. Не ускользнули из поля нашего внимания и американцы, — именно американцы, а не японцы или другие интервенционные войска, — и это не случайно. Дело в том, что свое пребывание в Сибири и на Дальнем Востоке американцы старались изобразить в своих декларациях как мирное, без всяких завоевательных и поработительных целей. В первое время они не выступали активно на борьбу против нас, находясь однако на железнодорожных станциях бок-о-бок с нами. Среди крестьян они даже прослыли неопасными, лойяльными по отношению к нам демократами; поэтому мы и обращались к ним со своими воззваниями, стараясь разъяснить им цели нашей борьбы.

Вот одно из таких воззваний:

Мы, воины революционно-крестьянских партизанских отрядов, обращаемся к вам, к своим собратьям, рабочим и крестьянам американского народа. Сейчас здесь, по долине реки Сучана, около района рудника, который вы охраняете, происходит борьба; восстали крестьяне и часть рабочих с оружием в руках против векового своего врага, против угнетателей в лице колчаковских, смирновских и других так называемых правительственных отрядов, несущих с собой все гнилое старое, что было сброшено в великую революцию, которую и ваш народ приветствовал. С напряженным вниманием следите вы, иностранцы, за всем происходящим вокруг вас, но с недостаточным вниманием: вы видите движущееся тело, но не движущуюся душу. Вы удивляетесь, как одна нация, разделившись на два лагеря, борется друг с другом; вам странно, как русские пошли против своих же русских, упуская из виду, что для нас наций не существует: мы соединяемся с угнетенными всего мира против угнетателей всех стран, для нас важен класс, а не нация. Вы затрудняетесь разобраться в наших бесчисленных партиях, да это и не нужно. Имейте в виду только два лагеря, никогда не примиримых и не соединимых: один лагерь, — на стороне которого так называемая буржуазия, т. е. богатые классы, живущие трудом рабочих и крестьян, старое офицерство, которому при новом строе нечего будет делать, чиновничество и часть интеллигенции со старыми понятиями, воспитывавшаяся в старой школе,—боится всего нового, всего сметающего, каким является наше движение. Другой лагерь рабочие, крестьяне и другая часть интеллигенции, перешедшая туда. Они, как составляющие большую часть населения всего мира, без которой остановилась бы машина и фабрика, перестали бы крутиться ремни на заводах, тучная земля осталась бы не возделанной, а люди, считающие себя хозяевами, ходили бы спотыкаясь в темноте, нагие, пожирая камни вместо хлеба, эта сила считает себя в праве взять всю власть и строить свою жизнь, как она хочет, а не как приказывает ей толпа паразитов. Этого хочет не кучка большевиков, не взбунтовавшиеся рабы, как нас называют, этого хочет весь трудовой народ, вся великая армия рабочих и крестьян всего мира. Ваше правительство это знает, и еще знает оно, что и вы, солдаты, можете понять это стремление, и это самое страшное для него, ибо некого будет тогда посылать для подавления революционных движений и не на что им тогда будет опираться. И вот оно вырывает вас из дому, из вашей родной Америки, и бросает к нам тушить пожар, говоря, что „в России завелась ужасная болезнь, называется она большевизмом, и эту болезнь нужно лечить пулей и штыком, а то весь русский народ, который мы любим, пропадет, и вы сами берегитесь, потому что она заразительна, и кто заразится ею, тот делается словно

зверь: всех режет и стреляет". Но неправда, лгут вам все, это говорящие: мы не хотим крови, мы не хотим смерти, и если сейчас, взявши винтовки в руки, мы пошли на них, то потому, что в нас стреляют и порют шомполами. Спросите вашу следственную комиссию, что делалось с девятью крестьянами-стариками в деревне Гордеевке, как их, подвешивая, обливали кипятком, истязали и наконец расстреляли; спросите крестьян Новой Москвы, как эти отряды, едущие восстановить порядок, обливали керосином припасы; и много других примеров могли бы мы привести. Народ долго терпел, но настал и терпению конец, и теперь восставший на защиту своих сел, семей и хозяйств он не оставит оружия, пока снова не возвратится к нему его власть. Мы начали гореть, но горим не одни: посмотрите, что делается в Германии, бросьте взгляд на Англию, Италию, оглянитесь к себе в Америку, — разве вы не слышите возгласы из ваших рабочих союзов? И, сколько бы союзные правительства ни старались заглушить бряцанием оружия эти возгласы, они услышатся вами. Солдаты Америки! Вас бросили сюда тушить пожар, но берегитесь: не вы нас потушите, а мы вас зажжем, и тогда вы поймете нас, поймете, что не разбойничать мы поднялись, а за свое правое дело, за свое существование. Вы мешаете нам своим присутствием здесь на Дальнем Востоке, вы тормозите наше движение, но мы не обвиняем вас, солдат,—это дело тех, кто вами руководит. На вас, солдат, у нас не подымется рука, если вы сами первые не сделаете выстрела. Мы считаем вас своими братьями и верим, что настанет время, когда в ногу рабочие, солдаты и крестьяне всего мира пойдут на своего общего врага.

Штаб Революционно-партизанского отряда.

Теперь скажем о нашей партизанской газете. По сформировании Ольгинского ревштаба, первой его заботой было создание газеты, через которую можно было бы регулярно информировать отряды и окружающее население как о ходе событий непосредственно в Приморьи, так и вообще о положении дел в Советской России, на красном фронте и т. д. Фроловский совет отдает нам пишущую машинку и импровизированный шапирограф. Первый номер газеты появляется в свет после больших препятствий: то не было лент, то копировальной бумаги,—все надо было добыть, а это было трудно, когда из нашей полосы, как зачумленной, почти никто не пропускался в город и другие места. Газетному делу всецело отдалась наша партизанка Кл. Ив. Жук-Макарова, член первого Забайкальского областного исполкома советов периода 1918 года. Она появилась в Приморьи нелегально, скрываясь от атамановских следопытов.

Бывало, день и ночь стучит машинка, а стопка газеты растет медленно. Если бы иметь хоть ротатор или еще одну машинку, куда успешнее пошло бы дело, но все это пока оставалось мечтой. Надо удивляться упорству и усидчивости Кл. Ив. Вот она роется в белогвардейских газетах, полученных из Владивостока: тут „Эхо", „Дальневосточное обозрение", „Голос Приморья", „Дальний Восток"; попадаются иногда и харбинские газеты. Перечитывает их Кл. Ив., делает пометки, вырезки для нашей газеты, строчит к ним комментарии и т. д. Наконец перед нами красуется 50, а иногда и более номеров „Революционного партизана" — так называлось это первое, горячо любимое детище. За рассылкой дело не стало. И летит наша газета к бойцам в разные отряды. Жадно впиваются глаза чтеца-партизана в каждое слово. Вокруг него сгрудился десяток-полтора других партизан. С полуоткрытым ртом и напряженным вниманием ловят каждое слово. Вдруг взрыв смеха и целый поток реплик и острот со всех

сторон. В чем дело? Оказывается, читают о том, как какое-нибудь „Дальневосточное обозрение“ сообщает „о поражении, нанесенном сучанским партизанам“, „о расстрелянных пленных“, „о бандитах, сдавшихся на милость победителей“. Смех... Перечитывается снова, и снова веселье. Любили партизаны читать и слушать такие сообщения, „достоверно“ передаваемые белогвардейской печатью. А вот — иная аудитория. Сельская сходка. Хата полна. Накурено. Гуторят крестьяне о разных делах. Председатель объявляет собранию, что будет зачитана газета Ревштаба. Галдеж смолкает. Речитативом читается передовая; скучновато, не всеми ясно понимается. Но вот перешли к хронике и к отделу „Из газет“. Тут повторяется та же картина, что и в отряде. Реплики, замечания. Каждый выражает свои мысли по-своему.

„Революционный партизан“ быстро привился среди читателей. Здесь каждый находил свое родное, понятное и близкое. Идейно-политическое направление газеты было насыщено лозунгами, призывающими к борьбе за власть советов, за власть рабочих и крестьян. Эти лозунги красовались в заголовке каждого номера газеты. Боевизм и порыв к решительной борьбе были заложены в газете. В сохранившемся у нас третьем номере „Революционного партизана“ в виде эпиграфа помещено следующее призывное четверостишье:

Мы не уступим, мы не устанем,
Мы дружно станем, как грозный вал,
И на призывы мятежных братьев
Мы всех поднимем, кто духом пал.

Круг корреспондентов-сотрудников газеты был сначала очень незначителен, но постепенно он нарастал. Партизаны начали присылать свои корявые статейки; появились робкие, неуклюжие стихи, сочиненные ими же и отражавшие дух времени. Деревня вообще горазда до поэзии, и во все времена она умела отразить в своих частушках особенности каждого момента своей жизни. Партизан стал теперь весьма популярной фигурой деревни, и о нем шла речь, что называется, в песнях и сказках. Вот начало одной из многочисленных частушек:

На Сучане есть дорога—
Маленьки вагончики [1].
Партизаны — парни славны,
Прямо симпомпончики.

Весь присылаемый партизанами материал пересматривался, подправлялся и, если можно было, шел в печать. Заголовок первых номеров писался от руки, но потом наш резчик Ганя Лисовой, пролив семь потов, преподнес редакции подарок — деревянное клише с названием газеты.

Организация Ревштаба и дальнейшие успехи партизан были сигналом для рабочих города. Если до этого приток городских сил в партотряды был крайне скромен в силу того, что города

[1] На Сучанских каменноугольных копях функционирует узкоколейная железная дорога с маленькими паровозами и вагонами.

довольно скептически смотрели на крестьянские восстания и плохо верили в успех дела, то теперь Ревштаб стал показателем широкого движения, глубоко охватившего крестьянство. С другой стороны, усиливающиеся репрессии в городах, облавы на молодежь с целью поставить ее под ружье, аресты, расправы, вообще весь удушливый смрад колчаковской реакции заставляли рабочих искать выход из несносных условий жизни. В марте-апреле к нам рекой потянулись матросы и рабочие не только из Владивостока, но и из других рабочих центров, каменноугольных копей и железной дороги. Партизанство стало единственной возможностью для открытой вооруженной борьбы с противником. Актуальное значение этому вопросу придавала и передовая учащаяся молодежь города, так или иначе связавшая себя с революцией. С рабочими и матросами из Владивостока к нам пришли через сопки, по малодоступным тропам, новые молодые силы. Здесь были: Игорь Сибирцев, Андрей Попов, Саша Булыга (Фадеев), Нерезов, Седойкин, Зюк-Дольников, Шафир, Проноза-Судаков и ряд других товарищей. До этого вместе с Иваном Харитоновым прибыла Тамара Головнина, причем они приехали из города под видом кооперативных инструкторов. Теперь уже музыка пошла не та. Эти молодые силы с кипучей энергией и энтузиазмом накинулись на агитационно-пропагандистскую работу. Газета расширилась в размере (ее теперь назвали „Вестник партизана"), стала живей, содержательней. Появился даже особый литературно-художественный отдел, где печатались стихи и рассказы, преимущественно произведения этой молодежи, причем выделялись своей красочностью и художественностью стихи поэта-самородка долины Сучана — Кости Рослого. Кстати, его фамилия совершенно не гармонировала с его внешностью. Этот лядащий, сутулый, скобкообразный, белобрысый Костя с ранних лет писал стихи; у него есть масса народных сказок, легенд и былин, написанных в легкой и изящной форме. Не преувеличивая, можно сказать, что его дарованию могли бы позавидовать многие и многие из современных столичных писателей. Написанная им „ода" о партизанстве нами не раз с затаенным дыханием была прослушана в его же неподражаемой декламации. Этот любимец бойцов, этот весельчак и теперь крестьянствует на полях родного Сучана [1]. Писал в нашей газете и Николай Хренов, молодой учитель, направлявший тогда стези свои по футуристической дорожке. Партизанам нравились его „заковырки и вычуры", как они говорили.

На еще более широкую ногу удалось поставить печатное дело после удачно сделанного налета на завод Пьянкова, в результате чего Ревштаб обогатился восемью хорошими пишущими машинами, лентами к ним, копировальной и писчей бумагой. Дело информации и пропаганды значительно шагнуло вперед. При всех недочетах вольных и невольных, какими страдал „Вестник партизана", он все же оказал нам огромнейшую услугу в деле разъяс-

[1] С большой скорбью мы узнали о гибели любимого Кости Рослого, утонувшего в Охотском море во время шторма.

нения и закрепления лозунгов, под которыми шла борьба, помог очистить от излишней обывательской плесени сознание широких крестьянских масс, создавал нужное настроение; через него организовывались бойцы и все население, укреплялась революционная дисциплина; он освещал также, хотя и в небольшой степени, положение дел в РСФСР и пробуждение рабочих в других странах. Это был маленький светильник, проливающий свет в глухую пору нависших темных туч реакции, и без такого освещения борьба была бы обречена на большие неудачи.

Если раньше для развития движения нехватало, помимо прочего, живых пропагандистских сил, то с приходом владивостокской молодежи этот пробел был значительно заполнен. Ревштаб немедля разослал прибывших товарищей по всем весям Приморья, в такие отдаленные и глухие уголки, где революцией и не пахло, где жизнь не была еще затронута происходившими событиями и где крестьяне о них слыхали лишь краем уха. Перевалили агитаторы й в соседние уезды, с которыми у нас были чрезвычайно слабые связи и мы имели мало данных о положении дел у них. Движение крестьянства в Никольско-уссурийском и Иманском уездах в своем развитии значительно отстало от Ольгинского уезда: в этих районах оно стало заметным лишь весной. Вообще, чем дальше лежал район от железной дороги, каменноугольных копей и других экономических факторов, т. е. чем больше он был удален от пунктов, где концентрировались рабочие — носители революционных настроений, тем больше сказывались деревенский консерватизм и инертность крестьянства; кроме того, здесь контингент „стодесятинников“ был больше,—вот причины более медленного нарастания движения и более позднего приобщения к вооруженному восстанию населения этих уездов Приморья. Не меньшую роль в этом торможении революционного движения играло, очевидно, и то обстоятельство, что там, где не было рабочих центров и было менее революционно настроенное крестьянство, там мало осело и революционных работников, укрывавшихся от всевидящего ока колчаковских контр-разведчиков после падения советов на Дальнем Востоке. В Иманском уезде организатором движения были учитель Думкин-Морозов (в партизанстве Морозов) и бывший эмигрант Гурко, а в Никольско-уссурийском районе мы знали только тт. Степаненко и Туманова; партизанскими гнездами последних были селения Ивановка и главным образом Анучино. В названные два района и были преимущественно направлены наши пропагандисты и работники вообще. Другая часть пошла по Ольгинскому уезду—с информационными целями по восставшим волостям, а также с целью поднять на борьбу не втянутые до сих пор села Петровской долины; оттуда, вскоре после удачно проведенной работы, явилась в распоряжение сучанского отряда вновь сформировавшаяся группа партизан в числе около 50 вооруженных бойцов во главе с посланными Ревштабом тт. Тамарой Головниной, Григорием Пронозой, Иваном Харитоновым и др. Ново-литовская волость довольно радушно приняла наших ребят.

Старики, старухи, жены с полной готовностью провожали своих детей и мужей, набивали их заплечные сумки „жратвой“ и давали для передачи другим партизанам полотенца, рубахи, портянки и прочие необходимые для бойца вещи. Важно отметить, что с этой группой в партизанские отряды влились два учителя: Самойленко (по-партизански Салов), погибший от белых, и Татаринов. Оба вскоре получили от Ревштаба назначение на командные должности и до конца были активными работниками. Первая группа, ушедшая в соседние уезды, влилась в действовавшие там отряды и фактически послужила звеном, связывающим разрозненные до того времени партизанские районы. Влияние Ольгинского ревштаба теперь выходило уже далеко за пределы уезда, распространяясь фактически на все движение в Приморской области.

Нужно остановиться еще на партизанской работе на северной окраине Ольгинского уезда, где действовали по прибрежью несколько партизанских отрядов, направляя свои силы главным образом на г. Ольгу и Тетюхе; сюда на пароходах морем часто приезжали отряды белых и японцев, и с ними-то партизаны вели ожесточенную борьбу. Ольга не раз была обстреляна из артиллерии с моря, когда партизаны не допускали в нее белых. Исторически в этом районе движение сложилось так. Вспыхнуло оно вскоре после того, как на Сучане прогремели первые боевые схватки с колчаковцами: это было эхо, отозвавшееся на дальнем севере, в районе серебряно-свинцовых рудников в Тетюхе, где, хотя в небольшом количестве, но имелись рабочие. Кроме того, в этой северной прибрежной полосе живет чрезвычайно бедное крестьянство, которому почти никогда нехватало своих продуктов до нового урожая, и оно перебивалось на ссудах и субсидиях. Вот здесь-то во Владимиро-Мономаховке и Тетюхе и был сорганизован партизанский отряд под руководством тт. Сержанта и Шуббо; находившаяся в Тетюхе колчаковская милиция, мешавшая организации партотряда, была арестована. Отряд этот ушел затем на помощь отряду т. Глазкова, который вел борьбу за освобождение города Ольги, где колчаковцы успели свить себе разбойничье гнездо. Объединенным отрядам удалось общими усилиями дать колчаковцам потасовку, после которой последние, разместившись на пароходах, обстреляли с моря город и, не солоно хлебавши, уплыли во Владивосток. Эти отряды и далее на севере очистили все пункты, где ушкуйничала правительственная милиция, в частности б. Императорскую Гавань. За это время они имели здесь несколько удачных боев, препятствуя десантам белых и японцев высадиться на берег. В апреле отряды перешли в Сучанскую долину, где неоднократно участвовали в боях за очищение Сучанской железнодорожной ветки от белых и интервенционных гарнизонов.

Достигнув связи со всеми партизанскими отрядами, действовавшими в Приморьи, Ревштаб поставил перед собою новую задачу—организовать областной руководящий партизанский центр,

местонахождение которого предположено было в зоне Никольско-уссурийского и Иманского уездов, более Ольгинского нуждавшихся в организационном руководстве. Ревштаб постановил созвать съезд представителей партизанских отрядов, оперировавших во всех уездах, с тем, чтобы обсудить, каким образом связать партизанское движение всей области воедино и создать в тылу правителя Колчака и наместника Дальнего Востока ген. Иванова-Ринова сплошной гражданский фронт, т. е. весь тыл их превратить в бое-

Резиденция Областного ревкома в 1919 году.

вой лагерь, куда они должны были бросать свои и без того тощие силы. В конце апреля, заручившись согласием всех партизанских отрядов других уездов, Ревштаб решил созвать областной партизанский съезд в Анучине, куда и были командированы тт. Иванов, Харитонов, Бабарыкин—видные работники Ольгинского ревштаба. Съезд состоялся в начале мая при участии 18 человек, преимущественно командированных партизанскими отрядами Приморья. Результатом работ его было избрание Областного революционного комитета. Председателем нового Ревкома был избран Ив. Вас. Харитонов, а в состав его вошли Павел Бабарыкин, затем анучинский крестьянин Белкин и от Владивостокского парткома Адольф Крастин. Съезд выделил 2-3 человека для посылки в Хабаровский район и Амурскую губернию, чтобы иметь связь с действующими там партизанскими отрядами; кроме того,

имелось в виду получить оттуда часть средств, по слухам переданных первым советским правительством Д. В. Краснощекова организаторам революционной борьбы. Насколько были основательны эти слухи о средствах и какова была судьба товарищей, посланных за сотни и тысячи верст по тайге и сопкам, нам не позволили установить новые нагрянувшие летом по всей Приморской области события в связи с решительной схваткой всех повстанческих сил с русскими и интервенционными войсками.

Цели и задачи нового Облревкома были в сущности те же, что и у Ольгинского ревштаба, лишь масштаб их простирался на всю область. Структура Ревкома должна была быть, собственно говоря, копией Ольгинского ревштаба, но нужно сказать прямо, что новорожденный Ревком оказался не совсем полнокровным и мощным. По существу это был преждевременный плод от не вполне созревшего в значительной своей части (Никольско-уссурийский и Иманский уезды) партизанского движения, с одной стороны, и труднейших объективных условий для работы — с другой. Мы не хотим этого затушевывать. Трудности, перед которыми предстал Облревком с первых же дней своей деятельности, заключались в условиях связи. Приморская область, как и все дальневосточные области, представляет собою огромнейшую территорию, слабо заселенную, с громадными массивами лесов, тайгой, при отсутствии хоть сколько-нибудь сносных путей сообщения. Так, наш уездный центр находился в 3-4 днях пути от Анучина по таежной тропе, идущей через реки, лесные дебри и высокие горы. Даже лошади порожняком трудно проходили по этим тропам. Эти центры мы все-таки связали телефонной и телеграфной линиями. Не лучше дело обстояло и в отношении условий связи с другими повстанческими участками. Кроме того, дни Ревкома были недолговечны еще и вот почему. Противник чуял, что в области крестьянство и рабочие совсем выпряглись из оглобель; бешеным потоком разрастающееся движение не только не давало белогвардейцам показать носа в деревню, но и стало угрожать непосредственной опасностью городам, где на гнилых тронах восседали гг. „наместники“ со своей „шатией“. У них оставалось одно: или признать свое бессилие перед восставшими, или же еще попытаться показать, что у них есть „порох в пороховницах“. Избрав последнее, враги в июне начинают копошиться, усиленно бьют челом перед „самураями“ и „янки“ и под прикрытием этих нянюшек делают новые налеты на партизанские районы—с переменным впрочем успехом для обеих сторон. Это — одно из главнейших и решающих условий, которые не дали дозреть и набраться полных соков и сил вновь созданному Областному революционному комитету. Все же нельзя не указать на то, что Облревком проделал большую работу в деле вовлечения новых масс населения в партотряды, организационно усилил их и одержал с ними ряд побед над противником, что́ заметно подняло революционный дух отрядов и их уверенность в собственных силах. Так например, под руководством члена Облревкома т. Белкина

и при участии остальных его членов партотряды этих двух районов дали хорошую потасовку белым под Яковлевкой и Ивановкой, а на станции Ипполитовка Уссурийской железной дороги разбили и поголовно уничтожили японский отряд численностью в две роты.

ГЛАВА VIII.

Неудачная попытка белых к высадке десанта.—Эскадра союзников атакует партизан.—Находкинские бои.

Итак, непосредственной целью организации Революционного штаба и собирания сил явилось желание возможно быстрее изгнать из Сучана карательные отряды белогвардейцев и очищение всего южного Приморья от враждебных нам сил, чтобы на более широкой основе развернуть партизанское движение и создать прямую дорогу к Владивостоку, этой командной высоте контр-революции. Первым и самым трудным делом в выполнении этого плана являлось овладение сел. Владимиро-Александровкой и вообще завоевание Сучана. На одном из заседаний Ревштаба было поручено командующему партотрядами т. Ильюхову разработать оперативный план и срочно приступить к боевым действиям. 6 марта все партизанские силы повели наступление в направлении Владимировки. Без боя противник оставил сначала село Перятино, затем Унаши, Екатериновку и Голубовку и укрепился во Владимировке. Он быстро начал возводить окопы на улицах, на сопках, обволакиваться густой цепью проволочных заграждений, устраивать блиндажи, покрывать деревни целым лабиринтом ходов для сообщения. Для этих фортификационных работ было мобилизовано все население, все живое; видимо враг готовился к самой упорной обороне своего единственного теперь опорного пункта. При такой ситуации мы, не имея артиллерии и пулеметов, не хотели итти напролом на замуровавшегося противника и решили попытаться взять деревню внезапно — после того, как силы колчаковцев будут подорваны нашими частичными операциями и блокадой. Унаши занял ольгинский отряд в 250 чел. под руководством т. Глазкова, а деревни Екатериновку, Голубовку и бухту Находку (откуда ожидалось подкрепление белым из Владивостока) сучанский отряд в 600-700 штыков под командой Либкнехта. Силы белых определялись примерно в 1 200 чел.; командовал ими ген. Волков—герой разгона эсеро-кадетского коалиционного „Всероссийского временного правительства“, без сколько-нибудь существенного сопротивления уступившего место адмиралу Колчаку. Таким образом Владимировка превратилась в крепость, осажденную со всех сторон партизанами и лишенную возможности связаться с Сучанскими рудниками и Владивостоком. Началась длительная и упорная борьба. Партизаны со всех сторон каждую ночь нападали на заставы противника, на дома, занятые колча-

ковцами, не давали ни минуты покоя обороняющимся, держа их в страхе и трепете. Так продолжалось 8 труднейших, бессонных суток. Для того чтобы определить настроение белых, мы включились в телеграфную линию и от имени начальника американского гарнизона на Сучанских рудниках начали вести с ними разговор по прямому проводу. Разговор состоял примерно в следующем. Мы называем фамилию американского начальника Пендельтона и вежливо, с нотками сочувствия, спрашиваем начальника белых:

— Верны ли наши сведения, полученные частным путем, о том, что партизаны обложили со всех сторон Владимировку, лишили связи господина ген. Волкова с правительственными войсками и ген. Ивановым-Риновым?

Начальник штаба белых отвечает:

— Да.

„Полковник Пендельтон“: Есть ли у вас уверенность в том, что господин ген. Волков сможет самостоятельно восстановить эту связь, чтобы получить поддержку извне и разрушить партизанскую блокаду?

Ответ: Трудно сказать, но такой уверенности мы все же не теряем.

Вопрос: Не могу ли я надеяться на счастливый для нашей армии случай, чтобы помочь уважаемому генералу?

Ответ: Я об этом доложу, лично же думаю, что генерал будет рад вашему предложению и поспешит выразить свою сердечную благодарность вашей доблестной армии.

Вопрос: А известно ли вам, подлец, что это говорят красные партизаны, что вы непредусмотрительно разболтали ваши секреты о вашем отчаянии?

Ответ: Негодяи!

С нашей стороны: Да здравствует социалистическая революция! Привет солдатам, смерть офицерам!

Ответ—нецензурные слова, поток ругательств.

Вскоре мы наладили телеграфную связь с гарнизоном белых, и беспрестанно партизаны вели с колчаковцами разговоры, которые всегда заканчивались самыми отборными ругательствами. Белые тоже охотно вызывали нас по телефону, пока ген. Волков не запретил этого оригинального удовольствия. На 9-й день осады ночью ген. Волков с группой офицеров „перихитрил“ нас и по лесной тропе бежал во Владивосток, оставив своих молодцов без него, „столь ценного для родины патриота“, переживать трепет перед опасностью. 17 марта мы сняли свои силы в районе бухты Находка, стянули их в Екатериновку и на рассвете повели наступление на белогвардейские укрепления. Однако, несмотря на бессонные ночи и 9-дневное напряжение сил, белые оказали упорное сопротивление и нашу атаку отбили. Ночью мы собирались вновь атаковать позиции противника, но в течение дня картина резко изменилась.

Наши наблюдательные посты, расставленные на сопках у берега моря, донесли, что на горизонте появился морской отряд

из 4 судов, который приближался к бухте Находка. Мы быстро мобилизовали крестьянские подводы и двинули весь сучанский отряд к берегу для оказания сопротивления высадке десанта. Ольгинский отряд должен был удерживать за собой села Унаши, Екатериновку и Голубовку и дорогу, соединяющую Владимировку с Находкой, не допуская ни под каким видом выступления владимирского гарнизона белых на помощь десанту. Инициатива наступления таким образом перешла в руки врага, а мы должны были теперь обороняться. Часа через два наблюдатели донесли, что в море заметно приближение к нам еще трех судов. Обстановка складывалась не совсем благоприятно для нас. Не доходя полуверсты до берега, три судна остановились и начали выгружать в лодки войска. Остальные четыре судна расположились на флангах и приняли боевой порядок. Мы, развернув свои цепи, заняли удобные позиции по берегу и, затаив дыхание, ждали приближения целой стаи лодок, битком нагруженных солдатами. Лодки осторожно подходят всё ближе и ближе. Подпустив их на расстояние 800-1000 шагов, партизанская цепь открыла дружный огонь. В лодках поднялся беспорядочный крик солдат, сливавшийся с командой офицеров, видимо тоже растерявшихся от неожиданной встречи. Несколько минут десант не мог привести себя в порядок; наконец послышалась ответная нестройная стрельба, и... лодки круто стали поворачивать, направляясь назад. С судов наконец загрохотали орудия, но момент уже был упущен. Десант был отбит.

Спустя два часа стала усиливаться артиллерийская пальба по нашим цепям. Ясно, что она была рассчитана на подготовку к новой попытке высадить десант. В действительности так и случилось. Снова мы видим посадку войск в лодки, снова плывут они, растянувшись в один ряд, теперь уже, очевидно, с твердым решением произвести высадку вопреки сопротивлению партизан. Повторилась такая же картина боя, только более упорного с обеих сторон и продолжавшегося около полутора часа. Партизаны сидели в скалах крутого морского берега и, укрываясь от огня неприятеля, метко разили колчаковцев, прятавшихся за борта своих лодок. Десант снова не выдержал и вернулся на суда. Артиллерийский огонь, бешено развитый со всех семи судов, не мог повлиять на исход боя, и незначительная по сравнению с подавляющей силой противника кучка партизан громко и весело торжествовала вторую победу.

Вечер и ночь прошли благополучно. Рано утром в облаках морского тумана наши наблюдатели заметили приближение новых двух судов—одного японского, другого американского. Цепь партизан, пролежавшая на своей позиции уже около суток, с гордостью встретила появление этих судов. И в самом деле, было чем гордиться: целая эскадра оказывается бессильной, не может ничего сделать, чтобы выручить владимировский гарнизон белогвардейцев, с нетерпением ожидающих помощи со стороны моря. Каково же сейчас самочувствие правительства во Владивостоке, каково после

этого будет представление его о наших силах! „Ребята, не сдавать позиции, будем бороться до последнего патрона", — заговорили партизаны. В действительности, конечно, никто и не намерен был сдаваться, и этот призыв многие встретили даже с некоторой обидой: „Ясно, не сдаваться, какие же тут разговоры... Запевай: «Смело, товарищи, в ногу»". А суда интервентов между тем приближались. Орудия стали усиливать пальбу, били то по нашим цепям, то, ожесточаясь, переносили свой прицел на деревни Голубовку и Екатериновку, расположенные в 10-12 верстах от берега. Наконец все суда соединились, и стрельба прекратилась; около часа, видимо, шли переговоры о согласованном плане действия. Затем орудия опять возобновили свою работу. Наступал критический момент. С судов снова стали высаживаться на лодки войска. Трудность для противника попрежнему состояла в том, что основную тяжесть нашего сопротивления должны были нести лодки. Пулеметный огонь в виду дальности расстояния не представлял для нас опасности и больше поднимал дух наших бойцов, нежели давал преимущества противнику. Артиллерия же беспорядочно била по всей территории боя и не могла никак нащупать нашей цепи. В результате бой делался очень шумным, внешне интенсивным, но почти безрезультатным для нападающей стороны. Зато положение партизан было превосходное: их цепи стреляли по лодкам на очень близком расстоянии и с большой вероятностью попадания. Вот почему и эта третья попытка к высадке десанта потерпела неудачу.

Трое суток почти без сна, упорно и стойко партизаны сучанского отряда удерживали свои позиции, разбивая все попытки врага взять берег и произвести высадку, чтобы выручить из тяжелого состояния владимировский гарнизон; трое суток шла без перерыва артиллерийская канонада, время от времени подкрепляемая пулеметным и ружейным огнем с обеих сторон. Весть о таком успехе партизан разнеслась по всем уголкам области. Ревштаб слал нам свои воззвания с выражением восхищения поведением своих бойцов и призывая продолжать оборону. Крестьяне на сходах выносили такого же характера резолюции с обещанием сделать со своей стороны все возможное для оказания помощи своим сыновьям и братьям. Партизаны ликовали, гордясь столь неожиданным успехом (кто же из нас мог надеяться, что мы сумеем так долго держаться против целой эскадры контр-революции!).

Наконец противник, собрав все свои силы, даже матросов с пароходов, двинулся с небывалым за все эти три дня упорством и выбил нас из нашей засады. Патроны были на исходе; поэтому решено было отступить. В течение всего пути от бухты Находка до Екатериновки, куда мы стягивали свои силы, шел бой: наш арьергард не давал возможности противнику форсировать свой натиск. Артиллерия теперь уже била прямо по равнине, где, как на ладони, были видны судам наши цепи. В этот момент получили шрапнельные ранения, первые за все время обороны, три партизана. В Екатериновке сучанский отряд получил подкре-

пление в 80 штыков новых бойцов, прибывших во главе с неутомимым нашим агитатором „Макар Макаровичем“ — псевдоним Тамары Головниной, месяц тому назад отправленной Ревштабом в нетронутую доселе восстанием Душкинскую волость для организации крестьянства. Однако в Екатериновке дать бой было невыгодно по тем соображениям, что наши силы (сучанский и ольгинский отряды) не могли по географическим условиям объединиться и составить компактную массу для серьезного сопротивления: между селением Унаши, где стоял ольгинский отряд, и Екатериновкой лежит большой горный хребет, и протекает река, разрывающая их на два самостоятельные участка. Место боя поэтому перенесли под деревню Перятино, где были во всех отношениях выгодные позиции. Партизаны, упоенные успехами, не хотели отступать и требовали от командиров оказать сопротивление под Екатериновкой, не обращая внимания на все доводы. С неудовольствием они подчинились приказу об отступлении. 21 марта мы отошли в Перятино, а высадившийся десант, состоявший, как потом выяснилось, из морских стрелков и школы гардемаринов, „красы и гордости“ владивостокской контр-революции, в числе 1500 человек занял Владимировку и соединился с гарнизоном, находившимся около полумесяца в окружении партизан. Мы ожидали наступления. Однако колчаковцы, испытавшие находкинский бой, где им в течение трех дней не мало пришлось понервничать, не проявляли, несмотря на превосходство своих сил, особой решительности и пока не готовились итти против нас. Так мы стояли друг против друга около двух недель, ограничиваясь лишь мелкими, хотя и частыми, стычками разведчиков.

ГЛАВА IX.

Подготовка к бою с белыми.—Бой под Перятиным.—Приезд американской делегации к партизанам.—Захват в плен американских офицеров белыми.—Заигрывание полковника Пендельтона.—Наступление партизан. — Белые изгоняются из Сучанской долины. — Концентрация партотрядов в Цемухинской долине.

4 апреля ночью прибежала к нам группа крестьян с известием, что деревня Унаши занята белыми и что противник предполагает собрать всех мирных жителей и „гнать“ всех их впереди своих цепей, которые поутру будут наступать на Перятино. Из объяснений крестьян мы поняли, что такая дикая выходка белогвардейских командиров была рассчитана на то, чтобы парализовать боеспособность наших отрядов, которые, мол, не станут стрелять в своих. Впрочем на деле слух об этом намерении белых не оправдался и, видимо, был пущен с провокационной целью. Мы немедленно стали развертываться в боевой порядок. Двухнедельная „передышка“ дала нам возможность облюбовать самые выгодные позиции и обдумать все детали предстоящего боя.

Село Перятино стоит в долине между двумя хребтами, приближаясь к одному из них, с восточной стороны, на расстояние

нескольких саженей. Мимо села с западной стороны протекает быстрая горная река Сучан. Благодаря весеннему половодью переправа через реку была невозможна без лодок, а все лодки находились в наших руках. Единственно открытой оставалась южная сторона, где расстилалась совершенно ровная долина, представлявшая удобный путь для наступления. Перед деревней проходит второе, старое русло небольшой речки, впадающей в Сучан. Свои цепи мы расположили так: весь сучанский отряд и часть ольгинцев в количестве около 750 штыков рассыпались по руслу этой речонки, сослужившей роль прекрасных естественных окопов для стрельбы с колена; человек 150 заняли хребет, что с восточной стороны деревни, и образовали левый фланг, углом расположенный саженей на 100 вперед, а около 50-80 партизан на лодках переправились через Сицу и заняли ее берег на расстоянии сажен 80-100 от нашей лобовой цепи. Таким образом получился своеобразный ковш, войдя внутрь которого, противник в любом случае попадал под перекрестный огонь партизанских цепей. Фланги, помимо прочего, должны были мешать попытке противника обойти нас с тыла. Вперед была выслана конная разведка, возглавлявшаяся нашим неугомонным весельчаком „Ягодкой" — т. Сорокиным Георгием (впоследствии погибшим на забайкальском фронте в борьбе против банд атамана Семенова). Кроме того, все удобные пункты, с которых можно наблюдать вдаль, были заняты сетью наблюдательных постов. Словом, силы наши были расставлены так, что мы вполне могли надеяться на благоприятный исход боя.

В восемь часов утра (время для внезапного набега не столь выгодное) наблюдатели условными знаками передают нам, что противник выступил из села Унаши и правильной походной колонной со всей системой охранения медленно движется по дороге на Перятино. Численность его—мы логически установили на месте—должна быть около 2000 человек пехоты и конницы, до 8 пулеметов и 1 батарея. Командирам, возглавлявшим отдельные участки нашей позиции, была послана команда „по местам". Гуськом по-партизански (партизаны ходили всегда „гуськом"), предчувствуя веселое дело, потянулись наши между домами по переулкам в разные стороны.

В это время с тыловой заставы передают сведения, что прибыла американская делегация в составе двух офицеров с четырьмя солдатами и просит разрешения повидаться с „господами" Ильюховым и Тетериным. Американцы прибыли для переговоров относительно доставки нам обмундирования. В этот период они основательно заигрывали с нами, видимо не теряя уверенности, что можно будет партизан сагитировать как свою группировку, в противовес атаманам, ставленникам японской интервенции. Такая оценка „политики" американцев подтвердилась месяц спустя тем, что командующий чехо-словацкими войсками через освобожденного из тюрьмы т. Яременко прямо предложил нам за определенную „компенсацию" переменить свои „непримиримо крайние" лозунги на лозунг за Учредительное собрание. Во вся-

ком случае мы приняли несвоевременно появившихся „дипломатических“ гостей, хотя и без подобающего гостеприимства. Вежливо извинившись, что по „объективным“ причинам не можем уделить времени на переговоры, мы предложили им остаться в наших рядах до тех пор, пока окончится бой, после чего можно будет начать беседу. Признаться, свое предложение мы основывали на несовсем „честных“ расчетах: мы думали в бою поставить наших гостей в такое место, где они наверняка могли бы пострадать от колчаковских пуль. Янки, всегда падкие на острые ощущения, с радостью согласились воспользоваться интересным случаем—увидеть партизан в боевой обстановке, но занять рекомендуемое нами место отказались, заявив, что предпочитают засесть на крыше школы, самого высокого здания в деревне, и обозревать картину боя во всей ее полноте. Мы вынуждены были признать неотразимость доводов наших гостей.

Колчаковцы двигались очень медленно, видимо опасаясь натолкнуться на засаду: за полтора часа они прошли всего лишь пять верст и теперь еще находились в трех с половиной верстах от нас. Однако решающий час приближался. Крестьяне все скрылись в погребах подполья, а иные и совсем укатили в сопки, захватив с собой всю живность. Улицы села совершенно пусты; по ним только изредка пробегает галопом наша связь, несущая приказ по цепи. Все партизаны заняты своим делом: кто просматривает винтовку, чистит затвор, кто запасается на всякий случай хлебом, а большинство готовит упор для винтовки и возбужденно ведет спор о том, сколько шагов вон до того кустика и сколько вот до этого деревка, чтобы своевременно наставить правильный прицел. Все эти занятия сопровождаются веселыми шутками, беспрестанным „закуриванием“ и остротами по адресу колчаковцев. В 10 часов утра вдруг прибегает с противоположной стороны реки Сучан партизан, который сообщает, что из Владивостока прибыл груз „от партии“. Этот груз из бухты Золотой Рог был отправлен партийным комитетом на китайской шаланде до села Душкино и оттуда на подводах доставлен в Перятино. „Посылка“ моментально была переправлена через реку на нашу сторону, и в ней оказалось весьма кстати несколько тысяч патронов, 300 гранат, несколько наганов, масса пороха и капсюлей для наших „патронных мастерских“. Все это привез Тихон Самусенко, крестьянин дер. Фроловки, тогда работавший в уездном земстве. В находкинском бою за три дня каждому партизану пришлось потратить бóльшую часть патронов, поэтому новое их пополнение было встречено с большой радостью. „Спасибо партии!“—слышались по цепи голоса партизан, набивающих патронами сумки. „Партия“ (речь идет о коммунистах) всегда оставалась для партизана последней апелляционной инстанцией в сомнительных и спорных вопросах; и она же часто выручала в трудные минуты. Партизаны потому так хорошо относились к ней, что были органически связаны с работой партии.

Только мы успели разобрать по рукам патроны и гранаты, как колчаковские цепи приблизились и были теперь на расстоянии не более тысячи шагов.

В 11 часов утра начался бой. Картина его сразу приняла неблагоприятный для противника характер: он хотел перехитрить нас, но совершенно неожиданно для себя сам попал на удочку. Чтобы напасть на нас врасплох, колчаковцы, не дойдя трех верст до Перятина, выслали по хребту, лежащему с восточной стороны деревни, свой отряд человек в 150-200, имея намерение обойти нас с левого фланга в тыл и в решительную минуту, когда мы будем увлечены их передовыми цепями, ударить внезапно нам в спину. Однако такой маневр нами был предусмотрен, и туда на хребет, как уже говорилось, был выслан ольгинский отряд. Прежде всего началась стрельба в горах на этом хребте. Остальные цепи колчаковцев, на расстоянии примерно 1000 шагов, залегли в ожидании результатов своей фланговой диверсии и начали окапываться. Через полчаса на хребте стрельба прекратилась: ольгинцы отбили колчаковцев, которые, оставив несколько трупов, бежали назад. В это время по дороге, поднимая целые облака пыли, с гиком бросилась на нас кавалерия. Подпустив ее поближе к себе, цепь т. Тетерина (Петрова), командовавшего правым участком, дала один, затем второй, третий залп... Ошеломленные лошади стали надыбы; у противника воцарилась паника. Некоторые кавалеристы стали соскакивать с лошадей и спешно устанавливать пулеметы. Еще один залп, частый ружейный огонь партизан, и кавалерия быстро поворачивает назад. Атака отбита. Наступил небольшой перерыв. Партизаны, перебивая друг друга, восторженно делятся впечатлениями первых стычек. Наконец противник развертывает все свои силы в одну цепь и начинает редкую перебежку по всей линии. В это время ольгинцы были подтянуты поближе к нашему левому флангу с таким расчетом, чтобы оказать существенную поддержку любой нашей цепи. Заговорила и батарея колчаковцев. Сначала она бьет на шрапнель, а потом некоторые орудия переходят и на картечь, — расстояние ведь — рукой подать. Завязалась самая отчаянная пальба. Когда колчаковская цепь подошла совсем близко к нам, открыли огонь и наши фланги. Враг попал под перекрестный огонь — положение самое невыгодное для него, но он еще держится стойко. Перестрелка продолжалась около часа. Наконец противник начал отступать. Мы отчетливо слышим нервный голос команды офицеров, призывающих своих солдат к спокойствию и выдержке, чтобы не нарушался порядок отступления. И третья лобовая атака нами отбита. Орудия продолжают посылать в деревню снаряды. Дух партизанских цепей еще больше поднялся. Там и сям слышно пение: „Смело, товарищи, в ногу", выкрики „ура", потом снова пение: „Сами набьем мы патроны, к ружьям привинтим штыки".

Вскоре противник оправился и снова густыми цепями повел наступление. Пулеметы захлебывались, старательно строча по всему фронту. Ружейный огонь партизан стал настолько сильным и разительным, что колчаковцы уже не делали перебежки цепями, а по одному ползли на четвереньках. Драка началась самая упор-

ная и, видимо, решающая. Американцы, до сих пор сидевшие на крыше школьного здания, начали нервничать и, увлеченные партизанской страстностью, сами втянулись в события. Лейтенант, глава делегации, внимательно следил за маневрами колчаковцев и, желая нам „помочь", через своего солдата передавал нам каждые 10-15 минут записки с извещением о всякой перемене картины боя. Мы старались подать вид, что сведения лейтенанта нам оказывают пользу, хотя на самом деле они ничего нового нам не давали и только отрывали напрасно внимание на деликатную болтовню с посланцами янки. Под давлением нашего перекрестного огня колчаковцы наконец приостановили продвижение вперед, залегли и начали окапываться. Бой продолжался теперь невыгодно для нас: попадание стало минимальным,— не видно было колчаковских стрелков, спрятавшихся в окопы.

Под вечер снова возобновилось наступление. Противнику удалось совсем близко подползти к деревне. Вот уже он захватил несколько домов, расположенных на краю деревни. Партизаны стали занимать крыши и оттуда продолжать стрельбу. Началась упорная борьба за овладение каждым домом, крестьянским двором. Партизаны с яростью защищали каждый шаг своей позиции. Американцы всё чаще присылали нам свои назойливые информации. Битва наполовину перенеслась на улицу и дворы деревни. С наступлением темноты полил проливной дождь, и мы решили больше не расстреливать патронов, так как деревню стала покрывать та ночная темь, какая бывает весной в дождливую погоду. Цепи наши стали стягиваться к восточной части деревни, к кладбищу. Мы отступили по тропе в деревню Новицкую, на пять верст от Перятина. Но тут случилось несчастье: мы изменили правилам дипломатической вежливости и традициям гостеприимства — ушли из Перятина, не предупредив об этом американскую делегацию, которая поэтому попала в плен к колчаковцам. В связи с этим начались интересные события, о которых будет сказано ниже.

Перятинский бой таким образом продолжался целых 10 часов без перерыва. Мы вышли из него с пятью ранеными партизанами, двое из которых с опасными ранениями были взяты нашими „друзьями"-американцами в свой госпиталь. Один там умер (пуля попала ему в живот и пронзила кишки), а другой вылечился. Потери колчаковцев трудно было установить — как по перятинскому, так и по находкинскому боям. Крестьяне, которые увозили трупы из-под Перятина, насчитали убитыми около ста сорока человек, а солдаты-колчаковцы, после перебежавшие к нам, утверждали, что всего было в это время убито до 160 человек, при очень большом числе раненых. По тем же источникам, в находкинском бою было убито около 85 человек. Словом, две сотни трупов белогвардейцы наверняка оставили в этих двух операциях. Партизаны отступили от Перятина, как отступили и от Находки. Внешне белогвардейцы остались победителями, но только внешне. Не было сомнения не только для нас, но и для

противника, что за нами оставалась громадная моральная победа. В самом деле: держать на рейде 10 хорошо вооруженных морских судов, препятствуя в продолжение столького времени высадке десанта, оказывать в течение десяти часов отчаянное сопротивление продвижению двух слишком тысяч профессиональных вояк, снабженных восемью пулеметами и батареей с неограниченным запасом патронов и снарядов, противостоять „цвету" белой армии— частям гардемаринов, будущих морских офицеров, проделать все это — громадное достижение для сравнительно небольшого отряда партизан, которые „сами набивают патроны" и обучаются военному делу в процессе жестоких битв. Неудивительно, что после описанных боев настроение крестьянства и рабочих приняло прямо восторженный характер. Ревштаб прислал партизанам горячее поздравление с победой, и сами партизаны на деле убедились в своей мощи, которую до сих пор каждый из них как-то не замечал. Во Владивостоке белогвардейская пресса и „патриотическая общественность" не без основания забили тревогу о возрастающей опасности со стороны „партизанского бандитизма". Партизаны сделались предметом всеобщего внимания: одни радовались росту их силы, другие со скрежетом зубовным проклинали их. Мы приветствовали это, надеясь, что в таком случае против нас будут высланы еще бóльшие силы, а это не может не повлиять на успехи нашей Красной армии.

В деревню Новицкую мы вошли усталые и голодные в дождливую весеннюю ночь. В центре деревни встретил нас кавалерийский разъезд американских солдат, которые на ломаном русском языке заявили, что американский лейтенант просит „комендант Ильюхов и Петров" остановиться в квартире, где „сидят американский офицер". Предложение, как и самое пребывание американцев в Новицкой, нам показалось подозрительным, заинтриговало нас. Быстро разместив партизан по квартирам и выставив охранение, приглашенные „коменданты" отправились в избу, где „сидят американский офицер". Здесь партизанам было оказано большое гостеприимство. Прежде всего их накормили доотвала всякими, с точки зрения партизанской кулинарии, изысканными яствами. Американцы, выражая восхищение поведением партизан в бою, высказали огорчение, что до сих пор они ничего не знают о судьбе своей делегации, и попросили нас рассказать о ней, что мы знали. Оказалось, что в период боя янки пережили немало. Как только стали доноситься до Сучанских рудников звуки стрельбы, полковник Пендельтон (начгар) решил, что его делегация может попасть в опасное положение, и выслал стоящий теперь в Новицкой отряд для спасения своих посланцев. Этот отряд, прибыв в Новицкую, немедленно выслал в Перятино парламентеров с белыми флагами, которые прибыли туда в тот момент, когда партизаны оставили деревню. Колчаковцы обстреляли парламентеров и ранили в руку одного офицера. Обозленные и встревоженные за судьбу названной делегации парламентеры поспешили вернуться обратно. Тут же нам показали письмо от

офицеров, захваченных в плен, в котором те сообщали, что колчаковцы объявили их „шпионами“ и к утру намерены расстрелять, если они не реабилитируют себя. Растерявшийся после такого оборота дела полковник Пендельтон через своих посланцев просил нашего совета, как ему теперь следует поступить, чтобы освободить пленников. Ситуация сложилась для нас выгодная хоть куда. Без долгих разговоров мы сообщили полковнику Пендельтону, что, по нашему мнению, единственным путем для освобождения пленных офицеров является наше совместное с американцами немедленное наступление на белогвардейцев. Письмо с изложением этого взгляда мы послали Пендельтону с молодым американским офицером. И каковы бы, вы думали, были результаты? Полковник Пендельтон часа через два прислал ответ, в котором благодарил за „разумный совет“ и сообщал, что он выслал в Новицкую свой отряд, который должен соединиться с нами и поступить в распоряжение „комендант Ильюхова“ для совместного с партизанами наступления на Перятино. На рассвете к нам прибыл адъютант этого отряда для связи. Мы терпеливо ждем „подкрепления“. Однако проходит час, два, а отряда нет. И мы и американцы, сидящие с нами в избе, начинаем нервничать и теряться в догадках. Вдруг влетают в деревню на взмыленных лошадях пять конных американских солдат и с видимой досадой сообщают, что их отряд с артиллерией завяз в болоте и просит партизан помочь ему оттуда выбраться. В такой версии мы усомнились и решили уклониться от помощи. Всем партизанским отрядам тут же был отдан приказ выступить из деревни и занять боевые позиции с целью одним начать наступление на Перятино. Американцы долго убеждали нас отказаться от этих планов и подождать прибытия их отряда. Мы с ними не соглашались. В это время является из Перятина освободившаяся из колчаковского плена американская делегация, и дело принимает иной оборот: полковник Пендельтон отзывает свой отряд назад на Сучанские рудники. После мы проверили достоверность версии о злоключениях американского отряда, и факты все подтвердились. Оказалось, что янки отправились в поход с целой кавалькадой обозов, походными кухнями, лазаретом и прочим, и вся эта тяжеловесная махина ночью сбилась с дороги и попала в болото, где и завязла. Мы пожалели о том, что были излишне осторожны: нужно было помочь отряду выбраться из болота и довести его до столкновения с колчаковцами. Это имело бы не последнее значение для разрыва „дружественных отношений“ белогвардейского правительства с американскими интервентами.

Итак мы решили наступать на Перятино одни. Часов в восемь утра наши силы двинулись вперед по горным тропам. Но бою не суждено было разыграться: колчаковцы поспешили сняться и без сопротивления оставили сначала Перятино, потом и Унаши. В Перятине белые подожгли 8 домов, с крыш которых партизаны накануне в бою оказывали наиболее сильное сопротивление; бандиты в бессильной злобе против партизан начали распра-

вляться с мирными крестьянами. Пожар затушить не удалось, и дома сгорели дотла. В деревне и по пути отступления белых партизаны находили разбросанные пачки патронов: это тайно от офицеров оставляли подарок солдаты, сочувствующие партизанам. Мы продолжали преследовать белых. Наконец они покидают Владимировку и спешат к бухте Находка, где их ожидает „эскадра". Там „доблестные войска", отведавшие партизанских пуль, спешно грузятся на суда и под нашим обстрелом отплывают в море и потом во Владивосток.

Похороны т. Либкнехта в селе Казанке в мае 1919 года.

Во Владимировке нас встретила печальная весть: нечаянным выстрелом из японского карабина застрелился командир сучанского отряда т. Либкнехт. Взамен его был назначен т. Петров-Тетерин.

Весь Сучан, все южное Приморье теперь было очищено от белогвардейщины. Власть Ревштаба здесь распространилась повсеместно на все села. Продолжало оставаться в руках колчаковцев только одно село Шкотово.

Чтобы развязать себе руки для непосредственной борьбы с интервентами, решено было все партизанские отряды перебросить в Цемухинскую долину, оставив в Сучане лишь небольшую

часть сил для поддержания порядка. В этих целях сучанский отряд должен был отправиться в с. Новороссию, а ольгинский отряд—остаться в с. Новицком. Началась перегруппировка сил. Во всех селах, по которым проходил сучанский отряд, ему устраивались крестьянами восторженные встречи. В деревне Новой Москве крестьяне вынесли на улицу стол с „хлебом-солью"; вышло все село с красными флагами приветствовать героев находкинского и перятинского боев. Крестьянин Андрейченко произнес горячую речь и призывал сучанцев разделаться с белобандитами в Цемухинском районе так же, как это они сделали в Сучанском районе.

Между прочим в эту пору явился к нам Шевченко со своей легендой о многотысячных отрядах, которыми он командовал где-то в Приханкайском районе. С этих пор и начинается „батьковщина" в некоторых отрядах Цемухинского района, тративших свою энергию больше на борьбу за карьеру честолюбивого Шевченка, нежели на борьбу с белыми. Отрадно, что сучанцы сразу же „раскусили" немудреную натуру этого „героя" и поставили его на подобающее место. Он замкнулся в своем Цемухинском отряде и уже не делал попытки опереться в своих домогательствах на отряды Сучанской долины.

ГЛАВА X.

Ревштаб в борьбе с партизанской „батьковщиной".—Укрепление дисциплины партотрядов.—Сергей Лазо—командующий партизанскими отрядами.

В обзоре деятельности судебно-следственного отдела Ревштаба отчасти уже было сказано о наблюдавшихся в партизанских отрядах болячках, с которыми Ревштаб вел довольно решительную борьбу. Неизбежность этих болячек, в виде мелких преступлений и проступков, исходила из самой природы и сущности партизанских отрядов. Что собою представляли эти отряды? В отношении свойств и нравов это был сколок с широких крестьянских и рабочих слоев, из представителей коих состояли партотряды. Они и жили и боролись здесь же в деревнях, домах, на своих улицах. Среди них мы могли наблюдать много проявлений человеческих слабостей и пороков: питье водки, драки, кражи и т. д. Но это было зло сравнительно небольшой руки. На-ряду с этим однако имело место в партизанских частях и другое, более серьезное явление, более опасное для всей судьбы вооруженной борьбы: имя этому явлению — атамановщина, „батьковщина", как порождение анархо-индивидуалистических стремлений. На нем мы считаем необходимым остановиться. К этому обязывает и то обстоятельство, что появившиеся до сих пор в нашей печати различного рода повествования о партизанской борьбе, в виде журнальных статей, дневников и мемуаров, совершенно не отражают внутренней сущности партизанских отрядов и

действительного положения их в этот период. Авторы изображают партизанство скорее как народное торжество, как широкую масленицу, когда все катится как по маслу, и на этом празднике есть „именинники“ с железной, стальной и т. п. волей; эти герои и вожди стоят высоко над серыми массами крестьян и рабочих, которые, будучи загнаны нагайкой и шомполом в сопки, бродят по тайге бессильными массами, без организации, „без отчизны, без семьи“ и вдруг попадают на сказочного „героя“ и начинают творить по его мановению чудеса побед.

Таких героев, „рассудку вопреки, наперекор стихиям“ сокрушающих с легкостью полчища вооруженного до зубов врага, изобразил т. Степан Серышев в своей статье, помещенной в сборнике Истпарта „Революция на Дальнем Востоке“. Другой автор— т. Яременко, описывая в журнале „Пролетарская революция“ (№ 7 за 1922 год) события в Приморьи, дает совершенно нелепый „эскиз“ партизана. Фантазия т. Яременко, на манер суздальских богомазов, разрисовывает партизана в таких красках: „Одетый как-нибудь, во что-нибудь, с берданицей или старой трехлинейкой, хорошо если при 25 патронах, сухой от голодания, желтый от малокровия, терпящий все (?), идущий на смерть (почему не на победу?) с берданкой против пулеметов“. Забыв далее про намалеванный эскиз „сухого“ и „желтого“ партизана, который в изображении нашего художника больше похож на изможденного постом и воздержанием монаха, чем на пролетарского бойца, автор в другом месте рисует партизана живым, жизнерадостным, „смело и гордо идущим по девственным горным лесам, быстро взбираясь на высокие сопки и распевая любимые песни свободы“.

Эти две противоречивые цитаты из „трудов“ т. Яременко говорят сами за себя, свидетельствуя о степени серьезности его подхода к делу.

А т. Серышеву мы задаем вопрос: где же у вас героизм масс, класса? Партизаны бродят у вас по тайге как бессильная толпа, напоминающая собой библейские стада баранов, покинутых пастырем. У вас, т. Серышев, одни голые герои, а около них, этих сверхчеловеков или средневековых витязей (как их рисуют историки типа Рождественского), очевидно сохранившихся до наших дней, толкутся смерды, безвольные толпы черни... Так писать нельзя. Впрочем так и мыслить едва ли можно.

Мы ничуть не думаем затушевывать светлые образы действительных героев революции: порукой тому—посвящение нашей скромной работы подлинному революционеру, организатору и вождю рабоче-крестьянских вооруженных сил — т. Лазо; но всех бывших командиров партизанских отрядов и других работников возводить в степень „легендарных героев“, „вождей, людей великого ума и знания военного дела“ [1],—это значит заведомо извращать историю, это значит создать ложное представление о вели-

[1] Эпитеты из статьи Серышева.

кой эпохе, о грандиозном социальном сдвиге, о таком процессе, в котором главной действующей силой и источником героических побед над классовым врагом был коллектив, сами массы, выделяющие из себя своих руководителей. Недаром к „трудам" одного из этих авторов—С. Серышева имеется масса подстрочных примечаний, поправок т. О. Сомова, с указанием то на неправильное, то на субъективное освещение тех или иных событий на Дальнем Востоке. Тов. Яременко в своем „дневнике" тоже преподнес такие вымыслы о приморских событиях, о партизанстве, что прямо-таки диву даешься, насколько надо быть бесцеремонным, чтобы, так исказивши действительный ход движения, преподнести его читателям, тем более через партийный орган, да еще в виде дневника. Так, автор пишет об Ольгинском съезде трудящихся в 1919 г., что он закрылся в дни 3—6 июня (дата дневника), прилагаемая же резолюция съезда по текущему моменту помечена датой 29 июня, а декларация 3 июля. Невольно задаешь вопрос: где писался „дневник" — в Приморьи или в Москве? Организацию Ольгинского ревштаба Яременко относит к осени 1918 г., тогда как Ревштаб организован в марте 1919 г.; имеется масса и других извращений, в которых нет надобности рыться здесь. Не желая следовать по стопам указанных авторов, мы преследуем одну цель—дать подлинную картину событий, со всеми их положительными и отрицательными сторонами, с описанием не только добродетелей, но и пороков отдельных товарищей, занимавших ответственные посты в деле руководства движением. Мы руководимся лишь тем желанием, чтобы наша партия, изучающая опыт гражданской войны, ее методы и организацию, могла иметь под руками правдивый материал, а не различные досужие измышления. Разве всегда и во всем шло гладко партизанское движение? Нет, этого не было. Среди руководящего состава были такие товарищи, которые не вполне понимали задачи и пути классовой борьбы, не считались с волею коллектива, иногда болезненно проявляли излишний субъективизм и не чувствовали себя достаточно ответственными за собственные поступки, порой создавая такую обстановку, когда, при известных упущениях, революционное партизанское движение могло бы превратиться в подлинную атамановщину, махновщину. Надо сказать: „да, было и так". И образец таких потенциальных зародышей батьковщины, о которой никто из приведенных авторов ни словом не обмолвился, мы и намерены передать нашим читателям.

В начале 1919 г. в Приморьи появляется Гаврила Шевченко; это один из участников спасского фронта в 1918 г., происходивший из казаков Уссурийского казачьего войска, малограмотный деревенский парень. Шевченко командовал тогда какой-то частью, и, когда фронт был ликвидирован, он, по слухам, перешел на китайскую сторону с отрядом войск. Какова была численность этого отряда, установить трудно. Когда атамановская реакция разошлась во-всю по всем областям Дальнего Востока, когда затрещали крестьянские хребты и эмблемой власти стала окровавленная

офицерская нагайка с крючками и наконечниками, с раскаленным шомполом, — в народе всюду глухо ползли слухи, что вот скоро из гор нагрянет Красная гвардия. Слухи эти в первое время разрастались в целые легенды. Придушенный реакцией народ надеялся, что вот кто-то придет, освободит... И в унисон его чаяниям росли эти легенды о чудо-богатырях, которым положено сокрушить врага. Так в пору мрачной полосы атамановских застенков, под стоны и вопли, создался и наш „герой“ Гаврила Шевченко. О нем в Приморьи заговорили, что он привел с Амура несколько тысяч хорошо вооруженного войска и занял район Камень-Рыболов около озера Ханка в Никольско-уссурийском уезде. В разговоре с т. Ильюховым сам Шевченко не отрицал, а, наоборот, еще более сгущал эти слухи, говоря, что у него действительно там стоят войска и что на Сучан он пришел „разнюхать“ обстановку и уж потом, если найдет это стратегически нужным, передвинет сюда и свои тысячи. Легенда в первое время на разные лады варьировалась среди населения, воспаленная фантазия которого все легко принимала за истину. Гаврила Шевченко здесь стал героем. В действительности Гаврила Шевченко остался в Цемухинской долине сначала в роли командира двух-трех сотен партизан, а после ряда боев стал начальником отрядов Цемухинского района, где в период наибольшего развития движения насчитывалось до 700-800 человек партизан. Мы не думаем умалять работу т. Шевченка; наоборот, мы должны отметить его активное участие в борьбе с контр-революцией на Дальнем Востоке в течение всего периода этой борьбы, причем он занимал довольно значительные посты в руководстве движением; со всей решительностью мы заявляем, что он безусловно являлся заклятым врагом буржуазии и не последним бойцом против ее легионов. Но тем не менее мы не хотим скрывать и того, что Шевченко не принадлежал к числу людей с четко выраженным политическим мировоззрением, не представлял собою дисциплинированного революционера, сознающего с должной ясностью всю ответственность за все свои поступки. Характерной особенностью Гаврилы Шевченка тогда являлось пренебрежительное отношение даже к революционной власти, к руководящему коллективу, что и проявлялось не раз. Вторым весьма заметным грешком была выпивка, которая у него в отряде пользовалась всеми правами гражданства. „Отчего не хлебнуть для храбрости?“, „един бог без греха“,— говаривал Шевченко в таких случаях. Панибратство, вольница в поступках были отличительной чертой, в особенности среди близко окружавшей его группы партизан. В отряде у него было лишь очень незначительное число сознательных и выдержанных революционных работников, которые могли бы влиять в смысле укрепления подлинно революционной дисциплины в отряде. Наоборот, к нему больше липли анархистствующие элементы, попадавшие сюда преимущественно из городов; даже целая группа анархистов нашла приют в отряде Шевченка. Вот в этих-то социальных слоях и политических группировках и находила себе

пищу шевченковщина. Естественно, что для Шевченка при таком его окружении Ольгинский ревштаб оказался не по сердцу. Однажды Шевченко без суда и следствия, не доведя даже до сведения Ревштаба, арестовал и расстрелял показавшегося ему подозрительным партизана-партийца, корейского офицера т. Кима. Был и еще ряд подобных поступков. Ревштаб, являясь олицетворением принципа коллективного руководства и в своей деятельности строго считаясь с революционной целесообразностью, должен был призвать Шевченка к порядку. Но это мало подействовало на Шевченка: он не только ничуть не изменил своих действий, но даже стал в совершенно открытую оппозицию по отношению к штабу, распространяя про него различные небылицы среди своих отрядов. Созданная Ревштабом комиссия для расследования некоторых дел Шевченка вернулась от него ни с чем. Один раз Ревштаб вынес Шевченку порицание и неоднократно призывал его к порядку и подчинению. Но самостийность Шевченка от этого не убывала. Повернуть же дело более круто против него Ревштаб не решался отчасти потому, что слишком переоценил его значение в партизанских отрядах, а главное потому, что подобное столкновение могло быть при такой обстановке истолковано как беспринципная борьба за власть. Это заставляло бережнее относиться к движению, которое несомненно потеряло бы многое от резкого конфликта. Теперь мы говорим, что у Ревштаба просто нехватало нужной решительности в борьбе с нарождавшейся „батьковщиной". Полного своего завершения поведение Шевченка достигло с приходом к нам в Ревштаб тт. Лазо, Губельмана, Владивостокова и других, командированных для усиления партийной работы Приморским комитетом РКП(б). Тов. Лазо был командирован в качестве руководителя всем партизанским движением Приморья и единодушно поддержан был Ревштабом, комсоставом и партизанами сучанского и ольгинского отрядов. Шевченко стал тут на недопустимый путь клеветы, распространял по отрядам слухи, что Лазо — „жид" (его же выражение), так же как и пришедшие с ним, и что теперь делу каюк — предадут. Дальше итти было некуда. Ревштаб потребовал от Шевченка, чтобы он удалился из Приморья. Давши на заседании Ревштаба честное слово сделать это, Шевченко назавтра же выкинул на общем собрании партизан сучанского отряда новый фортель. На этом собрании т. Лазо был объявлен командующим партизанскими войсками Приморья. Шевченко выступил с демагогической речью, в которой уверял партизан в своей любви к ним, говорил, что готов за них умереть, что штаб вынуждает его покинуть работу, и в заключение, приставив наган к виску, заявил, что, если отряд потребует назначить его, Шевченка, главкомом, то он здесь же немедленно застрелится. Это в конец подорвало всякое доверие к Шевченку—тем более, что в сучанском отряде он совершенно не пользовался никаким авторитетом. После, снова раскаявшись, Шевченко ушел в свой район, где все-таки продолжал гнусную травлю против Лазо, Губельмана и Ревштаба в целом. Но

дальнейший ход событий, связанных с целой серией отважных партизанских боев (операциями цемухинских отрядов руководил т. Лазо), воочию убедил партизан, что Шевченко перед т. Лазо является совсем маленьким человеком. С этих пор удельный вес Шевченка все быстрее сходил к нулю, а вся его легендарность показала обратную сторону его фигуры — бездарность. Позднее, когда после пережитого упадка партизанство вновь пошло в гору, Шевченко остался „генералом без армии", каковым и застал его момент падения власти Розанова и Колчака на Дальнем Востоке.

Нужно ли после всего сказанного говорить о том тлетворном влиянии, которое сеял Шевченко среди несознательной части партизан?

Такую же историю, лишь в несколько меньшем масштабе, повторил и командир горносучанского партизанского отряда Савицкий и кое-кто другой; но от воспроизведения этих искаженных образов революционного партизанства мы воздержимся. Влияние Шевченка и других подобного рода „героев" не проникало далеко вглубь повстанческих масс. Революционные события сами по себе и живой пример других отрядов, построенных на здоровой революционной основе, оздоровляюще действовали на дефективные части, не давая им разложиться. Разъяснения Ревштаба о неправильных действиях и поведении Шевченка несомненно помогали, если не изжить окончательно, то в значительной степени парализовать этот гангренозный процесс и силе коллектива подчинить злую волю одиночек.

Здоровое течение, давшее решительный отпор и вырвавшее почву из-под ног Шевченка, победило, и т. Лазо приступил к составлению грандиозного плана действий партизанских отрядов. Но раньше мы должны сказать несколько слов о личности самого т. Лазо.

Сергей Лазо был прежде всего человек стройного, планового действия, преданнейший делу пролетарской борьбы коммунист, скромнейший до аскетизма в своих потребностях и с материальной стороны никогда не выделявший себя выше рядового красногвардейца и партизана. Таким и только таким знает и помнит т. Лазо любой фронтовик, участвовавший в подавлении банд атамана Семенова в Забайкалье в 1918 году, когда он был командующим маньчжурским фронтом. Под его руководством было сломлено упорство офицерских полков, руководимых старыми генералами и полковниками всех родов оружия. Похожих на Лазо немного у нас. Лазо не работал от случая к случаю, не принимал решений под мимолетными впечатлениями; строгий учет и анализ всех скрещивающихся условий обстановки всегда ложились в основу его решений и мероприятий. Методы работы, которыми он пользовался, не даром заставляли завидовать ему. Прежде всего т. Сергей занялся изучением состояния всех отдельных отрядов, их составом, вооружением, дисциплиной и близко связался с каждым командиром отряда и роты путем общих совещаний и индивидуальных бесед. Он не кричал о себе, а с неосла-

бевающим упорством изучал опыт и сделанные ошибки, вовлекая в свою работу окружающих. Он ночи просиживал над разработкой плана, тактики, диспозиции и инструкции командирам включительно до взводного, строго разграничивая автономные действия каждого от действий, вытекающих из соподчинения. Всеми нами чувствовалось, что это какая-то силовая пружина, приводящая к согласованному действию весь вооруженный аппарат.

Военная обстановка в Ольгинском уезде к приходу Лазо (это было в начале июня 1919 года) была приблизительно такова. После проведенных с полным успехом для партизан весенних операций на территории уезда не оставалось ни одного колчаковца. По узкоколейной Сучанской железнодорожной ветке и далее до Владивостока на всех станциях и полустанках были расположены американские, японские и другие интервенционные части. Вести с ними войну не входило в наши оперативные планы: учитывали, что этот враг нам не по плечу, да и они всячески избегали вооруженного столкновения с партизанами. С американцами, главный гарнизон которых был размещен на Сучанских каменноугольных копях (на главном руднике № 2), Ревштаб заключил даже письменный трактат, устанавливающий „нейтральную зону“ для обеих сторон. Нейтральная зона представляла собой трехверстную полосу по обе стороны железной дороги от станции Сучан до станции Шкотово. Для нас выгоды этого трактата заключались в том, что, как мы рассчитывали (да так и было на самом деле), американские войска, не переходя этой демаркационной линии, не могли оказать непосредственной помощи русским белогвардейским отрядам, появившимся в партизанских районах, а с одними белогвардейцами мы при теперешних силах справлялись без особых затруднений. Ближайшие пункты расположения партизанских частей от железной дороги были не ближе 11 верст по Сучанской долине. По договору допускалось б е з в о о р у ж е н и я переходить за установленную линию как солдатам американской армии, так и партизанам. Выгоды этого пункта соглашения для нас выражались в свободном доступе на Сучанские рудники и в другие места, где наш хозяйственный отдел производил закупку обуви („ул“), медикаментов и прочих необходимых предметов для отрядов; кроме того, через рабочих копей и железной дороги мы узнавали всевозможные новости, получали газеты и даже завязали нелегальные связи с американскими солдатами. Фактически это условие о нейтральной полосе распространялось и на войска других государств.

Среди американских солдат были эмигранты из царской России. Нам удалось установить с американцами „смычку“ в том смысле, что мы имели возможность понемногу получать патроны, и даже шел сговор о доставке нам винтовок, револьверов, бомб и наконец пулеметов. Вероятным успех сговора казался потому, что „янки“ были большие любители самогона (суля), а пьяным им бывало „море по колено“. У партизан кое-где появились американские винтовки и револьверы системы Кольта. Под пьяную

руку американец братался с партизаном и ломаным русским языком заявлял: „Кольчак ни кароше—партиезан есть кароше“; „партизан брат есть“,—указывал американец на большой палец своей руки.

Рудничный профком рабочих-шахтеров, с которым тесно был связан Ревштаб, однажды использовал эти дружественные отношения так, что, получив два вагона подарков, которыми американцы обычно демонстрировали перед русскими свою „благодетельность“, передал их в распоряжение Ревштаба. Тут были белье, обувь, одежда, одеяла, изрядное количество кожи и других вещей. Для нас это было весьма кстати. Из-за этого впоследствии загорелся сыр-бор. Полковник Пендельтон, начальник сучанского американского гарнизона, под давлением белогвардейских штабов, был снят американским командованием „за незаконное сожительство“ с Ольгинским ревштабом и заменен полковником Бресслером. В одной из патриотических газет, трубивших тогда о явном содействии „бандитам - большевикам“, было напечатано даже объяснение „пострадавшего“ Пендельтона, который заявлял, что, „находясь в окружении партизан, ему ничего более не оставалось делать, как признать авторитет Ольгинского ревштаба, который был здесь так же силен в сельском населении, как сильна власть Колчака в городах“.

Полковник Бресслер не внес ничего нового в наши отношения с американцами, и они оставались пока прежними. Эту передышку партизаны использовали прежде всего для некоторого отдыха после длительных весенних боев, добыли за это время из Владивостока оружие, некоторое количество боевых припасов, медикаментов и т. п. А самая главная выгода была в возможности переброски партизанских частей из очищенного от белых Сучанского района в соседнюю Цемухинскую долину, где более слабые по численности и организованности отряды Шевченка вели борьбу с часто появлявшимися бандами белых. С приходом сучанского отряда белым и в Цемухе были закрыты пути, и партизаны стали искать для своих „свободных рук“ дальнейшей „работы“. С этой целью соединенными силами сучанского и цемухинского отрядов был предпринят поход к разъезду Кипарисово и деревне Раздольное, где в одну из таких прогулок в середине мая, как уже упоминалось, был арестован владелец различных заводов и известный по Дальнему Востоку винокур Пьянков, офицер колчаковской армии, а на винном заводе его был разбит и взорван в здании винного склада японский отряд.

Очистив теперь весь Ольгинский район от белых, партизанам оставалось развивать наступление дальше, итти в другие уезды или же браться за изгнание интервентов, о чем нами недвусмысленно говорилось в выпущенных ранее декларациях. Однажды мы установили, что американцы нарушили условия, пропустив колчаковский вооруженный отряд по железной дороге. Это, естественно, насторожило партизан, и во второй раз, когда к пассажирскому поезду, идущему во Владивосток, были прицеплены вагоны с колчаковцами, отряд партизан под командой т. Петрова-

Тетерина напал на этот поезд и обстрелял его. В этом бою погиб полковник Москвин, который был ранен и упал с поезда. Американцы тоже открыли огонь по нашему отряду, и недалеко от железной дороги в с. Суражевке завязался бой, окончившийся с жертвами для обеих сторон. Полковник Бресслер прислал письмо, в котором выразил сожаление о происшедшем и квалифицировал его как простое недоразумение. Однако это было начало конца нашей дипломатической деятельности. Внешним поводом к разрыву „добрососедских отношений" с американцами послужил арест ими нашего казначея т. Самусенко И. П., поехавшего на Сучанский рудник за покупками для партизанских отрядов. Американцы после ареста передали его японцам, которые в течение недели, пока он находился в их руках, по нескольку раз днем и ночью выводили его из помещения, ставили к стенке, наводили винтовки, ворочали затворами. Назавтра же после ареста Самусенко, по заданиям Ревштаба, были схвачены недалеко от лагерей два американских офицера и три солдата и доставлены в качестве заложников в Ревштаб. Началась резкая переписка. Обе стороны требовали освобождения арестованных. Японцы пытались выслать Самусенко во Владивосток в распоряжение русских властей, но мы организовали засаду, и поезд вернулся на Сучан, после чего Ревштаб предъявил в последний раз ультиматум: „Если к указанному часу т. Самусенко не будет доставлен невредимым в деревню Ново-Веселую, то американские заложники будут расстреляны". Это подействовало: обмен был произведен в назначенный Ревштабом час. Американские „пленники" в присутствии своего начальства и солдат сердечно благодарили представителей Ревштаба, сопровождавших их для обмена, за хорошее обращение и заявили, что теперь они хорошо узнали, что партизаны—это вовсе не шайка бандитов, как им рисовали. Деньги 19 000 рублей и покупки на 6 000 рублей, захваченные при аресте нашего казначея, не были нам возвращены.

Весь описанный период партизано-американских отношений создает впечатление передышки, мирных иллюзий, за которые Ревштаб и другие деятели движения ухватились весьма охотно, пытаясь подольше сохранить такое положение. Какие цели ставило перед собой американское командование, заключая договоры с партизанскими организациями, разгадывать мы не беремся. Быть может, они думали этим самым в известном смысле парализовать нас как действующую революционную силу, а может быть и правду высказал полковник Пендельтон в своем объяснении после его смещения.

Остановимся однако на том, что́ сделал в развитии дальнейшей борьбы взявший на себя руководство вооруженными отрядами т. Лазо.

Ориентировавшись в создавшейся обстановке, т. Лазо прежде всего поставил целью форсировать ход событий в том направлении, чтобы „лебединая песня" наших „дружественных отношений" с интервентами была скорее допета. Поставлена была на очередь

основная задача — начинать битвы с интервентами, так как продолжающаяся передышка тысяч поставленных под ружье рабочих и крестьян далее могла бы разлагающе действовать на них, притупляя остроту революционной устремленности к победе и новым завоеваниям. Если бы даже и постигло нас поражение, то для достижения этого противник должен был бросить не мало сил, а это не особенно гармонировало с тем положением, в котором находились силы Колчака в Сибири. Кроме этого, борьба с интервентами, как протест оружием против пребывания их на русской территории, должна была усиливать в рядах интервенционной армии мысль об уходе „восвояси", которая и без того открыто лелеялась, особенно американскими солдатами. Не надо забывать и того, что в Америке в эту пору происходило некоторое оживление в рабочем классе, настаивавшем на выводе войск из Сибири (демонстрации, требования и т. п.), а в Японии разразились тогда „рисовые беспорядки"; все это не особенно благоприятствовало интервенции, а нас толкало к нападениям на интервенционные войска. Сергей Лазо, поставив перед Ревштабом такой прогноз нашему, если можно так выразиться, „международному и внутреннему положению", повел работу по приведению в полную боевую готовность всех партизанских отрядов и по подготовке всего населения к предстоящим событиям. Надо было усилить, разжечь энтузиазм в частях и населении, вдохнуть во всех страстный дух непримиримой борьбы против всех интервентов, развернуть энергию восставших масс, чтобы доказать, что мы — сила, противопоставляющая себя не только вооруженному отребью русской буржуазии, но и всем капиталистическим армиям, закинувшим мертвую петлю на шеи рабочих и крестьян Дальнего Востока и Сибири. Тов. Лазо занялся разработкой подробнейшего плана генерального наступления партизан на интервенционные войска, спокойно жившие в „нейтральной зоне" на протяжении 50 верст от станции Сучан до ст. Кангауз. В этих операциях должны были участвовать все партизанские силы Ольгинского уезда с таким расчетом, чтобы серьезнейшим образом расколотить все гарнизоны противника. Далее, ставя целью наступления разрушение и дезорганизацию тыла Колчака, чтобы тем ускорить его падение, план Лазо намечал взрыв железнодорожных мостов и подъемников на узкоколейной дороге, по которой доставлялся каменный уголь для всего железнодорожного и морского транспорта Дальнего Востока и снабжались города. Иначе говоря, главною целью было нанести экономический удар власти правителя, парализовав при этом Сучанские каменноугольные копи путем отказа всех рабочих от работ, т. е. забастовки, в крайнем случае не останавливаясь и перед открытием всех шлюзов для затопления основных, с высокой добычей, шахт.

Широкий размах Сергея Лазо чувствовался во всем плане. Столь огромное дерзновение перед десятками тысяч блестяще вооруженного противника исходило из учета того, что силы рус-

ской белогвардейщины на всем протяжении от Урала до берегов Тихого океана были расшатаны почти до основания Красной армией и партизанскими отрядами, усилившимися во всех областях, а в рядах интервентов уже начинали петь отходную.

ГЛАВА XI.

Подготовка созыва Ольгинского уездного съезда трудящихся.—Углекопы готовятся к политической забастовке.—Объединенный митинг углекопов и крестьян.

В течение мая-июня Ольгинский ревштаб вел подготовительные работы к съезду трудящихся, который созывался по его же инициативе, одобренной населением, и на котором Ревштаб должен был отчитаться перед населением в своей работе и передать власть Исполнительному комитету; вопрос об избрании последнего был одним из важнейших на съезде. В повестку дня входили и такие вопросы, как определение отношения всего населения к интервенции, организация власти на местах, корейский и другие вопросы. Политически съезд имел своей задачей показать всему населению, что у рабочих и крестьян одни общие интересы в происходящей борьбе и что для успеха дела они должны тесней связать свою судьбу, сорганизоваться и образовать единый фронт для полного претворения в жизнь лозунгов „за советы" и „против интервенции". Созвать съезд было задачей не из легких по тому времени, когда в любой момент мог напасть противник. К тому же территория огромная, население разбросанное, плохо связанное, слабо организованное, а материальные возможности ограничены до крайних пределов. Однако, несмотря ни на что, Ревштаб взялся разрешить эту задачу. Во все уголки уезда, растянувшегося по берегу Тихого океана, по всем притаившимся в таежной глуши деревушкам пошла наша сильная духом молодежь. Агитаторы, воззвания, листовки, газеты залетали во все деревни. Сходки, собрания, митинги, речи, доклады всколыхнули крестьянскую массу. Чутко прислушивается ухо лапотника к каждому слову незнакомого, но родного, близкого человека. В голове зарождаются роем новые неизведанные доселе мысли — о революции, социализме, коммунизме, о борьбе. Там, где-то далеко за тяжелыми пластами житейской сутолоки забот и нужды, всплывают крылатые чувства, жажда битв, упорной борьбы. Как стальным резцом выгравировались в мозгах слова: „за власть рабочих и крестьян, за советы"; везде у всех одно непоколебимое решение—строить свою власть и до конца защищать ее. По словам агитаторов, не мало собраний сопровождалось небывалым подъемом, и боевой дух небывало охватывал воспрянувшее крестьянство.

Вот корейская фанза. К ней со всех сторон из-за кустов стекаются в белых долгополых халатах корейцы и корейки. Желтые однообразные скуластые лица; на головах лоснящиеся, завитые в комочек на макушке волосы. Ватагой расселись на

корточках подле стен, телег и яслей; сопят насаженными на аршинные мундштуки ганзами (медные трубки). Здесь не встретишь того настроения, как на русской сходке; нет той бодрости, будто какая-то настороженность, нерешительность охватила всех. Забитые нуждой и тягчайшим трудом, корейцы не успели еще выпрямить свои спины, стать во весь рост и почувствовать себя равноправными гражданами — строителями новой жизни. Митинг открыт. Дробью рассыпается речь воспламененного оратора, молодого корейца; долетают знакомые слова: „советы", „социализм". По окончании речей производятся выборы представителей на съезд. Делегатами избраны партизаны-корейцы, ставшие в общую когорту бойцов, грудью защищающих право на новую свободную жизнь.

Созыв съезда влил живительную струю в жизнь ольгинца дал ему новую информацию о положении в стране, о Колчаке и о прочем. Все ожило, забродило, загудело как рой пчел.

Заглянем теперь на Сучанские каменноугольные копи и посмотрим, что творилось там.

В Сучане, где пролетарское ядро насчитывало до $2^1/_2$ тысяч человек (а вместе с семьями рабочее население достигало до 7 000 человек), после падения советов в 1918 году не было, кажется, такого дня, когда агенты „истинно-русского правительства" не напоминали бы усиленнейшим образом о себе, когда они не шмыгали бы по баракам и хибаркам, разыскивая то бывших красноармейцев спасского фронта, то новых подозрительных лиц, берущих курс налево, поглядывающих в сторону партизан. Облавы, обыски, допросы, аресты и всякие иные скорпионы постоянной угрозой висели над каждой рабочей семьей, попавшей под подозрение полицейских ищеек. Много рабочего молодняка влилось сразу же с осени в первые партизанские отряды и осталось там до конца. На Сучане, под крылышком интервентских гарнизонов, тепло приютилась русская полиция с Любеком во главе; она-то и рыскала около рабочих хат и одного за одним выхватывала попавших на заметку, арестовывала и высылала для уплотнения владивостокских тюрем. Рабочие организации были придушены окончательно. Они не могли созывать общих собраний, а если иногда, весьма редко, начальство милостиво разрешало это, то обычно такие собрания наводнялись вооруженными японскими солдатами. Полицейские шпики чувствовали себя здесь как рыба в воде, и рабочие, конечно, не могли на таких собраниях и рта разинуть. Материальное положение рабочих, по мере укрепления партизанства, становилось все хуже: до этого крестьяне окрестных сел всегда возили на рудники массу продуктов для продажи рабочим; теперь же, когда аресты и обыски с мучительными допросами применялись почти к каждому приезжавшему на рудник крестьянину (который обычно рассматривался хранителями порядка как подосланный „красными бандами"), крестьяне прекратили поездки, и вследствие этого местные торговцы Шедько, Кравченко и другие, как говорится, драли шкуру с рабочего. Эти

рвачи умышленно натравливали полицейских псов на приезжавших с продуктами крестьян, чтобы самим больше получать барышей. Рабочие иногда сами ходили и ездили за покупками в села, но и это вскоре было пресечено властями. Администрация рудников (сначала Егоров, потом Пак, управляющий копей) вместе с полицейщиной ухватила рабочих за горло. Жалованье, не говоря уже о его нищенском уровне, выдавалось с большими задержками, чем рабочих еще более ставило в зависимость от торговцев.

На таком фоне материально-правовых условий проходила жизнь сучанского шахтера. Кроме сопок некуда прыгнуть, некуда уйти с рудников. Искать защиты? Где? У кого? Сведенный почти на-нет, еле-еле прозябавший профком горняков тщетно обивал пороги завов и управлений, добиваясь улучшения материального положения рабочих; это было все равно, что биться в стенку лбом. Отчаянное положение рабочих толкало их на единственный путь — „браться за винтовку и драться в открытом бою". Насколько сильно бывало порой озлобление шахтеров против интервентов, белогвардейщины и того режима, в котором задыхалось все живое, можно судить по следующему случаю. Как-то весной сучанский шахтер-партизан Александр Третьяков возвращался с рудника в отряд. На участке дороги от рудника до дер. Ново-Веселая постоянно ходили японские дозоры (патрули). Третьяков, горя ненавистью к интервентам-„макакам", решил убить японского солдата и с этой целью заблаговременно положил в карман пару хороших камней (с оружием на рудники никого не пропускали). Около дороги сидели на солнышке два японских солдата. Партизан, притворившись пьяным, завел с ними разговор, а затем попросил покурить. Улучив удобный момент во время беседы, Третьяков ударил камнем по голове одного японца и поспешил выхватить у него из рук винтовку. Другой японец набросился на партизана со штыком, но Третьяков, избегая выстрелов, схватил голыми руками за ножеобразный японский штык и, несмотря на сильные порезы рук, мгновенно добрался до горла и этого солдата и, свалив его на землю, камнем же раздробил ему череп. Добив до смерти обоих солдат, Третьяков стащил их в ручей, а сам, захватив все добытые трофеи—2 винтовки, патронташи и прочее, явился с победным видом во Фроловку, где ему была сделана перевязка ран. Этот случай долго был предметом разговоров в партизанских отрядах, именно как показатель безграничной ненависти рабочих ко всем душителям революционной борьбы.

Профкомцы часто приходили за различными советами в Ревштаб. Оказать какую-либо реальную помощь мы рабочим, конечно, не могли и лишь, подбадривая, призывали их к оружию, а затем повели подготовку к стачке. Мелкие конфликты, возникавшие в атмосфере такого режима, ничего кроме нового зажима и репрессий не давали. Частичная забастовка тоже ничего рабочим дать не могла, а для организации общей стачки нужно было преодолеть некоторые косно-настроенные группы рабочих шахт. Дело в том, что среди сучанцев-углекопов было не мало семейных

рабочих из крестьян окрестных деревень, променявших серп на кайлу и кирку. Здесь они имели свои домишки, коровенку, лошадку и проч. Вот именно у такой, хотя и не многочисленной прослойки рабочих и наблюдались консерватизм, косность и паника перед последствиями забастовки. Эти полурабочие-полукрестьяне тормозили разрешение вопроса о всеобщей стачке на копях. Но все же работа по подготовке стачки была начата. На помощь конспиративно существовавшему стачкому, в который входили от рабочих тт. Бутсавва, Петр Бондаренко и Новиков, Ревштабом были командированы на рудник тт. Слинкин И. В. и Гоголев (Титов М. В.). Этой пятерке удалось созвать небольшое собрание влиятельных рабочих и служащих и выработать, применительно к директивам Ревштаба, платформу для призыва рабочих к забастовке. Помимо экономических требований о регулярной выплате зарплаты и увеличении ее в зависимости от понижения курса денег, в основу платформы были положены требования политического порядка: очистка рудников и железных дорог до Владивостока от русских и интервенционных войск, невмешательство в русские дела со стороны войск иностранных государств, вывод интервенционных войск из Сибири и Дальнего Востока. Лозунги эти попадали, что называется, в самую точку, так как вокруг них нетрудно оказалось объединить и отсталые группы рабочих, которые пошли на забастовку, расценивая выставленные требования как удовлетворяющие их „патриотическим“ чувствам. На самом же деле эти требования и лозунги по существу были наполнены до конца революционным содержанием.

Повседневную агитационную работу среди шахтеров повели рудничные рабочие, стачком, профком; конечно, приэтом все меры предосторожности были приняты. Руководство всем делом взял на себя Ревштаб, куда стали часто приходить товарищи от рабочих организаций с информацией и на различные совещания.

В связи с предстоявшей забастовкой, серьезнейшей задачей перед Ревштабом стало размещение среди крестьян и на их харчи семейств главных деятелей из рабочих-членов стачкома, профкома и других видных работников. Оставлять их на руднике было нельзя: их могли взять в виде заложников, арестовать с тем, чтобы захватить организаторов этой в экономическом отношении убийственной для власти забастовки. Да и существовать, кормиться им было не на что. Урегулировать этот вопрос решили путем сговора с крестьянами. В том, что крестьяне таких деревень, как Казанка, Фроловка и Сергеевка, пойдут навстречу рабочим, у Ревштаба не было ни малейших сомнений. Однако он совместно со стачкомом и другими организациями решил все-таки созвать массовое объединенное собрание в Казанке, куда должны были прийти рабочие и крестьяне всех названных деревень. На этом собрании и полагали, говоря на современном языке, произвести „смычку“ их.

Конец мая. Праздничный день, деревня вся вывалила из домов на улицу. Прекрасная погода. На пригорке около

школы, окруженной березками и молодым дубняком, к полудню собралось из окрестных деревень несколько сот мужиков и баб. В сторонке школяры устроили „полевые занятия“: разбившись на две группы, они инсценировали бой партизан с „колчаками“. Усиленно трещат колчаковские „пулеметы“, которые в данном случае заменяют трещотки, применяемые охотниками при облавах на зайцев. Есть даже „пушка“, около которой суетилась артиллерийская команда. Пашка Тринцук, 10-летний школяр, дает команду: „батарейная пушка — пли!“ Ванька, вооруженный солидной колотушкой, с прискочкой ударяет по железной банке, которая уже много раз „стреляла“, отчего бока ее изрядно помяты. Андрейка пускает через несколько секунд столб пыли, и в ответ слышится дружный смех „партизан“. Дети по-своему подметили и изобразили по всем правилам военного искусства то, чему в деревне не раз бывали невольными свидетелями. „Бой“ продолжается...

Появляются верхом на лошадях члены Ревштаба, докладчики. Сотни глаз, прикрытых от солнца заземленелой рукой, впиваются в дорогу, ведущую в Казанку с рудников по поросшей лесом елани (плоскогорье). Красный флаг резво плещется над школой. „Идут!“—загудела сотнеголосая толпа со всех сторон. „Бой“ прекращается, и ребята в перегонку улепетывают по дороге под гору по направлению к броду. Колонна шахтеров рядами с бодрящей революционной песней спускается к реке Сучану. В конце улицы подстраиваются партизаны. Какая-то радостная тревога охватила всех. Разговор оборвался: забыли, о чем и говорили... Да и было отчего: ведь никогда раньше рабочие и крестьяне не собирались вместе, и вдруг этот момент настал. Чувствовалось, что из глубины мужицкого нутра могучей струей надвигаются какие-то новые чувства, сливаясь в один порыв с бурей чувств, охвативших рабочих, смыкая две восставшие на борьбу силы. Стачком с красным флагом и плакатами шел впереди отряда. Деревня потоком рванулась от школы и слилась с рабочими... Двое согбенных полувековым трудом стариков-крестьян,—казанцы Каземир и Колесников, обличьем похожие на библейских мужей,— приняли от рабочих знамена и бодро, забыв про свои семьдесят лет, повели колонну к школе. Какой-то революционный вихрь охватил рабочих и крестьян и даже ребятишек, когда к ним стройными рядами подходил во всеоружии сучанский партизанский отряд с заливающей окрестные поля, горы и лес песней своего же поэта:

Дуют холодные ветры,
Вьются над думой людской,
Носится коршун над сопкой,
Крик его полон тоской.

Здесь средь Сучанской долины,
Где скалы угрюмо глядят,
Смело выходит в равнину
Наш партизанский отряд.

Нет на них синих мундиров,
Кто в чем попало одет,
Без погон не узнать командиров.
Но грозен врагу их ответ.

Не бойтесь, рабочие, крестьяне,
Железных цепей Колчака.
Ведь в вашей стране партизаны, —
Избавят они от врага.

Когда все разместились, имея в центре накрытый красной скатертью стол, председатель Ревштаба т. Слинкин Илья в пространном докладе изложил весь пройденный партизанский путь от одиночных групп до тысячных отрядов, отметил все его тяготы и указал на стоящие перед рабочими и крестьянами задачи, призывая к тесной сплоченности для победы над общим врагом. Тов. Титов говорил о революционных вспышках в рядах рабочего класса во всем мире и призывал рабочих и крестьян не останавливаться перед жертвами в борьбе за новую свободную жизнь, где владыкой мира будет труд. Командиры и партизаны в пламенных речах заявили о своей готовности ко всяким трудностям и лишениям для освобождения рабочих и крестьян. Рабочие, сказав о том, в каких условиях им приходится добывать кусок хлеба, заявили, что они готовы по зову Ревштаба все как один стать в ряды бойцов. Простая прочувствованная речь старика, заявившего от имени всех собравшихся крестьян, что они готовы по-братски разделить свой кусок хлеба с рабочими, вызвала громадные овации: десятки рудокопов с радостными криками бросились качать старика. Все почувствовали, что какая-то невидимая сила так крепко спаяла теперь крестьян и рабочих, что для них нет непреодолимых препятствий.

Митинг кончился. Рабочие снова построились в ряды под свои, тайком принесенные с рудников, красные знамена. Печать суровой непоколебимости легла на их лица. Скоро они бросят работу, станут под ружье, а приют их семьям дадут крестьяне.

Крестьяне всё еще не расходились, смотрели вслед уходящим рабочим. А в горах далеко, далеко громом раскатывалось:

Идите и бейте за правое дело!

Впереди ждала стачка... винтовка и сопки.

ГЛАВА XII.

Забастовка сучанских углекопов. — Крестьяне размещают у себя семьи забастовщиков. — Заседания Ольгинского съезда. — Избрание исполкома.

Середина июня. Ревштаб развернул полным фронтом работу по подготовке съезда, забастовки и предстоящего наступления. Всё кипит. Все копошатся как в муравейнике.

Возвращаются со всех сторон агитаторы, исходившие десятки деревень, измерившие не одну сотню верст по горам и долам.

Они информируют Ревштаб о бодром настроении крестьян, о выбранных всюду делегатах на съезд и т. д.

Идут полевые занятия с партизанами, совещания командного состава. Проверяется все до мелочей. Тов. Лазо перекидывается из одного отряда в другой, ведет сложную подготовительную работу для реализации плана.

Созывается совместное заседание Ревштаба и рудничного стачечного комитета. Идут споры о том, затоплять или не затоплять водой шахты при объявлении забастовки. Некоторые горячие головы отстаивают предложение — затопить. Решено однако не затоплять: скоро понадобятся самим — победа не за горами. Два-три месяца — и царству Колчака конец, так как там, в Сибири, Красная армия наносит ему один удар за другим. А партизаны от сибирского фронта до берегов Тихого океана образовали самый неспокойный фронт вместо тыла. Железнодорожное сообщение постоянно то там, то сям прекращается: взорваны туннели, станции, лежат под откосом поезда, изуродованы хребты мостов, испорчены водокачки, депо. По всей Сибирской магистрали и Амурке (Амурская жел. дорога) не успевают наклеивать пластыри, чиниться. В область из городов хоть носу не показывай. Вот тот общий фон, на котором развернутся события ближайших дней и на нашем маленьком участке.

Вскоре на копях объявлена была забастовка. Осталась лишь очень незначительная часть рабочих на наружных работах: это была та небольшая кучка штрейкбрехеров, которая косила свои глаза больше на правую сторону и боялась покинуть свои гнезда. Добыча угля прекратилась. Сучанские копи превратились в бездыханный труп, и, как бы ни пытались искусственным способом заставить его дышать, с оставшейся кучкой шкурников делу не помочь. Колчаковщине нанесен жестокий удар рукой „подземных кротов"—шахтеров: большой хозяйственный организм, важнейший источник питания железнодорожного и морского транспорта Приморья, разбит параличом. Семьи рабочих на крестьянских подводах вереницей тянутся в окрестные села. Казанцы, фроловцы, сергеевцы, хмельничане встречают гостей. Сотрудники Ревштаба совместно с сельскими председателями по заранее намеченному плану размещают жен и детей рабочих на квартиры. Сами рабочие идут в отряды. Избыток бойцов, но недостаток оружия...

Гости деревни не сидят без дела. Быстро создаются мастерские: слесарная, кузнечная, шорная, сапожная и др. Деревня чинится. Организованы небольшие артели по ремонту грунтовых, проселочных дорог. Многие рабочие и их жены помогают крестьянам на поле — косить сено, жать и убирать хлеб, помогают на огородах и в других хозяйственных домашних работах.

Вопрос о выборе места для заседаний съезда занимал не мало внимания Ревштаба. Были различные соображения: с одной стороны, надо собраться в таком пункте, который был бы в центре уезда, тогда больше соберется делегатов (например дер. Владимиро-Александровка); с другой стороны, удобнее всего было бы

собраться во Фроловке, постоянном местопребывании Ревштаба, дабы иметь под руками все материалы о работе Ревштаба. Но подготовлявшееся наше наступление, по времени совпадавшее со съездом (кстати сказать, очень неудачное совпадение), заставило собрать съезд в дер. Сергеевке, в 17 верстах от Фроловки вверх по реке Сучану. Дело в том, что вести о созывающемся съезде трудящихся, конечно, не могли не дойти до ушей врага, и во Владивостоке на страницах газет высказывались откровенные советы не допускать этого преступного съезда, так как, мол, в противном случае „бандиты-большевики" еще пуще укрепятся и увлекут крестьян в свои „авантюры". Не считаться с тем, что противник мог предпринять шаги к недопущению работ съезда, мы не могли и потому избрали селение Сергеевку как наиболее отдаленное от всех пунктов, откуда мог появиться противник.

Тов. Губельман М. И.

Еще несколько дней, и в Сергеевку со всех сторон Ольгинского уезда стали стягиваться делегаты-крестьяне; некоторые прошли по 300-400 верст от своих сел,—так велик был интерес к вопросу об организации власти, и именно власти советов. Несмотря на сезон полевых работ, делегаты собирались дружно. Некоторые оставили поля свои на попечение жен и соседей, взявшихся доглядеть и помочь в хозяйстве.

Партизаны и местное население окружили гостей радушием и гостеприимством. Делегаты передохнули с дороги, и 27 июня открылся первый съезд трудящихся Ольгинского уезда. Присутствовало около 140 делегатов. В президиум съезда были избраны: председателем — т. Губельман, его товарищами—Слинкин И. В. и Яременко А., секретарями — Лобода, Гоголев (Титов), Булыга и Зазуля.

Первоначально был заслушан доклад т. Губельмана по текущему моменту, в котором была обрисована тягчайшая борьба трудящихся Дальнего Востока с белогвардейщиной и с интервенционными войсками и изображены ужасы пыток, творимых по всей территории, где царствовал кровавый разгул бывших царских опричников. Указывалось, что свергнуть это насилие можно лишь объединенными усилиями всех трудящихся под руководством советской власти. Международное положение тогда характеризовалось, с одной стороны, прозябанием пресловутой демократии

и Лиги наций, а с другой — развертывающейся пролетарской борьбой за советы в ряде европейских стран—Австрии, Венгрии, Германии.

По существу перед съездом стоял один важнейший вопрос: как быть? что делать? бороться ли дальше, или борьбу закончить? Выступавшие делегаты—крестьяне и рабочие—дали вполне ясный и решительный ответ: собрать все силы на борьбу, продолжать ее вплоть до момента соединения с Красной армией и до объединения с РСФСР, не останавливаясь и перед борьбой с интервентами. Диссонансом прозвучали две речи — одного крестьянина-делегата и т. Яременко, повторившего уже раз допущенную ошибку; оба они предлагали договориться с интервентами и не вступать с ними в вооруженную борьбу. Но обе речи вызвали вполне заслуженное негодование, их неоднократно прерывала аудитория, заглушая шумом и награждая ораторов нелестными эпитетами.

Не будем распространяться о ходе работ съезда, а передадим лишь принятую им резолюцию по текущему моменту.

1. Первый съезд трудящихся Ольгинского уезда заявляет, что с момента выступления на Дальнем Востоке чехо-словаков и так называемого Сибирского (колчаковского) правительства, все завоевания Великой российской революции, все права рабочих и крестьян отняты, что с уничтожением на местах власти советов рабочие и крестьянство поставлены в положение дореволюционное, что с воцарением Колчака по всей России проводится против рабочих и крестьян и трудовой интеллигенции белый террор. Массовые убийства, расстрелы населения, уничтожение деревень огнем и мечом заставляют все трудовое население подняться на защиту своих политических прав с оружием в руках.

2. Декларация союзников об интервенции в Сибири и невмешательстве во внутренние дела была сплошным лицемерием и ложью. Сибирская железная дорога находится в руках союзников, а рудники и прочие самые важные отрасли промышленности захватываются ими силой. Доставка оружия, снарядов, вооружения и снаряжения, а также денежная помощь кровавому адмиралу Колчаку, участие их в борьбе с Советской Россией на севере России, Кавказе, в Западном крае, Сибири и здесь, на Дальнем Востоке, не дает возможности восставшему народу сбросить немедленно адмирала Колчака с его приспешниками и установить строй, необходимый трудящемуся народу России.

3. Городские и сельские самоуправления и правые социалистические организации при существовании советской власти стали на ложный путь борьбы с народной трудовой властью, вели агитацию совместно со всеми контр-революционерами, буржуазными и офицерскими организациями, призывая вмешательство союзников и чехо-словаков; приветствовавшие выступление чехо-словаков были и останутся виновниками свержения истинно-трудовой власти советов до тех пор, пока они ясно и определенно не заявят о признании власти советов и не поведут активную борьбу со всеми контр-революционными силами, противодействующими восстановлению советов.

Всероссийское правительство (омское) считать врагом народа и беспощадно бороться с ним. Единственной властью в России признать Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Совет народных комиссаров—власть, служащую интересам трудящихся всего мира и находящуюся в Москве.

Признавая, что только борьбой со всеми силами, противодействующими восстановлению народной власти советов, мы можем достигнуть желанной цели, что вмешательство иностранных войск в русские дела, расстрелы рабочих и крестьян, производимые ими в Сибири, в Забайкалье, Амурской и Приморской областях, заставляют рабочий класс и всех трудящихся выступать с оружием в руках, — первый уездный съезд трудящихся Ольгинского уезда требует немедленного освобождения местностей, занятых иностранными войсками, и вывода этих войск из пределов России, Сибири и Дальнего Востока.

Восстановить во всем Ольгинском уезде Советы крестьянских, рабочих и партизанских депутатов, избрав на съезде Ольгинский уездный исполнительный комитет, которому и передается вся полнота власти в уезде.

О международном положении. Пятилетняя война, унесшая самые молодые и здоровые силы во всех воюющих странах, привела к разрушению хозяйственной жизни трудящихся всего мира, с одной стороны, и неимоверно обогатила классы буржуазии — с другой. Сущность империалистической войны, затушеванная красивыми словами о „борьбе с бронированным кулаком Вильгельма", о борьбе освободительной, с победой союзников открыла глаза пролетариату всего мира. Еще ярче это обнажилось с созданием „Лиги наций" в лице империалистических представителей стран-победительниц, поставивших трудовые классы стран побежденных и победительниц и нейтральных и все народы мелких государств в положение закабаленных, худшее, чем это было до возникновения войны. Обнаглевшая военная каста вместе с буржуазией отрывает куски от тела ослабленных государств, насаждая в них угодный для себя строй (в Польше, Финляндии, Латвии, Эстонии, Бессарабии, Чехо-Словакии и др.). Иллюзии начинают постепенно изживаться. Венгрия ведет борьбу за советскую власть. В Германии и Австрии советы близки к победе. Во всех странах мира с каждым днем крепнет и разрастается беспощадная борьба за свержение ига капиталистов и восстановление советов.

Съезд считает единственным верным путем охраны трудящихся всего мира освобождение всех национальностей и народов от власти империалистов, организацию Советов рабочих и крестьянских депутатов и передачу таковым полноты власти. Вышедшие первыми на борьбу российские пролетариат и крестьянство создали могучую организацию власти в лице Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, дав толчок рабочим всего мира поднять знамя Мировой социалистической революции с оружием в руках. Съезд приветствует международное восстание пролетариата, верит, что царство истинной свободы будет только тогда, когда установится Мировая республика советов. Для полного объединения деятельности советов необходим Международный съезд представителей советов, революционных организаций и трудовых элементов, стоящих на платформе советов.

Да здравствует РСФСР! Да здравствует Мировая республика советов!

Отношение съезда к интервентам тоже было ясно определено и нашло свое яркое выражение в следующей декларации, посланной по адресу: „Консульскому корпусу во Владивостоке для доведения до сведения своих правительств, народа и войск, производящих интервенцию в Сибири и на Дальнем Востоке".

Первый съезд трудящихся Ольгинского уезда Приморской области, восставших с оружием в руках на защиту своего права самим распоряжаться, управлять своими делами, на защиту своих советов, избранных всеми трудящимися, — заявляет:

Уже год прошел с тех пор, как за выступлением чехо-словаков были свергнуты избранные нами советы; после свержения советов к власти вернулись все деятели старого царского правительства, отстраненные революцией. Эти „деятели", при помощи кучки офицерства, не спросясь и не считаясь с волей большинства трудящегося населения, образовали самозванное правительство во главе с бывшим царским адмиралом Колчаком. Это правительство повсюду действовало насилием. Оно лишило население всякой политической свободы. Оно наполнило тюрьмы арестованными и расстреливает их тысячами, содержит их в нечеловеческих условиях. Оно насильно мобилизует нас, рабочих и крестьян, для борьбы с нашими братьями, т. е. с Советской Россией. Колчаковские наемники пришли к нам в наши села и произвели неслыханные насилия над мирным населением: расстреливали трудящихся, рабочих и крестьян, уничтожали огнем и мечом села и деревни. В ответ на это мы взялись за оружие, изгнали колчаковцев и восстановили избранные нами советы. Мы, крестьяне и рабочие Ольгинского уезда, заявляем вам, что ведем и будем вести беспощадную борьбу с правительством Колчака

и признаем единственное правительство России: Советское правительство в г. Москве. Мы заявляем вам, находящимся в Сибири и на Дальнем Востоке, что вы своим присутствием и своими действиями разжигаете и поддерживаете кровавую гражданскую войну в России, раздирающую нас и нашу землю на куски. Вы помогаете кучке спекулянтов, торговцев, капиталистов, промышленников, офицеров и чиновников издеваться над волей большинства, творить неслыханное насилие над рабочими и крестьянами. Мы заявляем вам, экспедиционным войскам, что мы не воюем с народами ваших стран и не хотим воевать с вами. Но до тех пор, пока вы находитесь на нашей территории вооруженными, пока вы поддерживаете врагов, мы будем вести борьбу до последней капли крови. Первый съезд крестьян и рабочих заявляет волю народа, и в сознании народной мощи и достоинства он восстановил власть советов, избрав Ольгинский уездный исполнительный комитет, которую всемерно и поддерживает.

Съезд предлагает всем иностранцам вести с этой истинной властью народа надлежащие переговоры по всем вопросам.

Председатель съезда *Губельман*. Товарищи председателя: *Яременко, Слинкин*.

Секретари: *Григорий Лобода, Гоголев-Титов, Зазуля, Булыга*.

Село Сергеевка, 1919 года 3 июля н. ст.

В конце съезда был избран уездный исполнительный комитет советов. Обязанности в нем были распределены так: председатель исполкома — И. В. Слинкин, его заместитель и заведующий отделом внутренних дел — Гоголев-Титов, военный комиссар уезда — Владивостоков, заведующий отделом народного хозяйства — М. Д. Иванов, отделом нар. образования Чередников и заведующий национальным (корейским) отделом Г. С. Хан. Кроме того, были избраны в исполком: Сибирцев Игорь и Глубоков Ив. Ив., в народный контроль — Лобода Гр., Корытько и Локтев Г. С., председателем Ревтрибунала — т. Мамаев; представителями от Ольгинского съезда в Областной ревком были выдвинуты тт. Губельман и Харитонов. Командующим всеми партизанскими отрядами Приморья съезд единогласно избрал т. Лазо.

Избранному исполнительному комитету дали широкие полномочия в деле организации обороны уезда и усиления вооруженных сил. Исполкому поручалось, если он найдет это необходимым, производить мобилизацию населения для пополнения отрядов, формировавшихся до сего времени исключительно на добровольческих началах; равным образом исполком мог, согласно наказу съезда, производить нужные реквизиции, и ему даже поручалось ввести, вместо ненавистных колчаковских, свои деньги, используя для этого Тетюхинские серебряные рудники. Кроме этих вопросов, разрешенных съездом, было еще одно важнейшее решение — относительно всех корейцев, проживавших на территории Ольгинского уезда: съезд единогласно объявил их равноправными гражданами со всеми вытекающими последствиями, т. е. одинаковым с русскими наделением землей и т. п.

Здесь нелишне отметить одно интересное обстоятельство. Эсеры жили тогда легально в Приморской губернии, собственно во Владивостоке, под крылышком своего лидера А. С. Медведева, стоявшего во главе колчаковского областного земского управления и приютившего там не мало социал-предательской братии. Эсеры решили прислать на Ольгинский съезд непрошен-

ных представителей от областной земской управы со скромными предложениями: во-первых, признать власть земства и, во-вторых, продолжать партизанскую борьбу, объединившись с эсерами, за земство как за власть трудящихся. С этими лозунгами и выступили на съезде два представителя партии с.-р. Трудно теперь передать то настроение, которое создалось в результате их выступления. Крестьяне, рабочие и партизаны подняли неимоверный шум, заглушая речи гостей свистом, выкриками, едкими репликами по их адресу. Президиум был не в состоянии водво-

Митинг во время съезда трудящихся в с. Сергеевке.

рить порядок. Делегаты требовали лишить слова эсеров, и последние были вынуждены покинуть трибуну, превратившуюся для этих колчаковских прихлебателей в Голгофу. Полученный от крестьян и рабочих отпор морально уничтожил их. Даже во время перерыва, объявленного после того, как удалось успокоить собрание, делегаты указывали эсерам на их позорную роль в деле удушения власти трудящихся. Эсеры, не солоно хлебавши, возвратились во Владивосток.

Заканчивая обзор работ съезда, не лишне отметить, что на этом съезде не было создано никаких фракций, хотя было несколько членов РКП и товарищей, позднее оформивших свою принадлежность к компартии. Было также несколько максималистов, но они ни в чем не расходились с коммунистами, и никто не выступал от имени партии с теми или иными политическими платформами и программами. В атмосфере единодушия и сплоченности прошел весь съезд, работавший в течение 6-7 дней.

Работы съезда закончились в тот момент, когда наши партизанские отряды вели сражение с американцами под дер. Казанкой, в 17 верстах. Как раз перед закрытием съезда в сергеевскую школу, где помещался наш госпиталь (а рядом за стеной заседал съезд), были привезены раненые в сражении несколько партизан и командир сучанского отряда т. Владивостоков, теперь уже член вновь образованного исполкома.

Съезд окончился. Делегаты, бодрые, сплоченные единым чувством, мыслью и волей бороться за советы до конца, расходились по домам.

Казанка была объята пламенем пожарища.

Это заморские демократы - американцы насаждали цивилизацию: жгли дома партизан и школу.

ГЛАВА XIII.

Генеральное наступление партизан. — Бои на железной дороге. — Разгром интервенционных гарнизонов. — Взрыв подъемников. — Трофеи.

В 20-х числах июня, за несколько дней до открытия съезда, всеми партизанскими отрядами Ольгинского уезда было произведено наступление на интервентов, согласно разработанному т. Лазо плану. Остановиться на этих сражениях необходимо потому, что они служат как бы исторической гранью первых двух фаз развития партизанского движения: после них начинается полоса реакции, в связи с временной дезорганизацией партизанства, благодаря предпринятому на нас общему наступлению противника, и лишь потом начинается новый подъем революционных настроений на основе новой тактики и в новой исторической обстановке.

Чтобы уяснить, насколько серьезные операции были заложены в плане командующего т. Лазо, насколько грандиозен был их размах с точки зрения партизанской борьбы (последняя обычно понимается как борьба мелкими, подвижными частями, рассчитанная на эффект путем внезапного нападения на врага, как действовали и мы в первый период восстания), — надо привести данные о действующих силах с нашей стороны и о силах противника. Ранее было указано, что к этому времени мы очистили Ольгинский уезд от белогвардейщины и теперь оставались перед лицом интервенционных войск. Дислокация сил противника, по имевшимся у нас безусловно точным сведениям, была такова: в Сучанском руднике сосредоточены были базовые гарнизоны американских и японских войск, общей численностью свыше 1000 человек, при всех родах оружия. Здесь, между прочим, была и небольшая часть русских — больше для видимости, чем для действительной охраны рудников и их учреждений. На станции Сица, недалеко от ст. Сучан (рудники), стояла японская часть в 500 штыков, а на ст. Фанза — смешанный японо - американский гарнизон в 250 ружей; на станциях Бархатная, Тахе и Сихото-Алин

разместились 3 роты китайских солдат, по одной роте на каждой станции. На этих трех станциях были установлены подъемные силовые машины, сооруженные для тяги поездов с углем через горы (отроги Великого Яблонового хребта), при перевозке его с копей до главной магистрали по узкоколейной жел. дороге. Далее, на станции Кангауз расположен был опять же смешанный гарнизон около 300 человек, ст. Романовка имела 200 американских солдат, и наконец ст. Ново-Нежино — тоже американский отряд в 250 штыков. Мы не можем дать сведений о численности пулеметов и другого вооружения кроме винтовок, но констатируем, что у всех гарнизонов недостатка в оружии не было.

Подъемники Сучанской узкоколейки—«Сихото-Алин».

Расположение и численность наших войск были таковы. Селение Новицкое (между Сучанским рудником и бухтой Чень-Ю-Вай) занял ольгинский отряд в 250 человек под командой т. Глазкова, в задачи которого входило отвлекать мелкими нападениями внимание главного гарнизона в свою сторону и следить за бухтой, где мог высадиться десант противника. Сучанский отряд разбился на три группы со следующими заданиями: первая группа численностью в 120 человек, под командой тов. Владивостокова, наступает на ст. Сицу — на японцев; вторая группа в 280 - 300 ружей, под командой т. Петрова-Тетерина, наступает на ст. Фанзу и на следующие за ней три станции с подъемниками, занятые китайцами; третья группа сучанцев в 100 человек под руководством т. Кравченко, объединенная с самостоятельным отрядом из Петровской долины в 240 человек под командой т. Сосиновича, получила задание напасть на ст. Кангауз и полустанок Моленый Мыс. Станции Романовка и Ново-Нежино вошли в самостоятельный

участок, руководить которым должны были тт. Шевченко и Овчаренко, с отрядами в 500-600 штыков общей численностью. На этом последнем участке остался и т. Лазо, так как он не особенно полагался на Шевченко, поскольку отряд последнего не отличался достаточной дисциплинированностью; тем же была грешна и часть комсостава, не исключая и самого Шевченко. Надо отметить, что эта предусмотрительность Лазо была как нельзя кстати: Шевченко перед самым выступлением в бой заявил себя больным („заболел живот"—буквальное заявление Шевченко), и командование над этими частями принял на себя т. Лазо. Действиями отрядов Глазкова и сучанского руководил т. Илью-

Сучанские каменноугольные копи, шахта № 2.

хов. Таким образом даже общею численностью силы противника (включая русскую группу, находившуюся на главном руднике, и милицейский отряд) превосходили наши силы почти вдвое. Если же принять во внимание превосходство противника в технике вооружения, то способность его к сопротивлению не поддастся никакому сравнению, ибо у нас в лучшем случае только 75% бойцов было вооружено трехлинейками, а остальные берданами. Добавлением к этому—притом не у каждого партизана — служили одна-две бомбы образца 1919 г., завода „Партизанские сопки", т. е. самоделки. А там пулеметы, Шоши, автоматы, а о припасах и говорить нечего. К тому же около мест расположения противника были устроены по последнему слову фортификации окопы и тому подобные сооружения. Единственным преимуществом наших отрядов были беззаветная преданность делу борьбы трудящихся и безграничная самоотверженность — то, чего недоставало у наших противников.

Итак все готово к бою. Ночью все партизаны по своим участкам заняли исходное положение. Противник был спокоен: он не ожидал такого шага с нашей стороны. С рассветом на всех участках наши части открыли наступление, перешедшее в сильные огневые сражения. Ожесточенное сопротивление всюду оказывали японские и американские части, но натиск наших отрядов был так силен и меток, что повсюду, за исключением участка сучанского гарнизона, противник после продолжавшегося беспрерывно в течение нескольких часов боя вынужден был отступить; наши части заняли его позиции. Однако противник, отступая, не прекращал боя, и нашим отрядам пришлось тогда делиться: одна часть вела бой, другая же, меньшая, выполняла остальные задания согласно диспозиции, причем не преминули, конечно, заглянуть (и не безрезультатно) в оставленные противником склады.

Отряды Глазкова беспрерывно с разных сторон совершали неожиданные налеты, так что главный гарнизон всполошился и сосредоточил все силы и внимание на своем участке. А ведь тут, на Сучане, были базовые склады всех военных припасов.

Группа Владивостокова, несмотря на вчетверо превосходящий гарнизон противника, заняла ст. Сицу, заставив японцев отступить на главный рудник.

Отряд Петрова-Тетерина дал хорошую потасовку китайским частям, которые по глупости милитаристов тоже затесались в число интервентов. Они первоначально оказали сопротивление, которое однако было быстро сломлено напором нашего отряда. Часть сопротивляющихся, захваченная цепью со всех сторон, была перебита, остальные разоружены. И тут наши партизаны проделали такую не совсем курьезную шутку: раздев „ходей“ донага, они красками расписали им на спинах и груди юмористические рожи, „плакаты“ и надписи и, выстроив их цепью, дали команду бежать без оглядки в лагери стоявших на соседних станциях американцев — для популяризации „доблести милитаристов—сынов Небесной империи“.

Следующей задачей т. Тетерина было взорвать подъемники на всех перевалах. Рабочие-партизаны и бывшие на станции рабочие, обслуживающие машины, быстро помогли снять особенно ценные, не изготовляемые на наших заводах части, золотники и т. п., а затем, подложив фугасы, взорвали машинные и станционные здания на всех трех станциях — Бархатной, Тахе и Сихото-Алин. Снятые части машин были вывезены и сохранены до дней победы.

С неменьшим успехом выполнили свою задачу тт. Кравченко и Сосинович; они быстро обратили в бегство войска американцев на ст. Кангауз, отбили у них очень ценные для партизан трофеи: свыше 1 000 пудов крупчатки и большое количество хорошего обмундирования; не мало американцы побросали и патронов и винтовок и прочего. Партизаны сейчас же мобилизовали крестьянские подводы, и одна часть пошла, прикрывая обоз с хорошей добычей, а другая продолжала преследовать противника по пятам,

чтобы дать возможность с полной хозяйственностью очистить склады американцев.

С наибольшим сопротивлением противника пришлось столкнуться отрядам цемухинскому и майхинскому под ст. Романовкой, где американцы были расположены в палатках, окруженных хорошо устроенными окопами с замаскированными пулеметами. Но наши части, руководимые непосредственно т. Лазо, так умело маневрировали, что пулеметный и ружейный огонь был не осо-

Станция Фанза, Сучанской узкоколейной жел. дороги.

бенно губительным для партизан. Наконец Лазо повел свои отряды прямо в атаку на американцев, которые не выдержали такого натиска и под прикрытием пулеметного огня покинули свои палатки и окопы, укрывшись в ближайшей деревне Романовке. Отряд захватил прекрасные американские непромокаемые палатки, которые потом были отчасти использованы для размещения раненых партизан, когда госпиталю пришлось укрываться в тайге. В бою под Романовкой, во время атаки по открытой местности, у нас было убито 13 партизан и ранено свыше 10 человек. Как велики потери противника, установить было трудно, так как при отступлении он уносил убитых и раненых с собой, но несомненно, что его потери были более значительны, чем наши. Кстати сказать, в других отрядах, действовавших в лучших условиях в смысле рельефа местности (станции, вокруг обросшие лесом), у нас совсем не было потерь ни убитыми ни ранеными.

Совершив свое дело, партизанские отряды вернулись на прежние участки: сучанский в дер. Казанку, цемухинский и

майхинский остались в своих долинах, отряд Глазкова занял Владимиро-Александровку и другие деревни в низовьи р. Сучана. Таким образом план, разработанный т. Лазо, был выполнен с блестящим успехом всеми отрядами. Это был в Приморьи первый за весь период борьбы опыт централизованного руководства; никогда до того одновременно не вовлекалось в бой такое крупное число партизан.

ГЛАВА XIV.

Бой с американцами под Казанкой. Американцы за свои потери мстят огнем и мечом.

Что же происходило после этого в стане противника?

Американцы и японцы со всех промежуточных пунктов стянули все свои войска на две конечные станции — Сучан и Кангауз. В течение почти двух недель они шагу не сделали против нас, как будто их и не было. Мы же продолжали мелкими отрядами тревожить противника, расположенного на руднике, обстреляли поезд, палатки и тем держали его в напряженном состоянии. Предпринять новое крупное наступление на сконцентрированные гарнизоны мы не могли. Бдительность противника возросла, и он захотел получить реванш. В день закрытия съезда, 3 июля н. с., американцы повели наступление с Сучанского рудника на дер. Казанку. Заметив противника, наш сучанский отряд быстро разбился и вышел навстречу, к р. Сучану. Здесь около дорог и речных бродов завязался горячий бой. Американцы обстреливали деревню и наши цепи из артиллерийских пулеметов; при них было и 4 горных орудия. Несмолкаемая трескотня пулеметов и ружей однако не заставила бы партизан отступить, если бы не оказалось, что выше дер. Казанки часть американцев, переправившись вброд через Сучан, зашла сзади Хун-Чала во фланг нашим цепям, так что могла занять часть деревни и тем осложнить наше отступление, преградив дорогу. Мы отступили от Казанки. Ворвавшись в деревню, американцы, разъяренные понесенными и в этом бою большими потерями (около брода они, идя колонной, были встречены усиленным огнем с нашей стороны и валились как снопы, пока не успели перестроиться в боевой порядок), произвели в Казанке страшный погром. Озлобленные неуязвимостью партизан, они накинулись на жителей, врывались в дома, пуская в ход приклады и кулаки, учиняя допрос каждому, кто попадал под руку. При допросе расстреляли слепого старика Ерченко, который не дал удовлетворительных ответов. Тут же расстреляли нескольких огородников-китайцев, ни в чем совершенно неповинных. К счастью, еще до прихода американцев почти все жители ушли в лес, оставив дома на произвол и разграбление. Разгул цивилизованных варваров этим не ограничился: они начали „наводить порядок“ огнем. Все дома, где были расквартированы партизанские учреждения — канцелярии, штаб, телефон,

станция, склад и проч., были подожжены. Между прочим подожгли новое здание школы второй ступени за то, что в нем помещались партизаны. Это была одна из лучших школ в уезде — с прекрасно оборудованным физическим кабинетом и библиотекой, с удобными для учителей квартирами. Второе здание, несколько меньшее, тоже было разгромлено из горных орудий. Все имущество учителей и учительниц—Михайловых, Коротковой и Чередниковых—было разграблено и сожжено. Учительницы, захватив своих детей, ушли в соседние деревни, не взяв даже запасных платьев для детей. Всего было сожжено 14 домов; кроме этого, у Моисея Колесникова и других крестьян были подожжены амбары с хлебом и прочим имуществом. Было перебито много коров, лошадей и других животных.

После этого американцы возвратились на Сучанский рудник, увозя с собой убитых и раненых в 18 каретах санитарного обоза. По словам крестьян, потери их были свыше 80 человек убитыми и ранеными. Партизаны же имели двоих убитых и 4-5 раненых, в том числе и т. Владивостокова.

Для характеристики того, как храбро и беззаветно дрались партизаны, можно привести такую иллюстрацию: 60-летний партизан, дедушка Папуша, получив две пулевые раны в плечо и руку, оставался в бою и отступил лишь вместе со всей частью; несмотря на смочившую всю его рубашку кровь, он, оставаясь без перевязки, не прекращал стрельбы, пока были у него патроны. Нужно ли говорить о том, какой подъем вызвал у других партизан такой неподражаемый пример храбрости!..

Тяжело было и больно до слез смотреть на дымившиеся в течение 2-3 дней пепелища сожженных домов. Огромная черная груда углей и головешек от сгоревшей школы с четырьмя почерневшими голландками и трубами, торчащими к небу, как ноги какого-то допотопного гиганта-животного, долго оставалась немым свидетелем посещения Казанки „блюстителями порядка“— американцами.

Те экономические последствия, которых мы рассчитывали достичь от забастовки рабочих каменноугольных копей и от нашего наступления на железнодорожные гарнизоны со взрывом подъемников, не только не были нами преувеличены, но скорее даже не доучтены. На копях осталось очень незначительное число рабочих, не принявших участия в забастовке; вследствие всевозможных угроз вынуждено было взяться за работу еще немного семейных рабочих, но все это давало мизерную добычу. Другие же рудники Приморья не могли обеспечить потребности транспорта, да к тому же и качество их угля было так низко, что например для морских судов он совершенно не годился. Оставалось одно: покупать и ввозить уголь из-за границы, а это уже не то, что брать у себя. Таким образом удар был рассчитан правильно. Осенью, с наступлением холодов, во Владивостоке разразился резкий топливный кризис. „Правительство“ было бессильно

справиться с этой задачей; оно с грехом пополам получило от своих благодетелей небольшие подачки антрацита и брикета для отопления морских судов. В домах с угольным отоплением в эту зиму не мало замерзло и испортилось водопроводов. Цены на уголь и прочие виды топлива поднялись до неслыханных размеров, следствием чего было хищническое истребление лесов и разрушение окрестных дачных мест: там на виду растаскивались заборы, ограды и нежилые помещения. Многие из жителей Владивостока, чтобы не замерзнуть, жгли мебель — столы, комоды, шкафы — и мелкие перегородки в домах. Все это вызывало сильнейшее озлобление против существующей власти и окончательно подтачивало и без того на гнилых ходулях стоящий трон Колчака и его сатрапа Иванова-Ринова.

Разрушения, произведенные партизанами на Сучанской дороге, были тоже чрезвычайно ощутительны и надолго непоправимы. Перевозка угля из запасов, имевшихся на поверхности перед объявлением забастовки, и тех крох, которые добывались „через час по столовой ложке“ штрейкбрехерами, была совершенно прекращена взрывом подъемных машин и других станционных сооружений. Произведенные осенью попытки организовать перевозку угля гужевым путем были нами пресечены: 1-й Дальневосточный полк совершил удачный налет на станции и забрал всех лошадей у крупных возчиков — Золотова и других. Исправить же разрушенные машины и части их на владивостокских портовых доках и заводах, за неимением соответствующих приспособлений, было невозможно. Таким образом Сучанские копи были окончательно парализованы.

Так боролись рабочие и крестьяне Сучана со своим исконным врагом, помогая шедшей издалека Красной армии, постепенно очищавшей от белых города Сибири.

ГЛАВА XV.

Контр-наступление объединенных сил противника.—Соотношение сил предопределяет поражение партотрядов.—Казнь Я. Попова.—Отступление партизан.—Наши ошибки.

После казанского боя наступило зловещее затишье. Американцы и японцы отсиживались на занятых ими позициях. Мы не наступали, ограничиваясь разведкой и вылазками с целью узнать, что происходит у противника. Корейские партизаны, переодевшись в национальные костюмы, проникали на рудники и станции, где были сосредоточены силы врага, и через рабочих и другие источники узнавали о состоянии их сил. Перепуганные потасовкой, полученной от партизан, полковники и генералы всполошили все интервентские штабы. Осиное гнездо зашевелилось. Ведь надо же было смыть позор только что пережитого погрома, да еще понесенный от кого? От „хулиганских шаек“, от „краснох“! Населе-

ние чувствовало, что будет буря, и подготовлялось к ней. На севере уезда, в Тетюхе-ольгинском районе, снова появились пароходы противника, произвели высадки и кой-где опять погладили население „каленым утюгом". В связи с этим отряд Глазкова снялся из Владимиро-Александровки и ушел на север. После его ухода, около 10 июля, в бухте Чень-Ю-Вай высадился с парохода крупный японский десант и без сопротивления занял Владимиро-Александровку, затем и все следующие за ней села — Унаши, Перятино, Новицкую — вплоть до Сучана, образовав таким образом сплошную цепь в низовьях Сучанской долины. Одновременно на станцию Кангауз прибывают эшелон за эшелоном преимущественно японо-американские войска с артиллерией и пулеметами, и с этого момента инициатива переходит в руки противника. Он повел общее наступление со всех пунктов — Ольги, Владимиро-Александровки, Сучана, Кангауза — с явным расчетом взять нас в кольцо. Как впоследствии установлено, этот поход против ольгинцев не носил локального характера, а был частью общего стратегического плана наступления, измерявшегося масштабом всех областей Дальнего Востока. Активность противника в этот период была проявлена в Хабаровском районе, в Амурской области и в Забайкалье, где имели место знаменитые летние бои. Расчет противника был таков: нанести сокрушительный удар партизанскому движению, достигшему зенита в своем развитии, а затем часть высвобожденных сил подать на сибирский фронт, где фактически решалась судьба всей контр-революции.

На нашем ольгинском фронте картина событий развертывается в следующем порядке. 9 и 10 июля со станций Кангауз и Тигровой, Сучанской ветки, двинулись крупные силы разношерстной интервенции. Отряд т. Шевченко, оказывая сопротивление, стал отступать в порядке в Сучанскую долину; рассчитывая, видимо, на возможность нового объединенного удара по противнику, отряд продвигался с походной быстротой. Громыхали пушки, шли бесконечные колонны пехоты и эскадроны кавалерии. Перевалив хребет, американцы заняли голодную деревню Гордеевку, из которой перед их приходом вышел отряд т. Шевченко, взяв направление через горы на деревню Серебряную. Войска интервентов продвинулись беспрепятственно в Бровничи. Здесь они делают остановку, и начинается расправа над крестьянами. В партизанских отрядах было много ребят из Бровничей. Село очень зажиточное. Подобно ушкуйникам, американцы и японцы вырубают плодовые сады, разоряют огороды, разбивают большие пасеки, а в доме владельца этих пасек Ворон-Ковальского забирают из ящиков все белье, одежду, серебряные ложки, бьют посуду. То же проделывается в домах всех партизан: режут свиней, гусей, кур, забирают лошадей и т. д.; словом — подобно саранче уничтожают все. Даже церковь превратили в стойло, устроили вокруг ее ограды окопы, а на колокольне установили пулеметы и наблюдательные посты; кресты, чаши и прочие предметы церковного обряда забрали, ободрали даже ценные украшения с икон и книг.

Так поступали гунны XX века с крестьянскими селениями, посмевшими поднять оружие против господина капитала. О нравственных обидах и оскорблениях, нанесенных крестьянам и особенно женщинам и девушкам, которым „интервенты“ не давали прохода со своими гнуснейшими предложениями, а порой учиняли и насилия, не приходится и говорить; для японцев в особенности это была обычная дикарская выходка. Часть интервентов, направившаяся в Серебряную, получила тут значительный щелчок по лбу от партизан отряда Шевченко, отступившего после этого в деревню Мельники. Сучанский отряд под руководством Лазо решил дать бой противнику, как только он двинется из Бровничей через Хмельницкую на Казанку и Фроловку.

Между Бровничами и Хмельницкой на протяжении 4-5 верст тянется узкое ущелье, известное в народе под названием „Щеки“, а партизанами прозванное „Дарданеллами“. По левому берегу р. Сучана нагромоздились высокие суровые россыпи с отвесными скалами. „Чортов зуб“ назывался один утес, откуда можно было бить противника даже камнями, так как дорога вплотную прижата к подошве скал рекой Сучаном, бурной, каменистой, с крупным валуном, недоступной для переправы. Правый берег реки граничит с большими горами, покрытыми густым лесом. Вот в этом-то ущельи и решено было дать бой противнику. Сучанский отряд засел в окопах, забаррикадировав себя естественными каменными блиндажами, где не взяла бы „никакая гайка“. Шевченко отказался занять здесь позицию и со своим отрядом ушел на Мельники.

Однако противник разнюхал о нашем плане и не пошел по этой дороге. Рассыпавшись сплошной цепью, войска интервентов прямо из Бровничей, ломая дикие хребты и высокие горы с едва проходимым лесом, направились, минуя „Щеки“, прямо на деревни Бархатную и Хмельницкую. Нам пришлось снять обескураженный партизанский отряд и поспешить занять Хмельницкую, дабы не оказаться отрезанными; но здесь удержаться было невозможно, и отряд проследовал на Мельники, а оттуда горами через дер. Королевку перевалили в Сучанскую долину в дер. Сергеевку. С рудников противник не выступил, и сюда продолжался приток новых сил: в бухту прибывали суда и высаживали войска, которые продвигались далее. В деревнях Унаши, Перятино и других свирепствовали башибузуки: порки, расстрелы, грабежи, насилие, пожарища... Истреблялась вся живность—куры, гуси, свиньи; японцы проявили себя особенно большими любителями до особочков-поросят.

Вся беда, вся трагедия нашего положения была в том, что мы не могли дать хотя бы один бой, и это более всего деморализовало партизан. Численность противника была очень велика. На Сучан было стянуто, по достоверным известиям, до 8 000 хорошо вооруженного войска. Ясно, что такое невыгодное для нас соотношение сил заранее предрешало и исход предпринятых противником операций. Лава противника, хлынувшая в Сучанскую

долину, во всех деревнях оставляла гарнизоны, численностью не менее двух рот даже в небольших деревушках. За спиной партизанских отрядов теперь оставались 2-3 деревеньки, а там—тайга. Перед командованием и исполкомом стоял вопрос о дальнейшей нашей тактике и о том, что́ делать теперь: дать бой или отступать без боя. Оба варианта были как палка о двух концах, бьющая и тем и другим концом только по повстанцам, по крайней мере — в большей степени по повстанцам. Рассчитывать на приостановку движения противника явно было нельзя. Бой ради боя лишь пуще мог раздражить его и тем самым подвергнуть население все бо́льшим и бо́льшим насилиям. Интервентское командование, занимая село, обычно заявляло: „за каждого убитого солдата вы поплатитесь парой", а за каждый выстрел обещало всякие козни. С другой стороны, отступать без боя — значит показать свое бессилие перед врагом, не удовлетворить тому настроению мести врагу, которое охватывало особенно рабочую часть партизан. К тому же здесь началось опять гнусное шипение, провокационная травля, направленная против Лазо и других и ползущая из известных уже нам источников. Были демагоги, которые не стеснялись говорить вслух: „Вам говорили, что Лазо предаст. Не верили. Вот вам: что посеяли, то и жните. Ясное дело — жиды". Наконец в фанзах, около дер. Королевки, было созвано совместное совещание командиров и исполкома, на котором было окончательно решено отступать без боя. 14 июля отряды были стянуты в подтаежную деревню Молчановку, откуда мы полагали, разбившись на мелкие группы, перебросить в Анучинский и другие районы, оставив в Сучанской долине лишь местных партизан и распределив их по участкам для налетов на противника, засад, порчи связи и т. д. Однако попытки организованного распределения бойцов пошли прахом. Начался анархический разброд. Самотеком поплыли партизаны в разные стороны, и лишь небольшие отряды наиболее сознательных и стойких бойцов, сохранив организацию, ушли по намеченным участкам, законспирировавшись в лесах в районе своих сел. 15 июля в Молчановке вновь было созвано совещание комсостава и исполкома, но договориться здесь не удалось. Среди комсостава начались распри и упреки, которые исключали всякую возможность дальнейших согласованных действий. Так Тетерин-Петров демагогически выступал среди деморализованных партизан и наконец, сгруппировав вокруг себя конный отряд в 2-3 десятка человек, не согласуя своих действий ни с кем, ушел через Вангоу в Иманский уезд. Сепаратизм довел его до положения маленького „батьки", причем для борьбы с белыми он добывал средства иногда путем „очистки" крестьянских кооперативов, контрибуций и конфискаций.

Для руководства действиями оставшихся на Сучане партизанских отрядов, для связи с Владивостоком и партийной организацией и для наблюдения за скрытым в тайге нашим госпиталем Ольгинский исполком выделил тройку под председательством т. Титова, в которую вошли члены исполкома Иванов и

Глубоков. Другие члены исполкома и ответственные работники, по решению исполкома, ушли в соседние районы и должны были держать связь с оставшимися на Сучане. Слинкин, Владивостоков (раненый), Игорь Сибирцев и с ними тт. Лазо, Жук и Губельман по тайге направились в Анучинский район, откуда потом ушли в долину Улахе и в Чугуевскую волость. Жутко и больно до слез было сознавать то, что́ произошло со всей нашей организацией, достигавшей уже довольно значительных размеров, насчитывавшей тысячи стоявших под ружьем... Куда девался революционный боевой дух, которым дышали все, которым веяло от всех?..

Но как раз здесь нам хочется рассказать о том, как геройски умели умирать партизаны, когда они попадались в руки палачей. Вот один из примеров такого героизма.

После того, как план боя в ущельи „Щеки" не удался, партизаны отступили в Хмельницкую. С известием об этом т. Лазо послал в Ревштаб и исполком своего юного адъютанта Яшу Попова [1]. При возвращении из штаба в Хмельницкую Яша и его спутник, шахтер-партизан Байбородов, были окружены белыми и интервентами. Случилось так потому, что высланные навстречу Попову два верховых партизана, будучи оттеснены с дороги пришедшими из Бровничей американцами, разъехались с Поповым и не могли предупредить его, что Хмельницкая уже оставлена партотрядами. Увидев себя окруженными, Яша и Байбородов, ехавшие верхом на лошадях, пытались убежать, но после первого же залпа со стороны белых Байбородов свалился, убитый вместе с лошадью. Следующий залп, и под Яшей убивают лошадь; он ранен в ногу, придавлен лошадью и не успел еще вызволить винтовку или наган, как уже был в руках разбойников. Его доставляют в школу к генералу Смирнову, уже известному нам по своим зверствам, и здесь начинаются для Яши муки ада. Раненого его подвергли сначала тягчайшей экзекуции. Из школы перевели в дом крестьянина Диомида Суховия и здесь на глазах собравшихся крестьян подвергли допросу и пыткам. Сюда же стеклись американские, японские и сербские офицеры как на какое-то зрелище, торжество. Они хотели вымучить от Яши сведения о численности, вооружении и планах партизан. Но Яша ни на один вопрос не дал желательного для них ответа и, как только палачи приступали к новым изысканным пыткам, он повторял, что ему не страшно и не больно переносить муки за дело трудящихся, за советы. На голову его сыпались удар за ударом, но, истекая кровью, он не сдавался. Ему кололи тело и под ногти шилом, вилкой. Женщины-крестьянки падали к ногам „их высокоблагородий" и „превосходительств", умоляя скорее убить или пощадить, но не мучить. Тщетно... Ген. Смирнов, указывая крестьянам на Яшу, твердил: „Ведь это же жид (Яша—крещеный еврей):

---

[1] Яша Попов—уроженец Забайкалья. С первых же дней революции он стал в ряды строителей новой жизни. После переворота скрывался в Приморьи, где потом сделался адъютантом командующего всеми партизанскими отрядами.

Тов. Попов Яков Николаевич (псевдоним Миша Мощкин), б. адъютант командующего Сергея Лазо. Замучен белыми и интервентами в дер. Хмельницкой 13 июня 1919 года.

они, жиды, вас мутят". Наконец Яше выбили один глаз, и он потерял сознание. Облили холодной водой, привели в чувство, и опять муки. В довершение всего, когда он не мог уже держаться на ногах и говорить, его дали на растерзание головорезам, которые, привязав его ногами к салазкам, уволокли по улице на берег Сучана и тут домучили—добили камнями. Тело Байбородова тоже шашками разрубили на куски.

Продемонстрированная ген. Смирновым перед крестьянами ненависть к евреям, имевшая целью вызвать озлобление против „комиссаров-жидов", возымела обратное действие. Старушка Суховий, от которой авторы этих строк с мукой в душе выслушали до конца о виденных ею пытках Яши Попова, так закончила свой неоднократно прерываемый истерическим плачем рассказ: „А щоб тому генералу лыхо було. Щоб сердце его погныло. Ну, яка ж бида, що вин жид був... Вин ни одного слова не казав про вас, про партызан. А ще жид... А як ушли воны, то мы узяли их обоих тай поховали умисти и хрест поставили. Нехай бог суде — хто лыхий чоловик був, а хто добрый. А тилько ваш Яша гарный хлопец був...".

Теперь возвратимся к дальнейшему повествованию о ходе нашей борьбы.

Чтобы понять все происшедшее, надо без страха, без малейших попыток к замазыванию ошибок, допущенных со стороны руководства, поискать социальные корни и разобраться со всей объективностью во всем описанном развале. Грабительский разгул (мамаево нашествие, как называли крестьяне) белых и интервентских полчищ, сопровождавшийся массовыми арестами, высылками, расстрелами и пытками крестьян и попадавшихся в плен партизан, имел последствием панику, охватившую все население. Крестьяне сначала хлынули с семьями в сопки, оставляя дома и хозяйства на произвол судьбы, а потом снова вернулись, придавленные, в бессильной злобе. Стал слышаться ропот: „зачем было драться, зря нас завлекли" и т. п. Такие разговорчики начинались еще тогда, когда отряды не были распылены, а отступали под натиском врага. Конечно, сохранить самообладание, революционную выдержку крестьянство при виде разбойничьих полчищ не могло: ведь на его глазах расхищали его добро, из-за одного слова возражения он рисковал стать „на голову короче". Крестьянские партизаны тоже не могли не впасть в уныние. Ведь не раз уже были разорены их очаги, и теперь панический страх естественно передавался в их ряды. И многие из них пали духом, почти совсем выпустили винтовку из рук и с поникшей головой и потухшим взором вторили в тон крестьянам: „не надо было браться за оружие", буквально повторяя фатальную фразу, сказанную когда-то Плехановым. В этом сказалась крестьянская психология, отсутствие классовой спайки. Вот это и была причина, притуплявшая сознание необходимости сохранения единства.

Остальное должно быть отнесено на счет руководителей. Во-первых, надо сказать, что, сосредоточив внимание на событиях в Сучанском районе, руководящие центры уезда потеряли связь с соседним районом Анучино, который в свою очередь допустил такую же оплошность, а следствием было то, что первые ушедшие в Анучинский район партизанские группы, наткнувшись на тождественную картину непреодолимого наступления сил противника, по возвращении оттуда стали сеять панику и смуту среди отрядов. Во-вторых, руководители переоценили обороноспособность партизанских частей, полагая, что выбить нас из сел, особенно расположенных вблизи тайги, при имеющихся естественно-географических условиях противнику не удастся; вследствие этого и было допущено отступление всей партизанской массой. Начавшееся в этих условиях разложение приостановить было трудно: масса дезорганизовалась, разваливалась безудержно на глазах, и недоучет этого — вина всего руководящего состава. Противник пошел за нами даже и в тайгу. В-третьих, непредусмотрительность руководителей выразилась в том, что не было в тайге заготовлено баз, где партизаны могли бы получить хлеб и прочие необходимые предметы снабжения. Также не оказалось никаких продовольственных запасов у хозяйственного отдела и в конечных селах нашего отступления — в Молчановке, Манакине, Алексеевке, которые по малочисленности своего населения (20-30 дворов) были не в состоянии хоть сколько-нибудь и чем-нибудь накормить партизан, а голодное брюхо к дисциплине оказалось глухо. Нужно было заблаговременно устроить в лесах „базы“. Конечно, эти причины, может быть, не исчерпывают всего, но они, на наш взгляд, могут пролить свет и помочь понять всю сложность и трудность борьбы с пока еще сильным противником, который сеял смерть и разорение всюду, куда вступала его нога и доставала кровавая рука. Он обладал веками накопленным опытом удушения трудовых масс, мы же представляли лишь маленький передовой отряд восходящего на историческую сцену класса, только что начинали учиться, не имея еще опыта в борьбе.

На этом неотрадном финале мы оканчиваем описание второго периода развития партизанской борьбы в Приморьи. Далее наступает полоса тяжелой реакции.

ЧАСТЬ III.

Полоса реакции.

ГЛАВА XVI.

Противник занимает партизанские районы.—Аресты и расстрелы.—Репрессии против семей забастовщиков. — Сопки—убежище партизан. — Самоликвидация исполкома.—Партизанский лазарет в тайге.—Роль женщин в партизанстве.

Не так давно кипевшая революционной жизнедеятельностью Сучанская долина превратилась в мертвое кладбище. Все замерло или робко притаилось. Крестьяне не знали, что́ творится даже за 3-4 версты, в соседних селах. Слухи ходили один страшней другого, хотя вряд ли они могли превосходить по своей безотрадности ту мрачную действительность, в которую погружена была жизнь сучанской деревни. Реакция, как черная ночь, залегла кругом, и лишь нагайка и пуля интервента свободно разгуливали на селе. Крестьянин не мог выйти и выехать со двора за село, не получив из штаба японцев пропуск. А получить его было дело не легкое, да и боялись переступать порог канцелярий-застенков. При выезде на всех дорогах стояли караулы, которые обыскивали всех и все; для женщин и девушек стало невозможным проходить эти мытарства. Отбирали даже хлеб и другие продукты, если казалось, что запас взят более чем на день. По домам рыскали и мародерствовали солдаты. Малейшее возражение вызывало порку и мордобой, а порой доходило дело и до стрельбы. В Сергеевке появился с карательной экспедицией бывший учитель местной школы Петр Сесько, колчаковский офицер. Он сбежал отсюда, как только начали организовываться партизаны, а теперь, подобно охраннику, выдавал крестьян; их тянули в штабы, где при допросе применялись порка и приклад. Сесько не давал покоя и другим селам. Так, он с карательным отрядом посетил несколько раз деревню Королевку, где первоначально скрывались тт. Титов и Тетерин-Петров. Здесь Сесько всевозможными угрозами пытал семидесятилетнюю старушку-крестьянку и членов ее семьи—хозяев квартиры, приютившей названных товарищей, требовал выдать их вещи и т. д. По его указанию в Сергеевке были арестованы старики Дураченков и Табачук, сыновья которых ушли партизанить. Стариков выслали в никольско-уссурийский концентрационный лагерь. Здесь же подвергнут был пыткам и избиению учитель Осипов, не имевший совершенно никакого отношения к партизанскому движению. Нужно заметить, что аресты и заключение в концентрационные лагери стали весьма распространенным способом терроризирования деревни. Кроме названных выше, были высланы из Сергеевки еще несколько бедня-

ков с конфискацией у них лошадей, коров и т. д. Концентрационные лагери были устроены в с. Раздольном, в Никольск-Уссурийске и во Владивостоке — в Гнилом углу (так называется захолустная окраина в глубине залива Золотой Рог) и на Русском острове. Не трудно и без особых иллюстраций понять, насколько „сладка" была жизнь в этих лагерях. Скученность, грязь, голодовка, побои и угрозы быть расстрелянными наполняли жизнь несчастных крестьян и рабочих. Все эти методы террора применялись не только для вымещения злобы и удушения живого духа, но еще и с той целью, чтобы семьи арестованных и заключенных уговорили своих партизан вернуться из сопок, сдать оружие и вступить в армию Колчака. Поставленные в такие условия матери, жены, сестры и дети многих партизан, встречаясь с ними тайком на полях и покосах, донимали их слезами и мольбой вернуться, чтобы избавить родных от ежедневных угроз и расправ колчаковцев и японцев. И среди партизан находились малодушные, преимущественно из детей зажиточных крестьян, кулаков и торговцев. В той же Сергеевке первыми явились с покаянием двое сыновей кулака Козлова и несколько человек других; они стали служить в правительственной армии. Такие „раскаявшиеся грешники" повели агитацию среди остающихся в сопках товарищей: или лично являлись к ним в лес, или же писали уговаривающие письма. Однако ни угрозы, ни пытки, которым подвергались члены семейств партизан, ни разграбление хозяйств, ни агитация кулацких сынков не влияли на сознательных бойцов. Они оставались мелкими группами в лесах, и нередко, когда на них делались облавы по указанию услужливых соседей-кулаков и перешедших на сторону белых, партизаны оказывали жестокое сопротивление, не страшась того, что при поимке их делали „на голову ниже" или садили по „мухе каждому меж глаз", т. е. пристреливали на месте (такие выражения изобиловали в языке русского офицерства, болевшего в этот период повальным садизмом).

В невыносимо тяжелые условия были поставлены семьи сучанских рабочих, поселившиеся в деревнях после забастовки на копях. Колчаковцы и японцы по занятии сел, конечно, тотчас же узнали об этом и всех крестьян, у кого жили семьи рабочих, взяли „на цугундер": им под страхом расстрела и конфискации имущества было запрещено держать у себя семьи забастовщиков, „изменников родине", и тем более питать их. С этого и начались мытарства несчастных жен и детей рабочих.

Терроризированные крестьяне, поставленные под надзор расквартированных в их домах белых и японцев, скрепя сердце должны были прекратить дальнейшее содержание семейств. Жены рабочих, особенно те, которые были с детьми, стали за хлеб продавать кулакам свои платья, скатерти, шали, ботинки и прочие вещички. Эти рвачи были рады случаю взять за бесценок последнюю рубашку с жены партизана-рабочего.

Так потянулись для ольгинцев дни за днями, а там и недели за неделями кровавой реакции. Оставшиеся в окрестных сопках

группы местных партизан пытались совершать налеты на белых, но это только усиливало репрессии и издевательства. Большего же—в эту пору упадка движения—сделать было невозможно. Оставалось одно: ждать, пока снова появится возможность кое-что сделать. Было ясно, что надолго войска интервентов здесь не могут задержаться, так как на главном фронте в Сибири дела у белых были „пиковые". Действительно, спустя две-три недели войска стали уходить, и лишь в немногих деревнях они были оставлены.

Выделенная нашим исполкомом тройка сначала приютилась на заброшенной в тайге „Чортовой пади" (у верховьев р. Сучана, верстах в 15-20 за Молчановкой), в зимовьи казанского охотника деда Паута. „Оппортаменты" эти были размером всего в 1 кв. сажень. Все дела б. Ревштаба и материалы съезда были свезены сюда и здесь зарыты до лучших дней в землю вместе с пишущими машинами и прочим. Но вскоре и сюда нагрянули колчаковцы и японцы по указанию некоей Александры Марковой. Эта Маркова одно время жила при команде, охранявшей во Фроловке арестованных, среди которых был ее брат, юнкер Хабаровского кадетского корпуса. Зарытые в землю машинки и документы были захвачены почти полностью. Наладить работу „тройке" не удавалось. Тов. Иванов, не видя возможностей для какой бы то ни было работы, ушел в Улахинскую долину, куда отправились и другие члены исполкома. Остальные двое—тт. Гоголев-Титов и Глубоков—выбрались из тайги через несколько дней и решили обосноваться в Молчановке, откуда легче было держать связь с партизанскими группами; кроме того, надо было наладить снабжение нашего госпиталя. Только что эти товарищи перебрались в Молчановку, как назавтра же с восходом солнца на деревню был совершен очередной налет японцев и белых. Захваченные врасплох товарищи едва успели выскочить из занятой ими школы, но неподалеку от села их настиг кавалерийский отряд японцев. Тов. Глубоков, потеряв самообладание, бросился бежать по чистому полю, но был ранен и затем добит. Тов. Гоголев-Титов, окруженный кавалеристами, спасаясь от них, бросился с берегового яра в реку Сучан и, под обстрелом в упор, благополучно переплыл речку, после чего скрылся в тайге, а затем снова вернулся в лесную „резиденцию" исполкомской тройки. Здесь он встретился с т. Ильюховым, и с тех пор они оба крепко связали свою судьбу с работой в Сучанской долине по организации заново партизанских групп.

Однако на нас лежали заботы о раненых и больных партизанах, законспирированных в таежной глуши около ручья. Нам удалось еще раз пробраться в Молчановку, смолоть там 4-5 мешков сохранившегося в лесу зерна и доставить в госпиталь. Дальнейшие заботы по лазарету были поручены отысканному нами т. Локтеву, члену избранного на съезде народного контроля и бывшему заведующему хозяйственным отделом Ревштаба. У него кстати оказались припрятанными в лесу кой-какие запасы обуви („ул") и крупчатки, мануфактуры и другие необходимейшие

предметы, которые он передал госпиталю. Гоголев же и Ильюхов с группой партизан перешли в другой район, чтобы там начать работу среди разрозненных партизан и крестьян. Нужно было отвлечь внимание противника от Молчановского района, где он мог обнаружить наш госпиталь.

На этом и кончилась только что начатая работа 1-го Ольгинского исполкома.

Нелишне сказать несколько слов о нашем госпитале, чтобы читатели могли понять, насколько трудны были условия, в которых протекала наша борьба, какие крохи средств бывали в нашем распоряжении. Последние бои, проведенные партотрядами перед разгромом, дали нам много раненых, как никогда прежде. В тот момент, когда мы уходили в тайгу из деревень, раненых партизан было человек 30, а три десятка больных в тех условиях представляли огромное число. В войне между отдельными государствами Красный крест условно пользовался неприкосновенностью со стороны воюющих армий даже во время боя; в классовой же борьбе эти международные обычаи почти не находили себе места, особенно со стороны армии класса, державшегося лишь на насилии и жестокости, тем более теперь, когда власть исчезала из его рук безвозвратно. Мы знали лишь примеры беспощадного истребления и зверского надругательства над человеческой личностью. Мы не знаем ни одного примера, когда бы уцелел, остался жив партизан, который, будучи ранен, попал в плен к „христолюбивому воинству". Вероятно, этого и не бывало. Поэтому-то и были предприняты все меры, чтобы наши раненые не могли попасть на зубы кровожадным шакалам. Их эвакуировали из Сергеевки на левый берег реки Сучана, в тайгу, верст за 15 от дер. Молчановки. Здесь в глухой узкой пади около лесного ручья были сооружены из березняка и коры, содранной с исполинских деревьев, три больших балагана; тут же установлена была брезентовая палатка, отбитая у американцев. В этих шалашах разместились все больные и раненые партизаны и медицинский персонал, состоявший из нескольких сестер милосердия, санитаров, фельдшера и врача т. Сенкевича [1], избранного съездом в члены исполкома. Среди больных были такие как т. Калачев, имевший 9 пулевых ран. Однако, благодаря тщательному уходу и величайшему вниманию и заботам, которыми раненые партизаны были окружены, удалось почти всех вылечить. Даже просверленный насквозь пулями, дырявый как решето, т. Калачев поправился. Умер лишь один, у которого от тяжелого ранения и долгого лежания во время сражения под огнем образовалась гангрена.

С большой экономией приходилось пользоваться медикаментами, и не редко взамен ваты служила при перевязке ран обыкновенная крестьянская пакля. О питании, а тем более о диэте,

[1] Это старый революционер, теперь член ВКП (б). После революции 1905 г. он эмигрировал в Америку и оттуда вернулся в Россию лишь в 1917 г. Там получил медицинское образование, которое по возвращении своем использовал на служение рабочему классу и трудовому крестьянству.

говорить разве можно! Большею частью все ели только „галушки“ (кусочки теста, сваренные в воде), а другое что-нибудь кушали, как шутливо говорили больные, только „наизусть“ да „во сне“. Если к этому прибавить все прелести таежной жизни, сырость, дожди, опасность быть обнаруженными белыми, то можно себе представить, какая это была нервная и трудная работа.

Нельзя обойти молчанием работу и заслуги перед рабочим классом и революцией не отмеченных нигде и никакими наградами

Группа б. сучанских партизан. Среди них Чередников П. М., Соскин М. и Ек. Ив. Слепцова.

красных сестер милосердия Нади Буториной и Лены Сетианц-Сети. Последняя пришла в партизанский отряд вместе с мужем и прелестной 3-летней дочкой; здесь она отдала все силы на служение пролетарской революции, а муж ее был арестован американцами на Сучанских рудниках и расстрелян. Таким же добрым словом нужно помянуть и Мотю, учительницу дер. Ново-Москвы (фамилия ее, к величайшему сожалению, нами забыта). Эти три женщины шли в бой и в тайгу на голод и тяжкий, никем и ничем не оплачиваемый труд, не имея чаще всего даже куска хлеба. На такой подвиг ринулся со всей преданностью революции и борьбе за советы не один десяток русских женщин-крестьянок и жен рабочих. Пусть же память благодарных партизан и сознание выполненного в лихую годину долга в борьбе за светлое будущее, за коммунизм, будет всем им наградой за совершенные подвиги...

Непростительным упущением было бы с нашей стороны, если бы мы хоть в кратких словах не сказали об отношении

крестьянской женщины к вооруженной борьбе. Нам лично известен случай, когда мать-старушка, провожая сына с отрядом на засаду против белых, заклинала его драться не боясь смерти: „Если ты будешь партизаном хуже других, побоишься этих извергов, я прокляну тебя. Не сын ты будешь мне". Эти слова так крепко врезались в сознание знавших про этот случай партизан, что были приняты каждым как наказ и для себя. Это была старушка Ошиток из Фроловки. А с какой неподдельной искренностью поила и кормила она десятки бойцов ежедневно! А разве можно забыть такую живую, энергичную, веселую Таню Тринцукову (Медушевскую по мужу, который погиб в 1918 г. на спасском фронте)? Это она напечет, бывало, пару ведер пирожков и калачей и на коромысле через плечо несет к нам в сопки, где мы укрывались и откуда писали агитационные прокламации к колчаковскмм солдатам, которые вручала им она же. А сколько она шила, стирала на партизан...

А вот сельская учительница Екатерина Ивановна Слепцова. С первых дней партизанства она идет вместе с мужем в отряд. Вскоре она арестована. Допросы, издевательства и затем поднадзорное пребывание во Владивостоке. Бежит оттуда снова в сопки Сучана и здесь среди партизан остается до тех пор, пока у нее не родилась дочь Пролетария (это было уже после нашего поражения).

Или Тамара Головнина, агитатор-организатор партотряда. Она была арестована на Первой Речке. Далее тюрьма, суд, 101-я статья, смертный приговор... Побег на обратном пути из суда в тюрьму и опять сопки и битвы.

Это целая вереница славных имен.

Такие бодрые и смелые женщины не теряли присутствия духа и в дни постигших нас невзгод. У них находились теплые слова бодрости и искреннее, только женщинам присущее, заботливое отношение к партизанам. А это вливало новые силы, усиливало рвение к борьбе и самоотверженность.

ГЛАВА XVII.

Кулаки открыто идут на службу к белогвардейцам.—Баптисты и попы—агенты интервентов и контр-разведок.

Прослойка кулацких элементов в приморской деревне в некоторых районах довольно значительна по своей численности. Эти элементы умели хитро вести себя: они, как говорится, имели „лисий хвост и волчью пасть"—тактика, позволявшая им окрашиваться иногда в защитный цвет. Когда движение наше принимало широкий размах и нагоняло „страх врагам", тогда кулачье готово было „разбиться в лепешку", лебезило перед влиятельными лицами, старалось оказать гостеприимство, показать себя „своими". Но когда времена изменились, когда наступила полоса реакции и

нагайка стала синонимом власти, они выпустили спрятанные когти и зубы и показали все свое хищническое нутро. Таковы были, например, в Сергеевке Петр Козлов и его сын Антон или в Казанке Никита Симонов и Гришка Ковалев, прозванный Распутиным за слабость к „прекрасному полу". Это всё крупные кулаки-торговцы. А вот „подвиг" двух кулаков. Некие Пика из Екатериновки и Лавриненко из Владимиро-Александровки, обиженные реквизицией у них лошадей, отправились во Владивосток и здесь, прикинувшись бедными крестьянами, одевшись в рубище, в лаптях, явились со своими женами в американский штаб экспедиционных войск, пали в ноги генералам и „били челом", якобы посланные от сучанских крестьян с просьбой оказать милость—послать свои войска на Сучан и разогнать бандитов-большевиков, которые-де под угрозой оружия грабят бедных крестьян, забирают сыновей в партизанские отряды и т. д. Эта проделка была разоблачена работавшими в областной земской управе нашими товарищами.

Как только Сучан заполняли враждебные войска, кулаки совершенно открыто становились агентами белогвардейских штабов, слугами „истинной власти"—на их языке. Штабы через них получали информацию о местах, где скрывались партизаны, руководители и т. д. И, конечно, все это не даром. В виде компенсации войска не трогали их хозяйств и имущества; для этого существовали бедняки, у которых забирали последнего конишка, резали последнюю коровенку. При помощи белых упомянутый Козлов отобрал ранее реквизированных у него лошадей, переданных в разоренные хозяйства партизан Колесниковых. Сыновья кулаков после партизанства (куда они вступали в большинстве случаев тоже ради сохранения в целости своего богатого хозяйства) переходили к белым, и режим для них здесь был иной, чем для других попавших к белым партизан.

Скажем еще несколько слов о роли баптистов в нашей борьбе.

За время невзгод, связанных с империалистической и гражданской войной, перевернувшей кверху дном весь уклад русской деревни, баптизм заметно быстро стал свивать себе прочное гнездо в дебрях темноты и невежества крестьянства. Здесь, на Сучане, и вообще в приморских деревнях он иногда охватывал до 20 - 30% населения. В этом одурманивающем течении заправилами были, как и всегда в религии, зажиточные слои деревни. Эти „евангельские братья" втягивали в религиозные тенета деревенскую голытьбу, тупую, забитую нуждой. „Не противься злу", „не убий" и тому подобные „великие законы божественного учителя Христа", усердно внедрявшиеся в головы крестьян, настраивали на непротивленческий лад и нейтрализовали в происходящей борьбе эту часть крестьянства, а некоторых обращали прямо в фанатиков. На партизанских организаторов они смотрели как на нечистую силу, на „антихристов", богохульников, и открещивались от всякого общения с ними. Что касается таких апостольских изречений,

как „несть бо власти аще не от бога“, то они комментировались апостолами баптизма в таком смысле, что, мол, „истинную, богом освященную власть отрешившиеся от бога люди попрали, а теперешняя борьба за советскую власть вызвана подстрекателями - большевиками, в большинстве своем евреями, и не будет она освящена богом“. Иначе говоря, все эти баптистские толкования были самого реакционно - монархического характера. Это первый корень развития баптизма в Приморьи. Если проследить внимательно за вторым корнем этого сектантского дерева, то он уведет нас в штабы американских империалистов и демократических ханжей: всякому грамотному человеку известно, что Америка уже давно и усердно пытается насадить „евангельское вероучение“ в близлежащих к ней полуколониальных странах, в особенности Китае, и на русском Дальнем Востоке; мало того, сеть агентов американского капитала раскинута, под видом организации религиозных обществ (знаменитых „союзов христианской молодежи“), даже и в странах Западной Европы. Если добираться по этим социальным корням, то неудивительно, что они приведут нас в штабы интервентской генеральской клики. Вожди баптизма не случайно прогуливались в американские и японские штабы и отнюдь не с евангельскими проповедями и беседами, а с предательскими целями. Яркий пример таких „евангельских братьев“ являли собой сергеевские баптистские коноводы Татуйко и Наддельный, по прозвищу „Десятый“. Татуйко особенно открыто ползал через пороги штабов и нашептывал там о партизанах. Правда, ему были даны хорошие уроки, после которых он, глядя на солнце „не мигая глазами“, клялся больше не делать плохого для партизан.

Ряды реакционных сил деревни были бы описаны неполно, если бы мы обошли молчанием наиболее видных и откровенных деятелей контр - революции — попов и прочее духовенство. Эта общественная группа, обреченная с момента победного торжества пролетарского Октября на постепенное отмирание, со всей присущей ей беззастенчивостью сразу же, как только появились на поверхности партизанские организации, повела открытую и беспощадную борьбу с ними. И крестьянская хата, и церковный амвон, и любой перекресток улицы одинаково служили попу трибуной, с которой он, призывая все кары на головы смутьянов-подстрекателей, вел контр - революционную агитацию.

Если здесь, на Сучане, среди попов не было таких талантов по организации погромов и травли революционных сил деревни, как поп Юлий Писарев в Забайкальи, прославившийся своими „подвигами“ в 1918 году, тем не менее, как правило, у любого попа приморской деревни всегда были широко раскрыты двери, всегда готов был стол и дом для наезжавших офицерских банд. Отсюда белогвардейцы черпали точную информацию о ходе повстанческого движения, о главарях, о сочувствующих и т. д. Нашему Ревтрибуналу пришлось судить и приговорить к расстрелу попа Романа Терновского, который, помимо открытой ре-

акционной агитации и усердных молебнов за Колчака, „за покорение под нозе его всякого врага и супостата“, иногда небезуспешно занимался и доносами белогвардейцам. Партизанами были перехвачены его письма к белым с предложением скорей приехать и накрыть в его деревне небольшой партизанский отряд. Другой поп был захвачен партизанами у себя в доме во время попойки с наехавшей бандой офицеров. Группа партизан во главе с учителем И. И. Глубоковым (он раньше учительствовал в этой деревне) окружила поповский дом и захватила всю компанию, несмотря на оказанное ею сопротивление и стрельбу из окон по партизанам, в которой принял усердное участие и сам поп. Сдавшись в плен, „батюшка“ передал победителям револьвер „наган“, в котором все патроны были расстреляны, и после этого, проклиная революцию, ушел в „лоно авраамово“. Остальная компания тоже получила должное возмездие.

Мы не будем перечислять доблестей и заслуг других представителей этой реакционной касты; скажем лишь, что, как только роль попов была разгадана, песенка их была спета. Не знаем, хорошо это или плохо с точки зрения антирелигиозной пропаганды (мы тогда еще не читали „Безбожника“ и книг Емельяна Ярославского), но с уверенностью можно сказать, что в приморских селах „батюшек“ (если они вообще теперь там появились) со стажем с 1919 г. не найти и днем с огнем.

Описанный нами махровый букет деревенских контр-революционеров и реставраторов и интервенционных и русских золотопогонных палачей навалился на грудь рабочих и крестьян в период после нашего поражения. Одни выдавали партизан с головой, другие (пришельцы) оставляли их без головы. Все живое и революционное было загнано в подполье, в тайгу. Разгулу реакции, казалось, не будет конца. Семьи партизан каждый день и час находились под угрозой всяких ужасов со стороны врагов. Этот период знаменовал собою единый фронт всех элементов контр-революции. Кулак, поп, баптист и прочие приспешники ее теперь распоясались во-всю и открыто стали на стороне вооруженного врага. Это было для нас неопровержимым подтверждением того, что крестьянство в гражданской войне не являлось единым сплоченным фронтом революции. В такие периоды экономические грани, разделяющие деревню на бедняков и богатеев, вырисовывались с полной четкостью. И если в период великого подъема революционного движения эти грани как будто стирались (и то не везде) и крестьянство выступало, казалось, единым революционным потоком, то это было лишь кажущееся единство, свидетельствующее о силе и степени размаха революционного подъема, когда всё сопротивляющееся силам революции с корнем вырывается и сметается с лица земли. Но вот подъем борьбы пошел на убыль, и все реакционные гады вылезают наружу, становятся на сторону сильных, и от бывшего кажущегося единства крестьянских масс остаются рожки да ножки. Кулак уже против партизан, он с белыми, он перешел в стан контр-революции.

ГЛАВА XVIII.

Партизанский актив в таежных дебрях. – Вылазки партизан в деревни для агитации.— Облавы на „комиссаров“.

Партизанские отряды ушли за Молчановку, и теперь беспокойно-злые взоры белогвардейцев были устремлены туда, в тайгу, где скрылись все ненавистные для белых комиссары. Деревня Молчановка не раз подвергалась внезапным облавам белых, наезжавших из Сергеевки. Наш госпиталь стал перед опасностью быть раскрытым и растерзанным. Белые рыщут по окрестным деревням и, терроризируя крестьян, наводят у них всякие справки, но пока тщетно. Добрались до Чортовой пади, куда их провела упомянутая уже Маркова Александра. Возвратились веселые: им удалось откопать в тайге спрятанный архив Ревштаба, пишущие машинки и еще кое-что. Но вот „комиссары“ как сквозь землю провалились...

Чтобы смешать карты врага, Ильюхов, Корытько и Гоголев-Титов с небольшой группой партизан перевалили через крутые таежные кряжи к бровничанским и серебрянским партизанам. В Бровничах и Серебряной белые не стояли, но результаты посещения этих деревень интервенционными войсками были весьма ощутительны. Крестьяне упрашивали нас не задерживаться в деревне, боясь, что белые опять нагрянут и опять зададут им жару.

В Бровничах мы встретили тт. Сосиновича В. П., бывшего командира отряда Петровской долины, Лесового, сотрудника Ревштаба, Орлика Гришу, фельдшера сучанского отряда, и других партизан. В деревнях жить нельзя: будут налеты. Мы в числе 15 человек удалились вглубь тайги, к истокам горной реки Даубихе, которая при слиянии с рекой Лифу образует реку Уссури, и здесь, на расстоянии двух дней пути от ближайшей деревни Серебряной, устроили из корья деревьев балаганы. Надо было всем отдохнуть от пережитой встряски и освободить деревни от нашего присутствия, так как бесконечные облавы и обыски не давали покоя крестьянам. Здесь была девственная тайга, знавшая разве только редкого гостя — охотника. Тигры, медведи и прочие звери здесь изобилуют. В речушке по колена глубины весело, не боясь человека, плещутся хариусы и форельки.

Наша коммуна строится на принципе: „не трудящийся не ест“, и каждый по его способностям выполняет труд: кто плетет лапти, кто ведает топливом, иные готовят обед, следующие ловят рыбу. Ганя Лесовой пек нам пампушки (китайские лепешки, испеченные на пару). Жили здесь в условиях, если не первобытного, то средневекового человека. Руками ловили рыбу, без сетей, крючьев и иных приспособлений, ходили на медведей, изюбрей и кабанов. Все чувствовали себя в родной стихии, и лишения переживались легко и даже с каким-то удовольствием. Отдохнули нервы. Это лучший санаторий.

Через 2-3 недели жажда работы гонит нас из тайги в деревню. Выходим. Крестьяне, взятые „на мушку", ноют, ропщут: „все ушли, не знаем, что творится, что делать"... Белые остались на железнодорожных станциях вместе с интервентами, да в Казанке стоят две роты. Добыли газеты. Есть добрые вести из Европы. Американское „Ай доблью доблью" [1] будит рабочие массы. Даже в Японии бузят рабочие под музыку опустевшего желудка (рисовые беспорядки). Успехи Красной армии. Горизонт проясняется.

Прежде всего мы решили обойти деревни, не занятые врагом. Ильюхов и Гоголев направились с группой бойцов в окрестные села. Здесь созываем митинги. Крестьяне идут, хотя с оглядкой. Дали там информацию, приободрили; население повеселело. Белые быстро узнали, что „эти два бандита" опять начинают мутить только что „успокоенное" крестьянство. Только что мы кончили митинг в Бархатной, как кавалеристы оцепили деревню. Сломя голову мчатся по деревне с криком, бранью. Шныряют по домам, подпольям, амбарам. Тщетно... Как под шапкой-невидимкой или на ковре-самолете мы скрылись и через пару часов устраиваем летучку в школе в Хмельницкой, в полутора верстах от Бархатной. Крестьяне просят беречься: „а то вас хуже, чем Попова, будут мучить". Опять у всех готовность бороться. Партизаны работают на покосе, на поле, в деревню заглядывают редко. Косит, а винтовка и патроны тут же под скошенной травой: попробуй, возьми... „Собачий ящик" (так прозвали белые Серебряную и Бровничи, где мы обретались по выходе из тайги) не дает нашим врагам покоя. Рыщут, норовят поймать нас. Но все тщетно.

В конце августа пришел к нам в Серебряную т. Лазо. Он все бродил из района в район, один по тайге. Заплечный брезентовый ранец, длинная выделанная под вид трости палка. Ноги и лицо опухли от болезни почек, но это не удерживает Сергея; он только 3 дня пробыл у Сенкевича в госпитале. Рассказывает, что больных уже немного, выздоравливают. Ранец у Сергея—это походная канцелярия и обоз главкома. Тут объемистая тетрадь-дневник с подробной записью событий. Груда карт-двухверсток Приморской области. Красным пунктиром нанесены тропы, зимовьюшки; по ним он и колесит по тайге. Бинокль, компас, часы, планы. Поройтесь еще в ранце — и вы найдете топорик, нож, неприкосновенный запас сухарей „на всякий случай", изолированные от сырости спички, свечку, бересто и прочие необходимейшие для таежного странника вещи. У предусмотрительного Лазо все есть. Пробыл с нами 2-3 дня. О многом говорили: о состоянии партизанских групп, о настроении крестьян, о безобразиях кулаков, о притеснениях. Ругнул нас за излишний риск своими головами. Требовал, чтобы мы не торчали под носом у белых, и партизанам дал наказ гнать нас вечером из деревни, не давать ночевать. Вскоре приехала учительствовать в Гордеевку жена Лазо Ольга.

---

[1] Союз индустриальных рабочих мира.

Жила впроголодь. Никто не знает, что это его жена. Встречи за деревней в лесу. Узнают белые — значит не сносить ей головы. .

Налаживаем связь с партизанами окружных деревень. Ребята держатся. К белым ушло немного: больше кулацкие сынки да случайно захваченные где-нибудь в плен крестьяне. Вскоре в Серебряную пришла делегация от партизан — казанцев и фроловцев; просят Ильюхова и Гоголева-Титова перейти к ним в группу. Перебираемся. Встречи с крестьянами в фанзах, в сопках. В Казанке белых две роты. Те мужики, кому грозит арест, живут на полях, в деревню не идут. Дóма старые да малые. На положении скитальцев Петрок-Тринцук, Косницкие, Колесниковы и другие. Собираемся, толкуем. Мужики в один голос орут: „Нападайте на колчаков. Чего нос повесили? Ну, пусть жгут дома, земля останется, сплетем землянку — березы много". Опять решительный тон и непреклонность.

ГЛАВА XIX.

Бандитизм и борьба с ним.—Устройство зимних баз в тайге.—Экспроприация кулаков и перебежчиков.—Партизаны помогают семьям забастовщиков.

Тяжелый период, наступивший вслед за нашим поражением, когда не стало всеми признанного руководящего центра и органов, охранявших революционный порядок, а на поверхности появляются то там, то сям одиночки и группы мародеров, даже из среды бывших партизан. Они свивают себе гнездо там, где не осталось ни руководителей ни партизан, усвоивших революционную дисциплину, которым имя бойца революционных рядов было дорого.

Такими глухими камышами, где появились выводки бандитизма, были селения Владимиро-Александровка и Унаши. Здесь и до партизанства были такие семейки, как братья Дубоделы Иван и Митрофан в Унашах, братья Беляевы, Валовик: они и раньше бывали мастерами легкой наживы, а теперь, когда в мутной воде можно было половить рыбку, около этих мест и лиц приютились сорные элементы, которые не прочь нажиться за счет „ближнего". Такими оказались Козлов—из сучанских рабочих, что был некоторое время фельдшером в сучанском отряде (тогда он показал себя энергичным и смелым парнем), а также пресловутый учитель из Краснополья Астахов. Эта милая компания начала собирать „контрибуцию" с зажиточных русских и корейских крестьян, попросту говоря — грабить посредством вымогательств и угроз. Под Сергеевкой некий Ермаков со своей группой тоже успел прощупать карманы корейцев и бывшего лесника Руденко, жителя Фроловки. Обидно и больно было смотреть на это новое зло. Крестьяне сами бессильны что-либо сделать, они без оружия. А „работу" негодяев нужно решительно пресечь. Подбираем толковых стойких ребят из казанцев и сучанских шахтеров. Лыбзик Федя, Воронков

Кеша, Бут, бывший член стачкома, еще пара-другая бойцов, - и айда по деревням. Кой-кого увидели. Прибрали к рукам, заявив, что, если еще будут продолжать, то дело кончится расстрелом. Немножко стихло. Вдруг прорывается новая беда. Шайки китайских хунхузов совершают очередное осеннее „турнэ“ по Приморью. Здесь в тайге корейцы и китайцы сеют по нескольку десятин маку и выделывают из него опиум — этот запретный плод, дорогой, но все же весьма распространенный в Китае и Приморьи. Даже среди русских крестьян много опиекурильщиков. Есть специальные дома-курильни, где наркоманы прокуриваются в пух и прах. Так вот с таких-то „плантаторов“, сеяльщиков мака, хунхузы и собирают периодически дань деньгами, причем отказ от уплаты сопровождается невероятным по своей жестокости вымогательством. Нам, пишущим об этом, пришлось в погоне за хунхузами быть у одного пострадавшего корейца около деревни Новицкой. Несчастного хунхузы подвешивали на проволоку за шею, били и наконец, раскалив докрасна лопату, приложили ее к спине и к месту пониже, чтоб бедняга не мог ни сесть ни лечь. Скоробленная кожа потрескалась, из ран сочилась кровь. Наполовину сошедший съ ума от мучительных ожогов, несчастный просил пристрелить его. Рыщем по тайге. Отогнали. А тут еще и ходу мало: за каждым шагом следят колчаковцы. Шпики развелись почти в каждой деревне. Сергеевцы жалуются на баптиста Татуйку и кулака Антона Козлова; есть и другие. В Казанке усердствуют во-всю мельник Курковский, Поляков, Ковалевы, Гнатюк и еще кое-кто. Созываем совещание с фроловцами. Сходили к сергеевцам. Ребята вопят: „Надо что-то делать со шпионами, домой хоть глаз не кажи,— сейчас же в штаб сообщают“. Решено расстрелять нескольких, известных деревням по своим шпионским делам,— решает общее собрание сельских групп партизан. Гоголев и Ильюхов подробно знакомятся с обвинением. Некоторых отправили „на лоно авраамово“. Астахов, который изнасиловал учительницу, а другую (Эмир-Пожарскую), защищавшуюся, застрелил, приговорен к смертной казни. Приговор приведен в исполнение. Козлов убит в перестрелке своей же шайкой при дележе добычи.

Вот калейдоскоп жизни, проходившей перед нами. Надо поспеть всюду, а руки коротки. Но все же стало как-то поспокойнее. Революционным действием горизонт очищается от этой гадкой мути. Жизнь и работа наша замкнулись в долине Сучана. Что творится кругом? Не знаем. Что и где творят другие наши товарищи? Белые газеты полны гимнов победы: все мы не раз расстреляны, убиты, повешены и т. д. При встречах с товарищами и партизанами иные глазам не верят: да как же, ведь писали...

Вот и сентябрь на исходе. Осень крадется, а за ней и зима... Опыт прежних неудач учтен нами. Надо строить зимние базы в глуши тайги, чтобы уберечься от жаждущих партизанской крови и партизанских голов. Отправляем разведывательную экспедицию. Нашли в „Белой пади“ доброе место: глухое, кругом скалы да непролазная чаща, тайга. Зверья полно. Строим первый барак

с расчетом на 20-25 человек. Пришли Лазо и Сенкевич, хотят быть с нами на всякий случай. Вдруг сообщают колчаковские солдаты с рудника — коротенькая записка: „Штаб знает, что зимовье в «Белой пади». Берегитесь". Коротко и ясно. Кто бы мог выдать? Осмотрелись, а Ванька Корявый, зять Гришки Ковалева-Распутина, у нас в группе был. Надо поймать. Позже попался и поплатился головой. Новый план и новая база еще дальше, в еще более глухом месте. Сенкевич обещал достать через Надю (сестру милосердия во Владивостоке) учебники английского языка и другие. Хотим заняться в нашем „таежном университете". Хочется жить, знать и работать над собой, хоть между другими делами. База готова. Надо подумать о „харчах". Идем в Казанку. Тамошние кулаки сбежали с колчаковцами, боясь мести партизан за свою предательскую работу, о которой знает вся деревня. Хлеб они успели сжать и сложить дома в скирды. Беремся за молотьбу. У нескомпрометированного перед партизанами и белыми кулака Мирошниченко во Фроловке берем молотилку, устанавливаем на току. Работа кипит. Тут же ссыпаем в мешки, и на телегах — в сопки. Ночью налет. Никита Симонов и Гришка Распутин привели колчаковцев и японцев. Группа партизан, ночевавшая без караула в фанзе, поймана. Тут же, на глазах матерей и отцов, за деревней варварски расстреляли 9 человек. Гоголев и Лыбзик опять попали под обстрел облавы, взятые в кольцо, но удачно прорвались и опять живы и невредимы. Опять казанцев взяли в переплет: зачем да почему дали молотить хлеб своих „граждан"! Писарь Полунов вручил командиру белого отряда общественный приговор, предусмотрительно составленный перед молотьбой хлеба для реабилитации крестьян. На приговоре была сделана надпись Гоголевым:

Мы партизаны, с одной стороны, и армия Колчака с интервентами, с другой,—враждебные друг другу армии двух борющихся классов: рабочие и крестьяне, с одной стороны, и мировой капитал—с другой. Для подавления нас, партизан, русской буржуазии помогают правительства почти всех стран. Мы пока одни, и оружие и средства у нас—наша вера в победу пролетарской революции. Хлеб бежавших кулаков-мироедов мы в праве взять для подкрепления себя, и мы берем. Вмешательству общества мы дадим вооруженный отпор. *Гоголев.*

Помимо расстрелянных белые еще арестовали 13 человек, угнали с собой и потом отослали в раздольненский концентрационный лагерь.

Не успели мы похоронить товарищей, как узнали с рудника, что в штаб к белым приходил проживавший в Казанке в доме одного бежавшего (Холуева) печник Павел. По возвращении с рудника его отправили к праотцам.

Мы забрали у кулаков все оставшееся имущество—лошадей, коров, свиней и прочее. Все это пошло на усиление средств нашего, теперь крепко сколоченного, отряда в 30 человек. Тут новая прореха. В некоторых селах семьи рабочих живут впроголодь. Терроризированные крестьяне боятся их содержать, так как кулаки исподтишка грозятся выдать. Отправляемся с отрядом

по этим селам, облагаем кулаков по раскладке, сами собираем муку, овощи, мясо и все распределяем среди жен рабочих. Такую продразверстку провели в Сергеевке, Бровничах и других селах. Конфисковали у кулаков шесть лошадей, телеги, сбрую и роздали разоренным колчаковцами партизанам.

Снова постепенно, шаг за шагом, начинаем разгонять уныние, сеять уверенность, что дело наше правое и что близок час, когда мы будем праздновать победу. Теперь мы крепко связались с сучанским колчаковским гарнизоном. Он вскоре перешел на нашу сторону. Зимовать в сопках нам не пришлось. С переходом к нам двух рот мы создали Первый Дальневосточный советский полк, который, впитав в себя сотни разрозненных до этого партизан, вместе с другими отрядами красных партизан Приморья разбил чертоги палача Иванова-Ринова.

ЧАСТЬ IV.

Новый подъем волны партизанского движения.

ГЛАВА XX.

Рост антагонизма между казачьими атаманами и Колчаком под влиянием успешного наступления Красной армии. — Движение на Сучане вновь оживает. — Сепаратизм партизанских командиров в Никольско-уссурийском уезде. — Третий съезд партизанских командиров. — Организация Информационного бюро. — Новая тактика.

Третий период партизанского движения характеризуется волной нового подъема, изменившейся тактикой и новым строением партизанских отрядов после упадка и разброда, продолжавшихся около 3 месяцев (июль—сентябрь). Выше мы достаточно полно осветили этот период, но ничего не сказали о военно-политической обстановке этого времени, которая подготовила полосу нового подъема.

Прежде всего—об армии Колчака. Первая половина 1919 года, как и вторая половина 1918 года (со дня свержения советов)—были для контр-революции в общем благополучным временем, между прочим и потому, что ее армия состояла из более или менее однородной социальной среды, а именно—офицерщины, „золотой буржуазной молодежи", реакционного казачества и деклассированных элементов. Часть крестьянства, главным образом кулацкие парни, по существу дополняла состав защитников „единой, неделимой России" и не вносила в него никакого диссонанса. Адмирал Колчак поэтому мог стойко распоряжаться своими полками и чертить на военных картах пути наступления на Москву и Петроград, зная, что армия способна выполнить приказ своего правителя, авторитет которого возрастал в рядах реакционных полчищ с каждой новой победой. Наиболее видные генералы, вожди белого движения, признали адмирала как „всероссийского правителя" и выразили готовность подчинить себя его руководству. Боевое настроение белого стана поддерживалось еще тем очень важным фактом, что бок-о-бок с русскими офицерами дрались против Красной армии войска чехо-словаков, а в тылу были войска японцев, американцев и других интервентов. „Единение" между ними было закреплено тем, что главное командование всем „сибирским фронтом" принадлежало небезызвестному своей ненавистью к рабочим и крестьянам чешскому генералу Гайде. Идейная спайка между представителями „единой, неделимой", чехо-словацкими войсками и интервентами, которые под дружные аплодисменты всего буржуазного и мещанского мира завоевали себе „победные лавры" в июне 1918 г., распространялась и на тыл. Здесь все еще продолжались торжественные рауты, банкеты,

устраиваемые представителями „русской общественности“; произносились патетические речи, до хрипоты кричали „ура“ благородным сердобольным „союзникам“. Солдатский штык и офицерская шпага, „рыцарское великодушие“ русского офицера и „благородство“ японского самурая, „нежность“ русской „патриотки“ и оскорбленная большевизмом „совесть“ западноевропейской демократии — все слилось в один поток негодования против „вероломных, дерзких рабов“, дерзнувших с оружием в руках выступить против „вековечных общественных устоев“.

Дружба и единение господствовали весь тот период, когда Красная армия отступала вглубь советской страны. Но вот с середины лета подул встречный ветер. Красная армия, закончив „на ходу“ процесс своей организации, превратившись из гвардии в армию, собрав свои силы, переходит в наступление, и в белом стане начинается разлад. Чехо-словаки, не теряя времени на пустые разговоры, решают спешно эвакуироваться, заявив своим русским друзьям, что дальше они не могут оставаться так далеко от своей милой родины, что за все время империалистической, а затем гражданской войны они вконец истосковались по своему великому чехо-словацкому народу и поэтому вынуждены оставить Россию. Генерал Гайда спешит заявить адмиралу Колчаку, что тот ведет „неправильную политику“, которая неизбежно приведет к гибели все антибольшевистское движение; затем Гайда уходит в отставку и во избежание всяких неприятностей направляется во Владивосток, оставив свою армию. Командующий экспедиционными американскими войсками генерал Гревс в свою очередь, найдя злополучный для Колчака „благоприятный момент“ (правда, этот „момент“ являлся не столь уж „благоприятным“ с точки зрения прежних деклараций союзного командования и правительств), официально объявляет, что американское правительство решило начать постепенную эвакуацию своих экспедиционных войск с русской территории, причем окончание ее будет находиться в зависимости от технических и стратегических возможностей (читай—от успехов Красной армии и опасности, связанной с этим). Несколько раньше этого оставляют нашу окраину войска Франции, Китая, Италии, Канады и Англии.

Силы русской контр-революции ослаблены. Колчак, чтобы компенсировать убыль в живых силах после такого не совсем дружеского поступка своих „союзников“, пытался использовать все внутренние ресурсы. Его мероприятия шли по двум линиям: 1) большее использование крестьянства, западно-сибирского кулачества и 2) установление единства с казачьими атаманами Калмыковым и Семеновым. Началась усиленная вербовка крестьянской молодежи и переговоры с атаманами.

Два слова об этих последних. Не в пример другим своим коллегам, Семенов и Калмыков с первых и до последних дней вели сепаратную политику. Завоевав себе казачьи вотчины—

Семенов в Забайкальской области, а Калмыков в Приморской, эти оба выскочки не хотели связывать себя с Колчаком и отказывались посылать свои войска на уральский фронт, мотивируя отказ тем, что Дальний Восток в таком случае будет отдан „на разграбление партизанам". Атаманы открыто противопоставляли себя авторитету „всероссийского правителя". Трудно было бы найти в политической платформе этих двух соперничающих сторон контр-революционной клики принципиальные разногласия. Внешне они не отличались между собой ничем, если не считать, что атаманы выделялись большей жестокостью, более неудержимой ненавистью к „красным". При более внимательном взгляде этот „антагонизм" становится совершенно понятен: он находит свое объяснение во взаимоотношениях „союзников". Эти „доброжелатели русского народа" явились в нашу страну отнюдь не для того, чтобы бороться за „попранные права демократии и цивилизации", а с совершенно иными, теперь понятными уже для всякого целями. Они решили, по примеру старых традиций колониальной политики, обеспечить себя реальной силой из местных реакционных слоев и разделить „сферы влияния". В этом смысле адмирал Колчак с его армией должен был играть роль контр-революционного тарана, важного и необходимого для всех империалистов. Но прежде всего он являлся орудием политики в руках Англии и Франции. Япония, ближе других заинтересованная в дальневосточной окраине, стремилась создать свое собственное орудие в лице названных атаманов, при помощи которых она предполагала добиваться „признания своих интересов", т. е. права на свободный грабеж достояния рабочих и крестьян нашей окраины. Наличие оппозиционной силы в лице Семенова и Калмыкова на худой конец могло бы послужить в руках Японии базой для организации независимого дальневосточного государства под протекторатом этой молодой империалистической державы. В силу такого соперничества держав белый лагерь из единого целого (о чем афишировали газеты и дипломатические ноты колчаковского правительства) раскалывался в основном на два враждующих лагеря: с одной стороны—атаманы, с другой—адмирал Колчак, причем эти два лагеря в свою очередь, по тем или другим причинам, дробились на самостоятельные военные группировки (Калмыков враждовал с Семеновым и т. д.). Противоречия между империалистами были перенесены таким образом и на контр-революционную армию „русских защитников порядка", и соответственно росту этих противоречий белая армия раскалывалась, дробилась и оказывалась неспособной к дальнейшему сопротивлению. Впоследствии, когда партизаны выбили белогвардейцев из городов, в штабе атамана Калмыкова был захвачен ряд ценнейших документов, характеризующих процесс разложения наших врагов. Показателен в этом отношении такой факт. Под давлением победоносного наступления Красной армии, в начале августа адмирал Колчак обратился к двум названным атаманам с особым посланием, составленным в горячих, патетических тонах

и подписанным „правителем“ и председателем совета министров Петром Вологодским; послание призывало атаманов забыть старую вражду и „перед лицом грядущей опасности“ объединиться для совместной борьбы с большевиками. На полях этого, с точки зрения наших врагов действительно важного документа атаманом Калмыковым, этим наиболее омерзительным, тупым и жестоким „вождем“ уссурийского казачества, была наложена резолюция в хулиганских выражениях, выражавшая решительный отказ в просьбе всероссийского правителя. Полный текст этой резолюции мы по цензурно-этическим соображениям привести не можем (атаман посылал в ней к традиционной русской матушке адмирала Колчака, а с ним и „Петьку Вологодского“).

Так обстоял вопрос с „единством“ в лагере белых вождей в тот период, к которому относится третья фаза партизанского движения.

Второй, более значительный фактор, предопределивший ход дальнейших событий, а вместе с тем и характер партизанской борьбы, заключался в изменении социального состава армии контрреволюции. Мы отмечали уже, что в начале 1919 г., а в особенности в конце 1918 г., эта армия состояла из более или менее социально однородных элементов, способных не за страх, а за совесть бороться с рабочими и крестьянами. К описываемому периоду эта гвардия реакции была израсходована: многие пали на полях сражения, выбыли из строя, рассеялись, а, главное, расширившееся поле действий заставило Колчака увеличить количественно свою армию. Старая гвардия его затерялась в разбухшем аппарате управления штабов, тыловых учреждений и т. д. Теперь главным контингентом боевой силы белых являлись уже мобилизованное крестьянство и так называемая интеллигенция. Понятно, что в связи с этим должно было измениться и отношение партизан к колчаковцам. Если до этого, — скажем, в январе-феврале месяцах, — перед нами стояла задача беспощадного физического истребления врагов и деморализации тыла, разрушения коммуникации, материальных складов и т. п., то в данное время нужно было, усилив военные операции, партизанские набеги на тыл противника, со всей энергией поставить вопрос о завоевании к р е с т ь я н с к и х м а с с, одевших белогвардейскую шинель по своей малосознательности или по другим причинам. Мероприятия первого значения должны были отвлекать возможно больше сил белых банд от фронта, давать больше поводов атаманам Калмыкову и Семенову оставаться в своих казачьих вотчинах и тем самым приводить их в столкновения с Колчаком (добивавшимся все время безоговорочной посылки казачьих частей на помощь ему против Красной армии), т. е. еще сильнее забивать клинья между белыми вождями; мероприятия же второго значения должны были лишить правительство опоры в низах белой армии. Читатель видит, что такая тактика в значительной мере не похожа на прошлую тактику партизанских отрядов: она изменилась в той мере, в какой изменилась и военно-политическая обстановка.

Ясное дело, что немалую роль во всем происходившем сыграл и тот факт, что под напором рабочих масс, повысивших в странах „союзных держав“ голос в защиту Октябрьской революции, несколько ослабел и пыл самих интервентов.

Однако в Приморских сопках продолжали оставаться лишь небольшие группы партизан из наиболее преданных революционных элементов, в то время как бóльшая их часть все еще не могла оправиться от „похмелья“, разброда, упадка сил, наступивших после нашего тяжелого июньского поражения. В Сучанской долине из прежнего состава руководителей оставались только двое — мы, авторы этих строк. Остальные товарищи,—Губельман (дядя Володя), Иванов, Слинкин, Владивостоков, Жук и другие,— как было сказано выше, ушли в далекую Улахинскую долину, где поднимали к восстанию новые, доселе мало затронутые движением пласты крестьянства. Тов. Сергей Лазо был вызван партийным комитетом во Владивосток для усиления городской работы. В общем наши партизанские силы к этому времени оказались основательно подорванными. В Никольско-уссурийском уезде оперировали небольшие отряды под командой тт. Тетерина-Петрова, Глазкова-Андреева и Корфа, в Иманском уезде — отряды тт. Певзнера (единственно здоровый дееспособный отряд), Мелехина, Морозова-Думкина и подрывная команда Лунева (Рекворт). Всего в перечисленных отрядах было около 500-600 человек. Моральное состояние этих отрядов было далеко не благополучно. Командиры вели между собою сильнейшую вражду, не раз грозившую вооруженным столкновением. Господствовали „батьковщина“, атаманство, произвол, грабежи. Некоторые товарищи доходили в своих самодурствах до того, что стали применять среди крестьян-староверов,—этого, правда, наиболее реакционного элемента приморской деревни, – порки, беспричинные расстрелы, что в свою очередь восстанавливало население этих районов против партизан. К чести сучанских партизан нужно сказать, что они и в этот период оказались морально более стойкими и в основной своей массе не пошли по такому пути. Попытку объединить все партотряды под одним руководством сделал т. Губельман, старый большевик, наиболее авторитетный в нашей среде, но безрезультатно. В начале августа он созвал в селе Чугуевке губернский съезд командиров партотрядов, на котором добивался организации единого руководящего центра и прекращения произвола командиров. Большинство явившихся на съезд резко высказалось против такого предложения, мотивируя тем, что партизанские отряды в своих действиях не должны кому бы то ни было подчиняться, что они должны быть абсолютно свободны от всяких авторитетов и полагаться только на свою боевую инициативу. Как на пример, подтверждающий по их мнению ненужность и даже вредность такого „центра“, указывали на опыт Ревштаба, результатом чего был-де разгром партизанского движения. Словом, худшие стороны партизанства („партизанщины“) здесь были проявлены в наиболее сгущенном виде. Прения на этом съезде

и „боевая деятельность“ многих его участников с полной очевидностью показали, насколько жизненно необходимо было руководство партии этим чреватым многими опасностями революционным движением, которое, заключая в себе элементы мелкобуржуазной „батьковщины“, грозило, при ослаблении партийного внимания, дать простор развитию отрицательных сторон партизанства, выродиться в „махновщину“. Твердая позиция т. Губельмана, которого поддерживали наиболее выдержанные товарищи, заставила съезд пойти на компромисс, в результате которого губернский центр все же был создан, но только не с императивными, а с информационными функциями. Такое решение вопроса не могло удовлетворить никого из тех, кто шел за Губельманом, так как оно носило чисто формальный характер. Атаманствующие командиры разъехались по местам, затаив мысль о том, что они будут игнорировать только что созданное „Информационное бюро партотрядов Приморья“ (так был назван этот центр). Попытки т. Губельмана опереться на Информационное бюро как на начальный этап, с тем, чтобы постепенно превратить его в действительного руководителя движения, не увенчались успехом: к этому времени с новой силой стало разгораться революционное пламя на Сучане, и главная тяжесть событий вновь перешла сюда.

Красный Сучан, на который обрушилась вся тяжесть белогвардейского нажима в июле месяце 1919 г., лишь на время замолк, чтобы потом, оправившись, развернуть свои могучие революционные силы, вновь приковать к себе внимание всех трудящихся Приморья. Основной стержень событий переносится сюда, и батьковщина теряет свою остроту, так как руководство партдвижением переходит к партийному комитету во Владивостоке. Партизаны Сучана с первых дней восстания были воспитаны в духе политической выдержанности и признания руководящей роли за коммунистической партией; поэтому здесь сепаратизм отдельных командиров сравнительно безболезненно был ликвидирован и обезврежен. Такой „идеолог“ этой худшей части партизан, как т. Шевченко, был совершенно оттерт от партизанских масс. Развертывающаяся спираль политических событий на Сучане целиком опиралась на новую тактику, которая вытекала из учета изменившейся обстановки,—в этом была их сила и неуязвимость.

Противник попрежнему занимал Сучанские шахты; здесь были расположены силы японцев, колчаковцев и готовившихся уже к эвакуации американцев, насчитывавшие в общей сложности около 300 штыков с батареей артиллерии и пулеметами; были заняты также селения Владимировка, Казанка, Сица, Тигровая и другие наиболее важные населенные пункты. Расчеты противника видимо сводились к тому, чтобы таким расположением своих сил окончательно лишить нас продовольственной базы, оставив нам лишь те пункты, которые не имели существенного военного и политического значения. Время от времени смешанные

отряды японцев и колчаковцев делали на нас набеги, вылавливали случайно оказавшихся в деревнях партизан и производили экзекуции над теми крестьянами, которые продолжали оказывать нам поддержку. Начальник сучанского гарнизона белогвардейских войск полковник Максимов даже пригрозил всему населению, что отдаст приказ вспахать засеянные поля, если крестьяне окончательно не откажутся поддерживать партизан. При таких условиях нам, небольшой горсточке, нужно было пока что начинать применение своей новой тактики, рассчитанной на завоевание солдатских масс, на подрыв врага изнутри, начинать с небольшого гарнизона, расположенного в Казанке, чтобы потом проникнуть в центр, на Сучанские рудники. Трудности на этом пути казались значительными: прежде всего мы долго не могли найти путей, которые дали бы нам возможность связаться хотя бы с одним или двумя солдатами. Правда, тот факт, что среди рядового состава колчаковских частей преобладали бывшие партизаны, попавшие в руки правительства, делал наши планы вполне осуществимыми; но вместе с тем система сыска, которую применяли белые командиры, доводила солдат до величайшей робости и нежелания связываться с предприятием, в успех которого они не могли сразу поверить.

ГЛАВА XXI.

Первое применение новой тактики. — Провал заговора в Казанке. — Опять расправа, сигнал к новому подъему партизанства. Набег на казанский белогвардейский гарнизон.

Итак мы остановили свое внимание прежде всего на Казанке. В это время с нами было всего лишь десятка три наиболее твердых и преданных партизан. После долгих обсуждений относительно того, как удобнее повести агитацию в казанском гарнизоне, решено было расположиться в корейских фанзах в полутора верстах от белого гарнизона и оттуда повести работу. Раздобыли пишущую машину и начали распространять прокламации; кстати нашелся один из товарищей, который когда-то служил в волостном правлении и научился там работать на машинке. „Издание“ литературы шло однако очень медленно: наш машинист оказался таким мастером своего дела, с такой безжалостной жестокостью бил он по клавишам ветхой машинки, что каждый экземпляр воззвания отнимал по меньшей мере полдня упорного и изнурительного для него и нас труда, а машинка теряла значительную часть своего и без того недолгого уже века. Зато каждый готовый экземпляр воззвания встречал с нашей стороны особую заботу и любовь: мы стремились, чтобы он не пропал даром и обязательно был доставлен в руки солдат. Переотправку летучек наладили через крестьянку Дунаеву и ее дочь Гулькову. Почва для агитации оказалась очень благоприятной: гарнизон в своем

большинстве состоял из мобилизованных крестьян, среди которых было не мало партизан из Забайкальской губернии и Сибири, где белогвардейцы и японцы вели такую же, как и у нас, борьбу с партотрядами. Желание услышать правдивое слово о революции, о положении на уральском фронте эти колчаковские солдаты проявляли тем, что с жадностью расхватывали наши воззвания и, тщательно скрываясь от офицеров, перечитывали их группами и в одиночку. В этих воззваниях мы указывали на победоносное наступление Красной армии на уральском фронте, на то, что интервенты под давлением этого наступления должны скоро начать эвакуироваться с Дальнего Востока, что недалек тот момент, когда мы столкнемся один на один с русской контр-революцией, которая, лишившись поддержки союзников, будет быстро сломлена, и что поэтому никаких шансов на победу у Колчака теперь уже нет. Всем открытым врагам советской власти и идущим за ними солдатам объявлялось, что с ними революционная власть вынуждена будет поступить по всей строгости своих законов, а те, которые согласятся перейти на нашу сторону, будут нами приняты как братья. В результате нашей агитации в казанском гарнизоне образовалась небольшая организация, которая решила последовать нашему совету. Во главе этой организации стояли солдаты: Макшимас, Щелкунов, Непомнящий, Олеев, Свинцов и другие. Эта „заговорщическая" группа имела впрочем свою историю: сначала она состояла всего, кажется, из двух товарищей, и уже потом в нее вошли остальные. Руководители этого предприятия были неопытными молодыми парнями, правда хорошо осведомленными о настроении гарнизона, но не имевшими понятия о том, как приступить к организации такого сложного дела, как восстание. Они отражали собой все положительные и отрицательные стороны солдатской массы. 2-го сентября, пользуясь помощью Дунаевой и Гульковой, двое из них тт. Макшимас и Непомнящий, заранее условившись с нами, прибыли на переговоры. Свидание состоялось около корейских фанз, в двух верстах от места расположения гарнизона. Солдаты прежде всего интересовались количеством наших сил, вооружением, продовольственным вопросом: они беспокоились о том, что, если партизаны окажутся слабыми и не смогут дать отпор противнику в тот момент, когда офицеры предпримут наступление с целью разделаться с восставшими, то гибель всех, кто пойдет за „заговорщиками", будет неизбежной. Вообще они проявляли крайнюю нерешительность. С нашей стороны вел переговоры Гоголев (Титов), явившийся с десятком партизан. Видя такое настроение своих друзей, Гоголев, чтобы подбодрить их, решил пойти на хитрость и заявил, что численно партизаны очень сильны, что активность противника нами будет подавлена в нужный момент, что вооружение у нас прекрасное, словом—уверил солдатскую делегацию в том, что они могут быть спокойны за свое дело.

Уже с первых своих шагов солдатская организация подчинила себя нашему руководству; естественно поэтому, что после-

дующие промахи зависели также от нас. План восстания нами был выработан следующий. В определенный срок партизаны окружают со всех сторон гарнизон, преследуя задачи: 1) оказать вооруженную поддержку восстанию и 2) не выпустить живым из деревни ни одного „защитника отечества". В первую очередь должны быть захвачены пулеметы, уничтожен штаб и разоружены колеблющиеся части. Для того чтобы меньше было жертв, верные нам солдаты за 15 минут до восстания, в 1 ч. 45 м. ночи, должны были приколоть штыками (выстрелы могли преждевременно насторожить офицеров) начальника пулеметной команды поручика Фролова и командиров рот, вследствие чего части остались бы без руководства. В 2 часа ночи должно было произойти выполнение задания по истреблению штаба и одновременно выступление на площадь всего гарнизона, который в этот момент должен быть окружен партизанами и сдаться без боя. Для согласования отдельных деталей этого плана 8-го сентября мы вновь собрались с представителями гарнизона. Прибывший Макшимас, Олеев и Непомнящий заявили, что они вполне готовы для восстания: пулеметная команда в лице ее первых номеров, т. е. самая важная, пожалуй решающая часть ее—на нашей стороне; в ротах солдаты тоже охвачены организацией примерно на половину,— следовательно, дело только за нами. Все три товарища, согласившись с нашим планом, еще раз подтвердили, что центром тяжести восстания должно явиться выступление самих колчаковских солдат, которые даже настаивают на том, чтобы мы им предоставили возможность одним разделаться со своими офицерами и тем искупить свою вину перед трудящимися; роль же партизан сводилась больше к психологическому воздействию на колеблющихся, и активное их вмешательство в дело могло произойти лишь при неблагоприятном повороте событий. Мы согласились на такую для себя роль по двум соображениям: во-первых, мы не располагали в тот момент даже полусотней штыков, — следовательно, претендовать на первую скрипку в открытом бою с врагом едва ли было бы разумным; во-вторых, не было у нас достаточной уверенности в том, что нетерпеливые уверения заговорщиков о готовности гарнизона к выступлению отвечали действительности. На восстание мы все-таки решились в силу того, что даже провал наших планов мог принести больше пользы, нежели вреда.

Итак решено было выступать 11 сентября в 2 часа ночи. Мы собрали разбросанных по зимовьям (базам) партизан и с вечера заняли корейские фанзы вблизи Казанки. В 1 час ночи с нашей стороны все было готово. Для удобства сношений с солдатами и руководства делом партизанский штаб обосновался в густом кустарнике в 8-10 шагах от избы крестьянина, где находился штаб белых. Все шло точно по плану и обещало хорошие результаты. Примерно за 20 минут до условленного срока к нам, пробираясь между часовыми, подошел т. Макшимас, чтобы получить от нас револьвер и гранаты (на него была возложена

обязанность взорвать штаб белого гарнизона). Макшимас нам рассказал, что командиры рот и пулеметной команды до сих пор еще не „прикончены", так как „исполнителей", как на грех, разослали офицеры с разными поручениями по деревне, но что через минуты 2-5 они должны вернуться в роту и тогда сделают свое дело. В таком случае ничто не должно задерживать нас. Макшимас получил от нас 3 гранаты и револьвер и, пожаловавшись на то, что не достаточно знает систему револьвера „Кольт", который ему выдали, быстро направился к избе крестьянина Беньзика, где размещались офицеры и начальник гарнизона полковник Высоцкий. Затаив дыхание, мы ожидали взрыва гранат. После того как т. Макшимас оставил нас, послышался тихий (вполголоса) окрик: „стой". Мы сначала не обратили на это внимания, предполагая, что окрик принадлежит помощникам Макшимаса. Однако проходит пять минут... шесть... семь... срок достаточный, но взрыва не слышно. Мы начинаем теряться в догадках. Вдруг ночная тишина резко нарушается. Со всех сторон по нашим цепям открывается бешеная стрельба. Партизаны не выдерживают и, отстреливаясь, начинают отступать. Партизанский штаб с 5-8 бойцами оказался в чрезвычайно опасном положении: близость расположения белых и невозможность отойти назад (сзади протекала глубокая река) делали попытку к отступлению почти невозможной. Через полчаса стрельба стала стихать, и эта группа партизан со штабом решила воспользоваться наступившим затишьем, чтобы занять удобную позицию и получить возможность ускользнуть живыми из опасности; и они бросились во фланг колчаковцам. Эта попытка удалась, и дальнейшая стрельба не могла причинить им существенного вреда. Вскоре к нам прибежал один из заговорщиков т. Олеев и рассказал о непонятном для нас исходе заговора.

Дело заключалось в следующем. В организацию заговорщиков втерся провокатор, сотрудник контр-разведки, бывший учитель с. Романовки, Печерица, который за сутки до восстания раскрыл все тайны восстания полковнику Высоцкому, благодаря чему офицеры были подготовлены к событиям довольно хорошо. Они в тот же день разослали руководителей заговора в разные места, изолировали их от солдатской массы, а в отношении тех, кто должен был играть роль исполнителей отдельных пунктов плана, офицерами были приняты своевременно контр-меры. В частности окрик „стой" по адресу т. Макшимаса исходил из засады офицеров, приготовившихся захватить смельчаков в самую критическую минуту. Макшимас тут же был арестован. Одновременно были схвачены Непомнящий и Щелкунов. Между прочим все свои операции (арест заговорщиков и т. д.) белогвардейцы провели тоже в 2 часа ночи, приноровив их к моменту восстания. Весь наш план в основном и в каждой детали был точно использован белыми, но только в обратном направлении, против нас.

Заговор провалился. Первое применение нашей новой тактики оказалось неудачным по нашей же вине и еще больше по

вине наших сотрудников из колчаковских солдат, так как техника организации не была на должной высоте. Теперь мы переживаем расплату: трое руководителей заговора — тт. Непомнящий, Макшимас и Щелкунов — после долгих нечеловеческих пыток, порки и надругательства расстреляны, т. Свинцов, не ожидая ареста, сам пустил себе пулю в лоб, и лишь один Олеев благополучно перебежал к нам. Заговорщическая организация оказалась обезглавленной и поэтому неспособной на дальнейшие решительные шаги. Офицеры могли торжествовать свою победу. Солдаты впрочем набрались мужества и отказались расстреливать своих товарищей, но с Сучанских рудников были присланы японцы и офицерский взвод под командой небезызвестного на Сучане палача, бывшего учителя Петра Сесько, который и произвел расправу над нашими молодыми героями. Все арестованные товарищи держались прекрасно: пытки, тяжелые страдания не сломили их воли, и они не выдали никого из своих друзей,—иначе многие подверглись бы их участи. После, когда Казанкой овладели наконец партизаны, они всех расстрелянных солдат отрыли из ям, перенесли на братское кладбище и устроили торжественные похороны. Старуха-крестьянка Дунаева и дочь ее Гулькова, жена партизана Гулькова, погибшего 3 месяца тому назад вместе с Тимофеем Мечиком, тоже были арестованы и казнены, причем казнь этих мужественных женщин превзошла по своей жестокости расправу над солдатами. Их сначала „на одинаковых со всеми основаниях" долго и нещадно, упиваясь стонами несчастных жертв, пороли, затем на другой день полуживыми отправили в дер. Владимировку, откуда, по заявлению палачей, их должны были отправить на пароходе во владивостокскую тюрьму. На берегу моря их снова подвергли пыткам и по очереди все конвоиры-офицеры обеих, дочь и мать, изнасиловали. В довершение всего их затащили вместо тюрьмы на скалу, высоко стоящую над морем, и бросили в глубокую пропасть. Старик Дунаев, так недавно потерявший сына Петра, убитого в суражском бою с американцами, и зятя Гулькова, запряг единственную свою лошадку и привез домой в мешке растерзанные куски тел своих жены и дочери.

Пока колчаковцы оставались в Казанке, мы решили отомстить им за смерть своих товарищей. Для этого 14 сентября, собрав все свои больше чем скромные силы и получив сведения о том, что из Сучанских рудников направляется в сторону Казанки колчаковский обоз (случай для набега очень благоприятный), мы устремились из своих гостеприимных обиталищ (фанз) ему навстречу с целью захватить обоз и уничтожить сопровождавших его белогвардейцев. Наиболее удобной позицией для нас была река Сучан, которая, благодаря половодью, представляла противнику большие трудности для переправы. Партизаны, пробираясь через высокую поросль между полями, быстро прибежали к реке и переехали на противоположную сторону на лодках, стремясь возможно скорее занять выгодную позицию, чтобы не пропустить

удобного момента. Однако мы немного опоздали: перед нами оказался колчаковский обоз всего лишь в 8-9 подвод и уже без груза. Лошади, седла, упряжь и т. п. мы захватили и отправили в свой „тыл“, а сами, получив от крестьян сведения о том, что колчаковцы с минуты на минуту должны возвратиться из Казанки, куда они временно отлучились, рассыпались в цепь на берегу Сучана. Вскоре действительно колчаковцы стали приближаться. Человек 50 солдат подошли к берегу реки, и, не предполагая об опасности, часть их спокойно села в лодки и направилась к нашему берегу. Мы, притаив дыхание, не открывали стрельбу, предоставляя им возможность приблизиться к нам на возможно короткое расстояние. Когда момент настал, была подана команда „пли“, и открылась пальба. Ошалевшие от неожиданности колчаковцы бросились в воду, подняли вопль и стоны. Партизаны, не ожидая никакого сопротивления и стоя во весь рост, стреляли чуть не в упор по врагу и почти без промаха. Спастись удалось лишь немногим „защитникам отечества“ — одному-двум, остальные мертвыми плыли по мутной быстротечной реке или валялись на берегу. После того как мы уже расправились с этой группой колчаковцев, несколько запоздало выступил им на помощь казанский гарнизон, спокойно отсиживавшийся недалеко от места боя. Застрочили пулеметы, затрещали ружья, но было уже поздно. Дело наше сделано. Не желая ввязываться в драку с силой, почти в десять раз превосходящей нас, мы выстроились в ряды, и, чтобы показать, что в данном случае остались победителями партизаны, мы под огнем разъяренного противника, с ружьями на плечо и с песней „Смело, товарищи, в ногу“, направились в свой партизанский стан (фанзы).

Партизаны заслуженно переживали праздник. Крестьяне, работавшие в это время на своих полях, в ожидании результатов нашего набега собрались тут же и, когда узнали, что колчаковцы понесли поражение, со всех сторон стали сносить нам хлеб, молоко, яйца и прочие продукты.

Сигнал к возрождению партизанства подан. Население почувствовало, что не все еще пропало; уныние и разброд стали после этого постепенно переходить в новую полосу — „бури и натиска“.

В ответ на партизанский набег, причинивший не мало огорчения белогвардейцам, последние предприняли контр-набег. 9 октября ночью небольшой их отряд в сотню человек, пользуясь услугами сына казанковского кулака Никиты Симонова, пробрался таежной тропой к корейским фанзам, где ночевала в этот день группа партизан, которые молотили хлеб, конфискованный для наших баз у убежавших к интервентам кулаков. На рассвете белые внезапно напали на спящих. Партизаны, благодаря своей халатности, не выставили должного охранения, и все 9 человек были накрыты. Нечего и говорить о том, что все они, в том числе и тт. Косницкий, Баранов, Полунов, Бензик, после

порки на глазах своих односельчан, отцов и жен, были выставлены в один ряд и среди белого дня расстреляны из пулеметов.

Читатель уже заметил, что, как в провале нашего заговора 11 сентября, так и в расстреле этих 9-ти сыграли решающую роль местные кулаки. И этот факт не случаен. В настоящей фазе партизанских битв деревня с большей резкостью, нежели прежде, разделилась на два смертельно борющихся лагеря. Если прежде контр-революционная верхушка деревни проявляла робость, нерешительность, то теперь, очевидно предполагая, что партизанское движение не окажется способным на дальнейшее существование, она с открытым кулацким забралом выступает рядом с колчаковцами, ведет провокаторскую работу, с винтовкой в руках идет вместе в одних рядах с белыми, агитирует против нас и т. д. При таких условиях, конечно, и мы не оставались в долгу. Прежде всего мы конфисковали у кулаков все имущество, которое частью раздавали крестьянам, главным образом бедноте, частью брали для партотрядов. Ну, а если представлялся удобный случай, то кулаки расплачивались и собственной шкурой. Такие семьи, как Ерченко, Симонов, Кравченко, Лавриненко, вероятно долго будут с горечью вспоминать партизанские времена.

ГЛАВА XXII.

Заговор в сучанском гарнизоне. — Восстание колчаковских солдат. — Бой с японцами и офицерами. — Переход колчаковцев к партизанам. — Подъем в крестьянстве. — Братание.

Все события, которые имели место на протяжении недели-двух с 11 сентября, не прошли даром для казанковского гарнизона: он оказался деморализованным, неспособным к дальнейшим военным операциям. Поэтому 21 сентября Казанка была оставлена, и военные части отведены на Сучанские рудники. Одновременно противник очистил Владимировку и Тигровую, приняв такой порядок своего расположения, который сводил бы к минимуму все опасности, проистекающие от роста партизанского движения. В его руках остались только три пункта, лежащие на Сучанской железной дороге: Сучанские копи, Шкотово и Романовка. Наше новое оружие, которым мы решили завоевывать солдатские массы, оказалось не менее опасным, чем партизанская пуля и импровизированная граната.

Из отступления колчаковцев мы сделали два вывода: во-первых, нужно добиваться того, чтобы в наш район были посланы более значительные белогвардейские отряды, что дало бы возможность широко развернуть нашу агитационную работу среди солдат; во-вторых, следовало вновь начать организацию крестьянства в партизанские отряды для усиления активных наших

операций: Разбрелись партизанские агитаторы по деревням красного Сучана, приглашая всех, желающих защищать Советскую страну, стать в наши ряды. Началось новое накопление сил. Одновременно мы продолжали поддерживать связь с сохранившимися остатками казанковского заговора (солдаты этой части сейчас находились на рудниках). Мы не теряли надежды на то, что нам все же удастся перетащить к себе хотя бы несколько рот. Партизанская пишущая машинка, дрянненькая, разбитая, растерявшая много букв, в этой далеко не канцелярской обстановке, в фанзах, а то и просто под кустами, медленно, но безостановочно выбивала на бумаге горячие революционные призывы, которые должны зажечь сердца солдатских масс. Прокламации с поразительной экономией распространялись шахтерами и самими солдатами. Вокруг прежних заговорщиков стали постепенно образовываться и увеличиваться числом тройки и пятерки сочувствующих партизанам. Теперь организация проводилась на более конспиративных и технически совершенных основаниях. Главное внимание теперь мы устремили на пулеметную команду, а руководство ближе взяли в свои руки сами партизаны. Со стороны колчаковских солдат к тому времени выдвинулись тт. Ковалев, Торговников и Шнеерсон. Одновременно и партизаны не оставались пассивными: делались налеты на железнодорожную магистраль, взрывались мосты, водокачки, портились телеграфные провода и т. п.

К 30-му ноября мы наконец оказались настолько сильны в подготовке заговора, что почти весь гарнизон мог выступить против офицеров. Наученные горьким опытом Титов, Ильюхов, Продай-Вода и Бут решили теперь сами отправиться в колчаковские казармы и непосредственно руководить восстанием. После тщательного обсуждения плана срок восстания был назначен в ночь с 1-го на 2-е декабря. К величайшей нашей радости, перед тем как мы должны были выехать на рудники, в Казанку прибыли тт. Владивостоков, Иванов и Слинкин с отрядом в 70 штыков, который они привели из далекой Улахинской долины. „Нашего полку прибыло“. Не говоря уже о том, что наш боевой состав усиливался свежими бойцами, мы получили пополнение и активными руководителями. Несмотря на долгий срок разлуки, продолжавшейся около трех месяцев, мы повидались с приехавшими товарищами – что называется — на лету, в течение 5-10 минут, так как нужно было немедленно отправляться на Сучанские копи.

По плану, в дер. Сице, расположенной в трех верстах от Сучанских рудников, в 11 часов ночи должны были нас встретить посланцы от заговорщиков и затем провести в свои части. Намеренно мы явились в условное место за полтора часа раньше. Еще не доезжая до деревни, мы были озадачены довольно сильной пулеметной стрельбой в районе колчаковских казарм. Никому не хотелось верить, что это знаменует собой новый провал нашего дела, над которым с такой старательностью мы работали целый

месяц. Но что в действительности происходило в это время на рудниках? Оказывается, за два часа до восстания офицерам опять удалось разузнать о предстоящей им опасности. Немедленно начальник гарнизона Фролов послал гонца в японский штаб с просьбой срочно, не теряя ни минуты, приступить к разоружению вверенной ему части, которая готова в любой момент повернуть свой штык против офицеров. На наше счастье, с этим поручением был отправлен Ковалев, один из заговорщиков: он до сих пор внешне держался перед офицерами как „верный родине сын", чем заслужил абсолютное доверие начальства, которое проявилось в данном случае в том, что не кого-нибудь другого, а именно его, мнимо преданного солдата, отправили со столь важным поручением. Ковалев, смекнув в чем дело и немного отъехав от штаба, разорвал „срочный секретный" пакет и прочитал его содержание. Почуяв опасность, он быстро повернул лошадь назад к казармам и, не считая возможным ждать срока нашего приезда, ворвался в казарму и подал команду „в ружье". Началась сначала суматоха, беспорядочное бегание. Однако быстро все оправились от растерянности, бросились к пирамидам, схватили винтовки и стали выбегать на улицу и рассыпаться в цепь. В это время, видимо предупрежденные по телефону Фроловым, к колчаковским казармам подходили японские цепи. Офицеры во главе с Фроловым, при виде этой картины, с криком „ура" бросились к пулеметам, которые находились между штабом и казармами. Пулеметчики-солдаты в свою очередь тоже устремились к ним. Наступил самый критический момент: кто прежде добежит до пулеметов, тот на три четверти овладеет положением. Прежде добежал солдат Передов, который, еле дыша от усталости, схватился за курок и открыл стрельбу по офицерам. Фролов с перерезанным пулями телом повис на стволе пулемета. Мертвыми повалились еще 4 офицера. А Передов продолжал строчить, благо теперь подбежали уже вторые номера команды, которые стали подавать ему ленты с патронами и помогать устранять задержки. Тут и с нашей стороны заговорил второй пулемет...

Офицеры оказались все перебиты, и их трупы валялись около смертоносного оружия. Японцы со своей стороны открыли огонь по цепям солдат. Завязался ожесточенный бой, который продолжался часа полтора. Отступать солдатам нельзя было до тех пор, пока не будет вывезено все имущество, патроны, пулеметы, пока не будут уничтожены все офицеры и контр-разведчики. Справившись со своим делом, солдаты, будучи отрезаны японцами от дер. Сицы, стали отступать по неизведанной тропе в направлении дер. Новицкой.

Во время боя к нам прибежала группа рабочих из рудников, которая сообщила о событиях в таком духе, что восстание подавлено, так как против него выступили большие силы японцев, и что после боя колчаковцы, — неизвестно зачем, но можно думать, с целью поимки истинных виновников восстания — партизан,— направились в Новицкую. Не теряя времени, мы поехали за

колчаковским отрядом, имея в виду при содействии крестьян установить действительное положение вещей и истинные цели похода колчаковцев. Долго путались мы в ночной темноте, пробираясь по извилистой узкой тропинке через горы и лес, и в деревню добрались только часам к четырем утра. Здесь никого не оказалось, и от этого обстановка казалась еще более неясной. Пока что, мы остановились на краю деревни в крестьянской избе, желая немного отдохнуть, подкрепить едой себя и лошадей. Только мы стали располагаться, вдруг вбегает к нам в избу крестьянин и испуганно сообщает, что колчаковцы вступили в деревню и цепью двигаются на наш край деревни, якобы для того, чтобы захватить нас живьем. Мы выскочили из избы, быстро сели на лошадей, сняли винтовки и поскакали навстречу приближающимся цепям. Солдаты, заметив в тумане наши силуэты, залегли, подпустив нас шагов на 20, скомандовали: „Стой, кто идет?“ Кто-то из нас ответил: „Мы — партизаны“. Выстрела не последовало, не стреляли и мы. После некоторой паузы послышались еще окрики, которые, не получив вторичного нашего ответа, тут же сменились беспорядочным криком и возгласами: „Ура! Привет партизанам! Да здравствуют советы“. Мы соскочили с лошадей и побежали к солдатам в цепь. Начались приветствия, объятия, поздравления с победой. Восторгу и радости не было предела. Солдаты возбужденно и бестолково, перескакивая с одного факта на другой, перебивая друг друга, рассказывали о подробностях восстания. Мы, увидав пулеметы, с детской радостью бросились к ним, а наиболее экспансивные из нас даже начали целовать холодный металл: ведь это — долгожданное, обещающее много успехов в наших боевых операциях оружие! С ним только мы и мечтали подраться по-настоящему с ненавистным своим врагом.

Вскоре мы встретились с руководителями заговора — т. Ковалевым и другими, которые рассказали нам все попорядку и объяснили, почему они не могли дождаться назначенного срока восстания и нашего прибытия. Результаты восстания таковы: перебиты все офицеры — около 12 чел., во главе с начальником гарнизона Фроловым, захвачено 4 пулемета, много патронов, имущество, отвоевано у белых генералов около 400 солдат, захвачены в плен один офицер и один контр-разведчик (названный выше кулак деревни Казанки — Никита Симонов, добровольно вступивший в армию Колчака).

Плоды применения новой нашей тактики были налицо.

Партизаны могли заслуженно радоваться своей незаурядной победе. В Казанку, где разместился прибывший из Улахинской долины партизанский отряд с группой бывших членов Ревштаба, мы послали конных нарочных с извещением о победе, а сами, выставив охранение, разместились по хатам дер. Новицкой для отдыха. Крестьяне в праздничном настроении наперебой приглашали к себе вчерашних своих врагов — солдат. После новые наши друзья говорили, что их угощали в этот день так, как будто крестьяне праздновали Пасху. Часа через два мы выступили из

дер. Новицкой и направились в Казанку. Села, которые мы проходили на своем пути,—Николаевка, Краснополье,—были уже украшены красными флагами. Мужчины, женщины и дети выходили к нам навстречу и восторженно приветствовали перебежчиков. Дер. Казанка, перенесшая неисчислимые страдания и разорение, вся выступила на площадь около школы. Посредине толпы был поставлен стол с „хлебом-солью". Тут же выстроился улахинский партотряд с красными ленточками на винтовках. А навстречу нам была выслана делегация из стариков-крестьян. За полсотни шагов до площади стройно марширующему отряду была подана команда: „смирно". В ответ заревело многоголосое крестьянское „ура", полетели вверх шапки, зашевелилось море голов, старавшихся скорее других увидеть героев восстания, чтобы окончательно убедить себя в действительности происходящих событий. Наконец все замерло. На стол становится старик Дунаев, потерявший в борьбе всех членов своего семейства, берет в руки хлеб-соль и говорит:

— Братья и товарищи! Крестьяне приветствуют своих вчерашних врагов и теперешних друзей и новых революционных бойцов. Наши дети и близкие давно подняли восстание против поработителя, адмирала Колчака, и его белой армии. Наши партизаны уже много пролили крови, перенесли страданий. В каждой деревне теперь имеется братское кладбище, где лежат сраженные в боях партизанские герои, замученные рабочие и крестьяне. Память мертвых борцов призывает вас к беспощадной борьбе с нашим вековечным врагом. Мы передаем вам хлеб-соль в знак того, что мы радостно принимаем вас в нашу семью и обещаем забыть ваше прошлое. Мы стремимся скорее соединиться с Советской страной и установить у себя советскую власть, единственную нашу защитницу. Да здравствует власть Советов рабочих и крестьянских депутатов!

Снова „ура", радостное, торжественное. Дедушка Казимиров, побелевший от многих десятков лет труда и горя, широко крестится, подняв свои мутные глаза вверх, по-своему переживая радость сегодняшнего дня. Женщины-крестьянки тоже приветствуют партизан. Дети с любопытством таращат свои глазенки на „колчаков", робко ощупывая их шинели, ружья и пулеметы. После торжеств снова пошло угощение партизан, зазывание их к себе. Отказываться от бесчисленных сортов молока—„кислого", „сладкого" и т. д., от яичниц и прочих праздничных яств нельзя — обидятся. Так исстари встречала гостеприимная изба русского крестьянина своих „дорогих и любезных гостей", так и нас встретили теперь.

ГЛАВА XXIII.

Первый Дальневосточный партизанский полк.—Переход на принципы регулярной армии. — Анархистствующие партизаны. — Разгром бандитизма. — Ревтрибунал.— Последние бои за обладание железной дорогой.—Восстание и переход к партизанам шкотовского гарнизона белых.

Из перешедших к нам колчаковских солдат и из партизан, сохранивших свою боеспособность, был организован 1-й Дальневосточный советский полк, впоследствии сыгравший решающую роль в партизанском движении Приморья. Те деморализованные группы партизан, которые на протяжении полосы упадка и разброда сбились с правильного революционного пути, став на путь анархии и нередко бандитизма, теперь тоже явились к нам. Небольшая группа оппозиционно настроенных пыталась повлиять на выборы комсостава полка и провести командиром своего „вожака" Савицкого (Губкина), сепаратистски настроенного, кричавшего на всех перекрестках о своей „революционности", но на деле проводившего мелкобуржуазную, резко враждебную коммунистической партии политику. На митинге, где происходило обсуждение вопросов о характере организации наших сил, способе управления ими и дальнейшей тактике, названный Савицкий со своей группой пытался критиковать идею централизованного руководства и политику старых руководителей партизан, по его мнению погубивших в июне движение созданием Ревштаба, который взял под свое руководство все отряды и тем лишил их „инициативы". Савицкому не удалась критика, так как каждому партизану было известно, что в то время Ревштаб, напротив, не имел никакой возможности провести сколько-нибудь полно принцип централизованного руководства и командиры отрядов нередко больше чем следовало пользовались инициативой в своих военных операциях. Неудовлетворенный в своих домогательствах, встретив решительное сопротивление со стороны партизанской массы, Савицкий пытался затем направить свои стрелы на старый комсостав; однако и это ему не удалось. Единогласно командиром полка был избран т. Ильюхов, начальником штаба — т. Гоголев (Титов) и в полковой совет, — в задачи которого входила хозяйственная и политико-просветительная работа, — тт. Иванов (председатель), Чередников и Слинкин. Так четвертого декабря 1919 года (а не 20 сентября, как это безбожно путает т. Яременко [1]) был создан 1-й Дальневосточный советский полк.

Почему мы собственно настаивали на организации полка, а не отряда, была ли это формальная перемена вывески, или для нас означала она нечто большее? Да, это было изменение организации наших сил по существу. Изменившаяся военная обста-

[1] Об организации полка Яременко пишет в своем „дневнике" под датой „20 октября" 1919 г., чего в действительности быть не могло, поскольку тогда этого полка еще не было.

новка, когда против нас, не в пример прошлому, выступила, как единственная боеспособная сила, только японская интервенционная армия, прекрасно организованная, обученная, в достатке снабженная всеми видами технического вооружения,—эта обстановка требовала от нас более совершенной, нежели прежде, организации, не допускающий малейшей распыленности и самостийности. Японскому кулаку мы должны были противопоставить такой же кулак. Созданием полка мы пытались подвести черту под первую главу партизанства, своеобразно воспроизводившего в наших условиях красногвардейский период строительства Красной армии, и, перейдя ступенькой выше, к системе, которая приближалась бы по типу к постоянной армии, тем самым начать новую главу борьбы с контр-революцией. Полк насчитывал к тому времени около 600 штыков, при четырех пулеметах, 40 саблях кавалерии, подрывной команде и обозе в 12 подвод. Руководство полком было основано на единоличной ответственности; тот же принцип был проведен в ротах и командах. Командиры избирались на общем собрании соответствующей боевой единицы и никогда не переизбирались без особых чрезвычайных обстоятельств. Была введена строжайшая дисциплина, нарушения которой сурово карались властью командира или Ревтрибунала. Белогвардейские газеты много писали о нашей дисциплине, рассказывая в своей прессе, что „властолюбивые партизанские начальники“, и в первую очередь командир полка, зажали в своем кулаке „темные партизанские массы“, не дают им свободно отдохнуть, безжалостно подавляя всякие протесты и недовольства. Да, дисциплина Дальневосточного советского полка не радовала белых генералов, у которых день за днем ускользала почва из-под ног, как не радовала она и „атаманствующих“ партизанских командиров сорта Шевченко или Савицкого, натуры которых не могли переварить стройности и порядка военных организаций. Зато сила и мощь полка росли и приводили в трепет белогвардейские банды. Весь командный состав полка состоял из наиболее

Тов. Ильюхов Н. К., командир 1-го Дальневосточного советского полка.

выдержанных и стойких товарищей. При полке был создан Революционный трибунал, в состав которого входили матрос Федор Шурыгин (председатель), Дольников (Зюк) и Шнеерсон. Первым актом этого трибунала было вынесение смертных приговоров арестованным во время восстания на Сучане контр-разведчику Симо-

Тов. Титов, начальник штаба 1-го Дальневосточного советского полка.

нову и другим. Партизанской медициной попрежнему заведывал т. Сенкевич. Полковой совет, помимо хозяйственной работы, широко развернул просветительную деятельность, наладил регулярное чтение лекций и бесед. Вновь забила творческая мысль. Выше поднялся и ярче засветил революционный факел повстанчества и во всей области. Все мысли и чаяния рабочих и крестьян устремились к 1-му Дальневосточному полку, видя в нем опору, знамя возрождающейся революционной борьбы. Умерили свой пыл и атаман-

ствующие партизанские командиры—Тетерин-Петров, Гурко и другие, по-своему пользовавшиеся разбродом. Более мелкие из них, менее приспособленные к кропотливой систематической работе, как Шевченко, окончательно отошли от дела, перешли к пьянству и безделью. Зато стали повышаться акции дельных командиров, сторонников коммунистической партии.

Естественно, что надобность в Информационном бюро партизанских отрядов, о котором шла речь на съезде командиров в Чугуевке, теперь миновала: метод уговаривания и убеждения в тех случаях, когда он не приносил существенных результатов, теперь можно было с успехом заменить в отношении недисциплинированных элементов более радикальными способами воздействия. Первым шагом в этом направлении являлась ликвидация банды Козлова, которая составилась из бывших партизан, выродившихся в уголовный элемент. Козлов, в прошлом фельдшер сучанского партотряда, сколотил шайку „непримиримых" и, забыв, что эта непримиримость должна проявляться по отношению к контр-революции, всю свою энергию направил на грабежи и разбои среди мирного населения. Для ликвидации этой шайки нами была выслана экспедиция под командой т. Владивостокова. Почти все участники шайки были пойманы, преданы суду Ревтрибунала и в большинстве расстреляны, исключая таких, как шахтеры Старовойт и некоторые другие, случайно оказавшиеся в банде. По такому же методу была произведена расправа с другой, правда менее опасной бандой Астахова и с многими одиночными любителями легкой наживы. Окончательное истребление бандитствующих элементов затруднялось тем обстоятельством, что оперировавший в нашем районе партизанский отряд в 70-80 человек под командой названного Савицкого, не пожелавший в свое время влиться в 1-й Дальневосточный полк, выступил великодушным покровителем этих героев, стал скрывать их в своих рядах, демагогически заявляя, что этот элемент является истинным хранителем партизанских традиций и не может считаться нашим врагом. Впрочем, после того как, разуверившись в действительности словесных уговариваний, мы недвусмысленно пригрозили Савицкому пулеметами, он вынужден был выдать своих „друзей" Революционному трибуналу. Такие быстрые и решительные действия полка чрезвычайно благотворно подействовали на настроение крестьянства, которое переносило лишения не только от белых, но и от „своих" бандитов. Возами повезли к нам крестьяне хлеб, крупу, картошку, жертвуя всем, чтобы на этот раз партизаны оказались непобедимыми и окончательно разделались с буржуазно-помещичьей властью.

Красная армия к тому времени шаг за шагом продвигалась вперед. Она уже перевалила Уральский хребет, взяла Курган, Тюмень и шла все дальше вглубь Сибири. Белогвардейские газеты не стали помещать оперативных сводок по целым неделям. Так напр., с 1-го по 18-ое ноября не было никаких сведений о положении на фронте, и потом молчание было прервано лакониче-

ским сообщением: „Сегодня в пять часов утра конница красных вступила в гор. Курган". Замалчивание белой прессой истинного положения вещей часто являлось источником самых неправдоподобных слухов о победах Красной армии. Чуть не каждый час приходили в штаб нашего полка крестьяне, рабочие, перебежчики колчаковской армии и сообщали, что большевистские аэропланы уже летают над Читой, Иркутском, что „штаб Троцкого" уже перешел в Ново-Николаевск и т. д. Каждому хотелось приблизить час гибели контр-революции; для этого к полученной весточке как-то невольно добавлялась новая деталь, создавалась новая версия, и слухи росли быстрее снежного кома. Наиболее изобретательные наши „информаторы" составляли в своих головах речи Ленина, Троцкого и благоговейно передавали их один другому, отдаваясь этому творчеству с такой искренностью и глубиной, что сами начинали верить своим выдумкам. Если же кому-либо приходилось прочитать в меньшевистской газете „Дальневосточная окраина" (флюгера которой стали поворачиваться под действием „западного ветра") статью какого-нибудь раскаивавшегося „защитника отечества", в которой в той или иной форме проводилась мысль о неизбежной гибели „противо-большевистского" движения, тогда... ну, тогда волна слухов вырастала до высоты Монблана. Однако эти слухи кроме положительной стороны имели и отрицательную: они покрыли густым мраком фантазии действительное положение дела и мешали правильной ориентировке. Своих советских газет мы не читали вот уже 19 месяцев. Это обстоятельство нередко порождало у нас сомнения и неуверенность в правильности своей линии. Если бы мы были лишены еще и партийного руководства, дело могло бы быть очень плохо. В самом деле. „Партизанская республика" на нашей далекой окраине за весь период гражданской войны была отрезана от мира со всех сторон густой щетиной контр-революционных и интервенционных штыков; она лишена была возможности сноситься с живым советским миром и некоторым образом воспроизводила собой исторический эпизод защиты Порт - Артура. Горсточка революционных борцов, заброшенных на далекие берега Тихого океана, предпочитала порабощению смерть и страдание. Но история делала свое дело. Теперь каждому стало ясно, что победителем из гражданской войны выйдут рабочие и крестьяне.

Штабом 1-го Дальневосточного полка был выработан двухмесячный план военных операций, который в основном сводился к следующему: 1) Вся железнодорожная магистраль Сучанской и Уссурийской линий разбивалась на четыре участка: а) Угольная—Шкотово, б) Шкотово—Кангауз, в) Кангауз—Фанза и г) Фанза—Сучанские рудники. Через каждые пять дней на один из них отправляется посменно рота или команда полка для разрушения на этом участке железнодорожных мостов, телеграфной линии, для нападений на поезда, пассажиры которых в зависимости от данных или арестовывались или отсылались обратно в города. Аре-

стованные отправлялись в дер. Сергеевку, где находилась база полка. Затем на смену дежурным частям направлялась новая, свежая рота или команда, и таким образом наши операции не прекращались в течение двух месяцев. 2) Шкотовский гарнизон, состоящий из 300 штыков русских белогвардейцев, несмотря на присутствие там около двух тысяч японцев и американцев, должен быть завоеван на нашу сторону. Для осуществления этого был командирован т. Иванов в Цемухинскую долину, откуда можно было наиболее удобно вести организационную работу среди солдат.

Работа закипела с новой силой. Опять полетели вверх железнодорожные мосты, водокачки, опять стали наводняться прокламациями колчаковские казармы. Лозунги, которые распространялись нами в этот период, предварительно — как правило — утверждались Дальневосточным краевым комитетом партии и целиком отражали требования переживаемого момента. Вот главные из них: 1) „Красная армия победоносно наступает и приближается к Дальнему Востоку. Солдаты, переходите к партизанам и помогайте Красной армии". 2) „Партизаны—лазутчики Красной армии, партизаны вместе с Красной армией борются за социалистическую революцию, за советы. Да здравствует восстание рабочих и крестьян против контр-революционного правительства Колчака!"

В этот период мы больше, чем когда-нибудь, стремились поддерживать связь с партийным комитетом. Прибывший во Владивосток т. Лазо, до этого прекрасно ознакомившийся с условиями партизанской борьбы, самым внимательным и подробным образом информировал нас о политической обстановке, давал указания, советы по всем вопросам. Предусмотрительность Лазо часто доходила до самых тонких деталей. Однажды мы получили от него письмо, в котором он рекомендовал в целях конспирации изменить маршрут „связи", переотправлявшей наши письма во Владивосток по тропе, причем новую тропку, до этого мало нам известную, он описал во всех ее изгибах и особых, нередко незначительных приметах с такой подробностью, что впервые пользовавшийся этим путем товарищ без всяких трудов и приключений дошел до Владивостока. Этот факт впрочем характерен не только для Лазо: он также показывает, насколько прочно к тому времени были налажены сношения с партийным комитетом, тесная связь с которым не в малой степени способствовала успеху наших военных планов.

25 декабря мы получили извещение от Иванова из Цемухинской долины о том, что его работа в шкотовском гарнизоне развернулась широко и вполне можно поднять там восстание. Не вдаваясь в детали, мы порекомендовали ему возможно скорее начинать выступление. Действительно, в шкотовском гарнизоне происходило сильнейшее брожение, и организация не могла справиться со стихийно нарастающим возбуждением солдатских масс, стремившихся немедленно разделаться со своими офицерами. 28 декабря нарыв наконец прорвался, и стихия вышла наружу.

Дело было так. Рано утром, после чая, солдаты отказались пойти на занятия, стали толпиться около своих казарм и, когда командиры предложили им разойтись, вступили с ними в пререкания, которые начинали постепенно переходить в открытое недовольство. Закончилось тем, что солдаты лавой бросились к винтовкам и открыли беспорядочную стрельбу по офицерам. Эти события произошли с такой головокружительной быстротой, что ни японцы ни американцы не могли предпринять „надлежащих мер", чтобы своевременно подавить бунт. Гарнизон захватил 14 пулеметов, много патронов и обмундирования и направился в сопки к партизанам. Насколько неорганизованно произошло восстание, настолько стихийным оказался и его исход. О событиях в Шкотове мы получили сведения часа через четыре-пять в следующей форме: „Шкотовский гарнизон восстал, сейчас последний бой с офицерами, которых поддерживает гарнизон японцев. Американцы, выставив сильное охранение около своих казарм и посты на сопках, соблюдают нейтралитет. Не исключена возможность того, что и последние ввяжутся в бой с восставшими. Требуется немедленная помощь. Иванов". В ответ на это извещение из Сергеевки немедленно выступило около двух рот партизан с 2 пулеметами и 15 всадниками под командой т. Ильюхова для оказания поддержки восстанию путем нападения на село Шкотово. Путь, который предстоял этому отряду, был большой и трудный: от Сергеевки до Шкотова считается около 80 верст. Однако смущаться этим никак нельзя было, так как, по всем данным, не исключалась возможность отступления восставшего гарнизона колчаковцев в соседние села и бой в таком случае мог произойти вне Шкотова, так что солдаты, незнакомые с местными топографическими условиями и лишенные опытного командного состава, рисковали оказаться в очень затруднительном положении, из которого партизаны могли вывести их наиболее безболезненно. Упомянутый выше партизанский отряд, выделенный из 1-го Дальневосточного полка, на крестьянских подводах, сменявшихся для ускорения продвижения каждые 15 - 20 верст, спешно направился к своей цели. Настроение у всех было разгоряченное. Оно подогревалось еще и тем, что мы только что получили из Владивостока отрадную информацию о быстро прогрессирующем процессе разложения гарнизона в городах и возрастающей тяге солдат к организации восстания против тирании генерала Розанова, бывшего наместника Колчака на Дальнем Востоке. Это письмо мы получили от партийного комитета за подписью Сергея Лазо, за несколько минут до отправки отряда в путь. Тут же было послано нами ответное сообщение: „Дорогой Сергей! Следуя примеру Сучана, сегодня утром восстал и шкотовский гарнизон. В данное время там идет бой. Выезжаю с двумя ротами при двух пулеметах на выручку солдат, которые без связи с нами и без нашего руководства могут много хлебнуть горя. Немедленно дадим подробную информацию следующим курьером. Обнимаем все тебя. Ильюхов, Титов".

В дер. Бровничах спешивший в Шкотово партотряд встретился с беспорядочной толпой вооруженных людей человек в 40 - 50, безцельно бродивших по крестьянским избам. Эти люди оказались частью восставшего гарнизона, какими-то судьбами оторвавшейся от своих товарищей незадолго перед отступлением из Шкотова. Мы направили их в Сергеевку, а сами, не теряя времени, продолжали свой путь. В Гордеевке нам повстречалась вторая такого рода группа колчаковцев, которая уже принимала участие в бою, но тоже оторвалась от своих. В этой группе между прочим оказался всадник, посланный т. Ивановым с донесением об исходе событий. От него мы узнали, что бой в Шкотове продолжался около полутора часов и в результате восставшие солдаты без всяких потерь со своей стороны, уничтожив почти всех офицеров гарнизона, отступили в направлении дер. Ново-Хатуничи. Вслед за ними отправился казачий дивизион, который преследовал их до Многоудобного, на расстоянии 17 верст, после чего возвратился назад в Шкотово. Маршрут на Ново-Хатуничи представлялся со всех сторон неудовлетворительным: он вел повстанцев в ту часть Никольско-уссурийского уезда, которая меньше всего отличалась революционностью и сочувствием к партизанам. Этим и объясняется то обстоятельство, что впоследствии бывшему шкотовскому гарнизону пришлось претерпеть невероятные трудности. Впрочем и в этом случае мы не остались равнодушными к его судьбе. Отправленные на выручку восстания партизаны вернулись обратно в Сергеевку, а в Никольско-уссурийский уезд был послан с группой партизан т. Слинкин. Однако и эта наша попытка связаться с повстанцами не имела успеха: солдаты разбрелись по мелким партизанским отрядам, стали уже осваиваться с новой обстановкой, и поэтому была нецелесообразна переброска их за сотни верст на Сучан, тем более что в Никольско-уссурийском уезде в это время нужно было усилить партизанское движение, чтобы начать более ощутительно беспокоить Никольск-Уссурийск, Раздольное и Спасск, которые оставались важными военными пунктами контр-революционных банд в западной части Приморья. Взамен перешедшего к нам гарнизона в Шкотово из Владивостока было прислано подкрепление из состава тех колчаковских полков, которые накануне этих событий „отличились“ в подавлении восстания ген. Гайды во Владивостоке. Со своей стороны мы усиливали нажим на сучанский гарнизон и Сучанскую железную дорогу, добиваясь того, чтобы в наш район правительство выслало для подкрепления еще дополнительные части. „Дерзость“ 1-го Дальневосточного полка стала превосходить все белогвардейские ожидания. Его отряды начали проникать даже к фортам крепости Владивостока, снимать там замки с орудий, нападать на разъезды белых, дефилировавшие по дорогам вокруг города, рвать железнодорожные мосты в 10 - 15 верстах от крупнейших стратегических пунктов Владивостокского укрепленного района и вообще предпринимать такие головокружительные трюки, от которых не на шутку начал тревожиться за свою безопасность даже городской обыватель.

Белые газеты стали наполняться заметками о том, что партизаны уже не только наводняют предместья города, но нередко проникают и в городские кварталы. Этого, конечно, еще не было, хотя мы всерьез готовились попасть на городские улицы, чтобы там решить судьбу контр-революции. Колчаковские части, вконец деморализованные наступлением Красной армии и активностью партизан, всячески уклонялись от столкновений с нами. Их тревога, в связи с развитием наших боевых операций, не давала им ни минуты покоя.

Теперь не оставалось ни одного пункта, занятого враждебными нам силами, где бы колчаковцы рисковали остаться сами, без охраны интервентов. Весь громадный район южного Приморья, начиная от крайнего севера и кончая китайской границей, был во власти партизан, исключая города, который стал напоминать островок среди необъятного разбушевавшегося моря революционной стихии. Реакция истекала кровью и не находила больше в себе сил, чтобы дать подкрепление таким пунктам, как Шкотово и Сучан. Поэтому мы, вопреки предостережениям партийного комитета, вынуждены были начать битву с интервентами, под крылышком которых ютились белые банды. Партизанам не оставалось делать ничего иного, раз деятельность железных дорог была парализована, города тщательно блокировались, а белые не шли на бой, предпочитая отсиживаться в своих казармах.

28 декабря рота 1-го Дальневосточного полка под командой т. Морозова предприняла набег на японцев, которые в числе 100 человек охраняли сихото-алинский железнодорожный подъемник. Стойкие и отлично укрепившиеся на своих позициях, японцы оказали сильное сопротивление. Бой продолжался около двух часов и обещал продлиться еще неопределенное время, если бы партизаны не решились на смелый и очень рискованный шаг. Они без штыков (у партизанских винтовок, как правило, не было штыков,—это их большой недостаток) с криком „ура" бросились в атаку на японские окопы. Японцы не выдержали и бросились в бегство. Партизаны захватили тут много обмундирования, 900 пудов рису, несколько десятков пудов галет, массу патронов—всего около 3 вагонов груза. Между прочим в вагонах, как это часто бывало в боях с интервентами, оказалось 9 бочек саки (японская водка), вина, коньяк и прочее. Все эти напитки, которыми офицеры воодушевляли своих солдат перед боем, партизаны демонстративно, на глазах у собравшийся толпы мирного населения, вылили на землю в доказательство того, что партизанская дисциплина не допускает употребления алкоголя. Такой поступок чрезвычайно понравился всем, особенно рабочим, которые возгорели гордостью за дисциплину своих бойцов. В этом бою, по странному стечению обстоятельств, обе стороны не понесли существенных жертв, кроме нескольких человек ранеными.

Не удовлетворившись успехами боя 28 декабря, мы решили итти дальше. 3-го января было предпринято наступление на американцев, отсиживавшихся до сих пор на станциях железной до-

роги. Вспомогательной к Сучанским рудникам базой нашего противника являлась станция Фанза, откуда высылалась охрана на станции Сица и Сихото-Алин. Последний пункт после боя 28 декабря находился уже в наших руках; следовательно, успех нападения на Сицу открывал нам возможность значительно расширить территорию своего влияния по линии железной дороги. В наступлении на американцев мы, впрочем, недооценили силы противника и допустили непростительную оплошность. Желая захватить возможно большее количество оружия и обмундирования, в котором партизаны в силу зимнего времени стали испытывать нужду, мы решили взять в плен весь американский гарнизон, насчитывавший около 200 человек! Для этого мы заготовили письменный ультиматум, в котором от имени командования 1-го Дальневосточного советского полка американцам предлагалось под угрозой истребления всего отряда сдать оружие и верхнюю свою одежду (!), взамен чего мы гарантировали им свободу и неприкосновенность. Вечером три роты партизан при трех пулеметах направились в путь. На рассвете должно было разыграться дело. Успех своего предприятия мы основывали на том, что наше нападение будет внезапным и американцы поэтому не найдут времени для того, чтобы привести себя в порядок и оказать сопротивление. В открытый бой ночью при сильнейшем морозе мы вступать не могли, — нас ожидала бы неудача. Не доходя полверсты до станции Сицы, мы столкнулись сначала с полевым караулом, а затем с заставой противника. Завязался бой. Американцы не выдержали и бежали к своим. Между тем январский мороз, усилившийся к утру, до того давал себя чувствовать, что значительное число партизан отморозили себе ноги и руки. План наш рушился еще и потому, что неожиданность налета и неподготовленность американцев к бою были уже устранены. Партизаны вернулись назад, отказавшись в эту ночь от наступления.

После этого хотя и не совсем успешного похода партизан в лагере белых интервентов еще больше стала усиливаться тревога. Через неделю станция Сица была добровольно оставлена, и американский отряд ушел на станцию Фанза. Противник, видимо, правильно оценивал развертывающиеся события, чуял приближение грозы и стал форсировать концентрацию своих сил в главнейших стратегических пунктах.

Небезынтересно отметить здесь один случай, характеризующий полную растерянность белой власти в этот период. Мы знаем, что в глазах генералов, по своей идейной скудости не понимавших истинных причин партизанского движения, основными виновниками движения являлись руководители-вожаки. Массы рабочих и крестьян они просто не замечали, и в их глазах победа над партизанами казалась возможной, если будут уничтожены руководители. Для этой цели белогвардейские правители предприняли решительный шаг, гораздо более „решительный“, чем в свое время предпринял колчаковский комиссар Приморской

губернии Цимерман, который в декабре 1918 г., желая с корнем вырвать „бунтарские настроения“ среди трудящихся Сучана, приказом отрешил от учительских должностей Мечика и Ильюхова. Бумажные угрозы теперь не удовлетворяли „спасителей отечества“, и в декабре 1919 г. владивостокская контр-разведка, по заданию наместника Дальнего Востока Розанова, составила план убийства руководителей 1-го Дальневосточного советского полка. С этой целью из Владивостока была выслана на Сучанские рудники группа шпионов-террористов, которые, чтобы замаскировать себя, поступили в сучанскую милицию и спустя недели две инсценировали перебежку из белого стана к нам. Предусмотрительные контр-разведчики захватили с собой из управления милиции много оружия, пишущую машинку и еще кой-что и явились к нам с трофеями, которые должны были уверить партизан в искренности их коварного предприятия. План был задуман довольно остроумно и проведен в первой своей части вполне успешно при содействии начальника сучанского отделения милиции Любека. В этот период к нам почти каждый день перебегали из рядов белых в одиночку и группами солдаты, милиционеры, а нередко и офицеры. Неудивительно, что и эти мнимые перебежчики, явившиеся под видом раскаивающихся в своем прошлом, были приняты нами без всяких подозрений. Но искусные контр-разведчики упустили одну небольшую деталь: они забыли, что в аппарате самой милиции в это время были наши действительные друзья, которые немедля передали нам о замыслах террористов, и на следующий же день после прибытия шпионов в полк заговор был раскрыт, и пять молодцов арестованы. На судебном следствии провокаторы долго и упорно отказывались раскрыть свой замысел и лишь на третий день понемногу стали выдавать себя. К тому же совершенно случайно у посетительницы одного из арестованных, жены контр-разведчика Китаева, были обнаружены спрятанные ею 4 револьвера, 3 кинжала и бомба, которые она намеревалась передать арестованным, чтобы те, воспользовавшись посещением арестного дома руководителями полка, попытались все-таки осуществить свой план. Об этом факте вынужден был дать показания арестованный Шах-Чернецкий.

Дело было громкое, оно успело нашуметь по всему району, и в день суда в с. Сергеевку собралось до двух тысяч крестьян, рабочих и партизан. Судебный процесс начался при самом напряженном внимании всех присутствующих. Каждое слово председателя трибунала, матроса Федора Шурыгина, аляповато формулировавшего суть дела, жадно ловилось массой. На вопрос председателя трибунала, обращенный к подсудимым: „Признаете ли себя виновными в том, что, будучи посланы владивостокской контр-разведкой в наш полк, вы намеревались убить командира полка Ильюхова, начальника штаба Титова и других руководителей?“— подсудимые в один голос ответили: „Нет“. Остальные пункты обвинения провокаторы также категорически отрицали. Наступила небольшая пауза. Неопытные судьи не могли сразу определить

ход дальнейшего заседания и замолкли, стараясь подыскать более удобный способ ведения процесса. В это время выступает из толпы зрителей раненый партизан Носов, который, пренебрегши советами врача, явился в школу „послушать суд". Вопреки всяким судебным регламентам и традициям, которые обычно отделяют суд от „публики", Носов обращается к суду и просит слова „для внеочередного заявления". Шурыгин вынужден был удовлетворить просьбу Носова. При гробовой тишине этот партизан медленно, прихрамывая на одну ногу, подходит к подсудимому Китаеву, долго и пристально смотрит ему в лицо и затем, убедившись в какой-то своей мысли, уверенно заявляет:

— Товарищи! вот этот самый Китаев стрелял в меня! Пуля его револьвера три дня назад была извлечена из моей спины. Кинжал, который лежит на столе, отнятый у жены Китаева,—мой: его отобрала у меня Китаева при моем аресте. Чтобы народ убедился в правдивости моих слов, я прошу показать этот кинжал всем присутствующим, и каждый может увидеть на одной стороне лезвия такую надпись: „Память партизанской борьбы 18 — 19 года". На другой его стороне выгравированы слова: „Партизан Носов". Китаев - это контр-разведчик, я это утверждаю с полным сознанием своей ответственности.

После этого неожиданного для всех, в том числе и для Ревтрибунала, „внеочередного заявления" Носова Китаев, потерявший всякую возможность отрицать далее свою принадлежность к контр-разведке, лишается чувств.

Таким образом выяснилось, что Китаев и его сподвижники не впервые идут на „охоту" за партизанами. Летом 1919 года они несколько раз пытались уничтожить руководителей революционного движения. Для этого вся группа принимала „партизанский вид", т. е. участники ее одевали старую, потрепанную одежду, украшали груди красными бантиками и т. д. и в таком виде старались добиться доверия крестьян и получить от них сведения о местонахождении баз, где скрывались партизаны. Нередко им удавалось из-за угла убивать наших товарищей и благополучно скрываться. Однажды они поймали двух партизан, одним из которых был Носов. Второй товарищ был замучен в Шкотове, а Носов с пулей в спине бежал. Спустя четыре месяца после ранения Носов прибыл в госпиталь 1-го Дальневосточного полка. Здесь он освободился от беспокоившей его пули и теперь, узнав в одном из подсудимых виновника своих страданий, сделал на суде свое роковое для провокаторов „внеочередное заявление". Контр-разведчики почувствовали себя убитыми. Придя в себя от обморока, Китаев с волнением стал говорить правду. Он подтвердил, что он и его группа действительно были высланы владивостокской контр-разведкой в наш полк с целью убить командира и начальника штаба. За эту операцию им обещали награду в размере трех миллионов рублей и право на беспрепятственный выезд в Китай или Японию. Затем признались и сподвижники Китаева. После почти беспрерывного двухдневного заседания

Ревтрибунала все обвиняемые—Китаев, Илюша, Герасимов и Собянин—были приговорены к расстрелу, а Шах-Чернецкий условно оставлен под надзором в полку.

Замысел контр-разведки не удался. Белогвардейское правительство было лишено и этих последних в его арсенале приемов борьбы с партизанами.

А революционная волна все с большей силой настигала контр-революционный корабль. И ни одна из белогвардейских мышей на этом истрепанном корабле не имела уже надежды на избавление от неотразимой гибели. Красная армия шла вперед и вперед, а партизаны всё настойчивей подступали к горлу генералов. Армия правительства продолжала разваливаться и вот-вот готова была повернуть штыки против своего начальства.

ЧАСТЬ V.

Переход власти в руки красных.

ГЛАВА XXIV.

Разложение армии Колчака и этапы этого разложения. — Заговор Чемеркина. — Гайдовское восстание.—Восстание егерей.—Победы Красной армии; партизаны ставят вопрос о захвате власти. — Центр революционной работы переносится в города.

Процесс разложения колчаковской армии в Приморской области имел свою историю. Собственно и на всех этапах ее существования устойчивость рядов, дисциплина колчаковцев, преданность их „единой неделимой России" были очень и очень относительными. Если когда-нибудь генералы и чувствовали себя уверенными при разработке своих оперативных планов, так это в первые 2-3 месяца после свержения советов в 1918 г. В то время социальный состав армии был по духу все же близкий для враждебного нам класса, а это в соединении с политической инертностью известной части крестьянства создавало устойчивую опору реакции. Зато почти весь 19-й год приносит с собой целую серию восстаний в армии, которые были симптомом того, что наступает момент, когда защитница контр-революции—белая армия—должна будет расправиться со своими повелителями. Эта серия восстаний может быть разделена на две фазы: 1) восстания стихийные, неорганизованные, происходившие помимо или при незначительном влиянии нашей партии, и 2) восстания организованные и поэтому включавшие в себя все элементы победы: такие восстания не давали особо заметных благоприятных результатов лишь вследствие незначительности своего размаха. Наиболее выдающимися из выступлений белых воинских частей, относящихся к первому типу, нужно считать восстание саперов против атамана Калмыкова в Хабаровске в марте 1919 г., затем заговор в никольско-уссурийском гарнизоне, известный в Приморьи как „заговор прапорщика Чемеркина"; „восстание генерала Гайды", происшедшее 18 ноября 1919 г. во Владивостоке, и восстание егерского батальона в январе 1920 г. тоже во Владивостоке. Для нас не безынтересно будет хотя бы коротко остановиться на характеристике всех этих выступлений, чтобы можно было возможно полнее представить ход последующих событий.

Бунт саперного батальона представляет собою запоздавшую на несколько месяцев попытку главным образом красногвардейцев, участников бывшего спасского фронта, попавших на службу к атаману Калмыкову, — вернуть свои завоевания средствами, которые однако в данном случае оказались несвоевременными и потому непригодными. Батальон выступил против атамана, не

связавшись предварительно с партизанами и партией, и тем сразу же обрек себя на одиночество. Он намеревался силой своего протеста заставить атамана отказаться от реставрации казачьих традиций и царской дисциплины в его банде. Для этого батальон послал Калмыкову письменную петицию, в которой в робкой форме и почтительном стиле предъявил требование об изменении его политики. Когда же атаман, рассвирепев от дерзости батальона, обрушился на него целым потоком ругательств и угроз и приказал бунтовщикам сдать оружие и выдать зачинщиков, батальон не нашел ничего другого, как обратиться к американскому штабу, умоляя о спасении жизни. Американцы рады были воспользоваться благоприятным случаем, чтобы лишний раз подчеркнуть перед населением свое либеральное „беспристрастие в русских делах", и взяли батальон под свою охрану. Сколько ни домогался неистовый атаман, бунтовщики не были ему выданы. Спустя недели две им была дана возможность разойтись на все четыре стороны, и все это предприятие нашло свой жалкий конец. В этом факте как в зеркале отобразились все минусы, которые проистекают от стихийного беспринципного, не подготовленного заранее вооруженного выступления. Поэтому вместо положительной роли бунт сапер оказал скорее отрицательное влияние на настроение солдат, перед глазами которых прошла столь жалкая по своему размаху и исходу, бессмысленная трагедия.

Несколько в другом свете представляется заговор прапорщика Чемеркина в гор. Никольск-Уссурийске. Инициатива в этом предприятии принадлежала уже не массам „вообще", не стихии, а группе сознательных, ясно себе представлявших цель и технику восстания товарищей, тесно связанных с организацией нашей партии. Руководителями заговора являлись: Чемеркин, офицер Сибирского стрелкового полка, бывший учитель дер. Михайловки, затем член Никольско-уссурийского партийного комитета т. Михайлов и дядя Костя. К ним примыкал ряд других менее видных товарищей. Никольско-уссурийская партийная организация в тот момент представляла группу самоотверженных, но мало связанных с широкими пролетарскими массами коммунаров, которые сразу же после свержения советов стали вести работу в армии белых. Противоправительственная организация у них росла очень медленно. Политические условия тогда были таковы, что не каждому из вольных и невольных „патриотов" ясно представлялась неизбежная гибель контр-революционного движения; поэтому в эту организацию шли больше одиночки.

Таким образом работа заговорщиков охватывала лишь очень узкий слой солдат, который при самых благоприятных обстоятельствах не мог сделать больше того, как создать условия для своей перебежки к партизанам, но отнюдь не мог ставить себе задачу свержения белогвардейской власти, о чем мечтали никольские товарищи. Работа заговорщиков все же могла бы дать существенные результаты, если бы не следующий случай. При каких-то странных обстоятельствах начальнику гарнизона полковнику Ивецкому попа-

дает сумка Чемеркина, в которой была переписка с партизанами. Ничего не подозревавший Чемеркин был вызван в штаб Ивецкого и тут же арестован. Все искусство контр-разведки, весь арсенал приемов-пыток были пущены в ход, чтобы принудить Чемеркина дать показания, разоблачающие всех участников организации. Чемеркина сначала пороли шомполами, казачьими нагайками,— эти пытки не сломили его воли: он отказывался давать показания. Тогда к нему применили более „совершенное“ орудие истязания. Его положили в специально приготовленную кровать, на плотно сколоченных досках которой густой щетиной были вбиты гвозди. Она была сделана так, что могла качаться в обе стороны наподобие детской качалки. Раздетого донага Чемеркина стали укачивать на этой кровати, которая вполне могла бы конкурировать со сказочным разбойничьим „прокрустовым ложем“. Герой выдержал около часа жесточайших страданий, но все-таки не сдавался. Бандиты теряли голову. Они видимо впервые встретили человека, так стоически переносившего эту пытку, которую они сами применяли лишь в особых случаях. Без сознания, с разорванными кусками тела, безобразно изуродованный, Чемеркин наконец был снят с кровати. Но изобретательность офицеров нашла еще более жестокий, хотя по своей грубости и более примитивный, способ пытки: раны, которыми было сплошь покрыто тело Чемеркина, посыпали солью и затем на живот положили кучку пороху и зажгли. Чемеркин начал бредить, звать своих друзей, называть целую серию имен. Это были первые слова, которые произнес Чемеркин за все время своих страданий, но они сами по себе ничего не могли дать озверелым бандитам.

Дело кончилось тем, что Чемеркин был расстрелян на городской площади. Казнь была обставлена торжественно. Начальник гарнизона Ивецкий собрал на площадь все воинские части, население города; дома были украшены национальными флагами. Так как гарнизон к тому времени уже внушал некоторые сомнения в своей преданности контр-революционному режиму и в решительную минуту мог выйти из подчинения генералам и отказаться от стрельбы по революционеру, то полковник Ивецкий должен был принять и некоторые меры предосторожности: все сопки и удобные позиции вокруг городской площади предусмотрительно были заняты японцами и офицерскими частями с пулеметами и артиллерией на случай внезапного мятежа гарнизона. Ивецкий произнес патриотическую речь, рассказал собравшимся о зловредной, предательской по отношению к „родине“ роли Чемеркина, который обессиленный и измученный стоял тут же на виду у всех собравшихся, привязанный к столбу. Затем „оратор“ собственноручно застрелил революционного героя. Чемеркин на вопрос Ивецкого, что́ он хотел бы сказать перед казнью, собрал весь остаток своих сил и, при затаенной тишине всех собравшихся, слабым голосом прокричал: „Да здравствует советская власть!“ Дальнейшие слова Чемеркина были заглушены барабанным боем, и пуля, пущенная Ивецким, прервала навсегда нить жизни героя-мученика.

Один из арестованных по делу Чемеркина,—юнкер, фамилию которого нам не удалось сохранить в памяти,—выдал и дядю Костю. С последним поступили так же. Дядя Костя с пролетарским мужеством, так же как и Чемеркин, прошел все стадии истязаний и перед тем, как офицеры собирались поднять его на блоках к потолку, чтобы потом с высоты в четыре метра плашмя бросить на асфальтовый пол, решился бежать. Он бросился в окно, выбил своим сильным телом две рамы и со второго этажа здания контр-разведки прыгнул на улицу. Отделавшись, видимо, незначительными ушибами, он голый побежал по улице. На одной из улиц города он набежал на группу офицеров, которые сообразили, в чем дело, и застрелили дядю Костю.

Такой кровавой развязкой закончилась смелая попытка товарищей привлечь на нашу сторону ослепленные реакционной агитацией, зажатые в тиски террора солдатские массы. Двое из уцелевших заговорщиков бежали к партизанам; один из них — товарищ Андреев — после стал командиром партотряда и погиб в 1920 году: белые его живым бросили в паровозную топку.

Более значительным проявлением разложения армии Колчака на Дальнем Востоке явилось восстание во Владивостоке, возглавленное чешским генералом Гайдой. История его коротко такова: в начале осени во Владивосток прибыл ген. Гайда со штабом и свитой, состоявшей из группы эсеров — Солодовникова, Краковецкого (вдохновителя иркутского юнкерского восстания в 1917 г. и одного из деятелей Комуча, армиями которого он командовал), затем энесов — Моравского, Знаменского и других вождей антибольшевистского движения, намозоливших себе руки на убийстве рабочих и крестьян на Урале и в Западной Сибири. Разногласия между Гайдой и Колчаком, наступившие после первых поражений колчаковской армии, отдаленно выражали собою противоречия между империалистическими державами, которые для обеспечения своего влияния создавали свои военные группировки внутри белого движения. Гайда и его соратник генерал Сыровой по указке Франции руководили контр-революционным движением с лета 1918 г., они свыклись со своей ролью спасителей старшей сестры-славянки, России, и без борьбы не хотели уступать место новым претендентам на эту роль, русским генералам, которые больше ориентировались на Англию и Японию Однако Гайда в этой интриге оказывается побежденным и снимается с командования в армии Колчака, после чего он отправляется на Дальний Восток с мыслью использовать там в своих целях возрастающее недовольство солдатских масс против белогвардейского правительства. Для того, чтобы добиться своих планов, будущий вождь чехо-словацкого фашизма обряжается в демократическую тогу (иначе ведь массы не пойдут за ним), разыгрывает роль левого генерала и окружает себя политическими авантюристами типа демократов Солодовникова, Краковецкого и компании. Опираясь на горсточку чехо-словацких войск и спровоцированных колчаковских солдат, Гайда 18 ноября поднимает во Владивостоке вос-

стание. Сначала дело идет успешно. Восставшие открывают огонь по штабу крепости, захватывают вокзал, ряд домов и важных пунктов. Но генерал оказался нерешительным: вместо того чтобы наступать и дальше, он превратил бой у вокзала в бестолковую стрельбу по невидимой цели. Генерал Розанов, ставленник адмирала Колчака, воспользовался нерешительностью Гайды и, собрав все свои силы, повел наступление на вокзал. Восстание было подавлено. Чтобы избавить штаб Гайды от расправы белогвардейского правительства, вмешалась в дело международная милиция (была такая введена во Владивостоке союзниками, как бы в насмешку над заявлениями о невмешательстве во внутренние дела России), которая под руководством американского майора Джонсона извлекла этих руководителей из рядов восставших, взяла их под свое покровительство и тем спасла им жизнь. Гайда и его свита потом были выданы союзниками русским властям с условием однако, чтобы им не причиняли никаких неудобств и отправили бы за границу. Так печально закончилась в России карьера этого авантюриста, который, возвратившись к себе в Чехо-Словакию, сделался в этой демократической стране главой генерального штаба и фашистского союза легионеров.

О гайдовском восстании во всех подробностях могут написать те товарищи, которые были непосредственными свидетелями и участниками его. Это восстание показало полную неустойчивость власти, терявшей всякую опору в своей армии, а также разложение и бессилие мелкой буржуазии, связывавшей свои вожделения с именем генерала Гайды, который в ее глазах продолжал оставаться выразителем ее антисоветских требований.

Отмеченные выше этапы, которые прошел прогрессирующий процесс разложения колчаковской армии, являлись предпосылкой для настоящей большевистской организации восстания.

Неудавшиеся попытки к перевороту, предпринятые рядом товарищей, не приносили существенных результатов прежде всего потому, что вопросам восстания, как особо требующего изучения искусства, ими не было уделено должного внимания: страдала техника организации, благодаря чему провал одного из руководителей обрекал на гибель все дело. Мы уже не говорим о том, что все такого рода попытки пренебрегали рядом условий (политических, стратегических и т. д.), без которых не могло быть победы. Это в свою очередь сужало их планы до размеров небольших местных, оторванных от масс заговоров, которые не могли дать больше того, как организовать перебежку десятка-двух колчаковцев в ряды партизан.

Не то было теперь. Объективные предпосылки для победоносного восстания в этот период были налицо. Красная армия своим вступлением вглубь Сибири разрушила все расчеты империалистических держав, организовавших при помощи своих интервенционных войск единый фронт российской контр-революции, в который включались все буржуазные и мелкобуржуазные партии. Мы видим, как этот фронт раскалывался на отдельные

лоскутки, враждующие между собою группировки. Гарнизоны, расположенные в городах Дальнего Востока и имеющие за собою опыт ряда, правда — неудачных, восстаний, превратились в силу, готовую немедленно разделаться с генералами. Это были своего рода белогвардейские крепости, осажденные со всех сторон неутомимо боровшимися партизанскими отрядами. Восстание Гайды показало, что солдатские массы уже готовы повернуть штык против врагов трудящихся. Гайда опирался с одной стороны и главным образом на революционное нетерпение неорганизованных масс, не пожелавших ждать благоприятного момента (к чему их призывала коммунистическая партия), с другой стороны—на те элементы воинских частей, которые еще жили демократическими иллюзиями, связанными с Комучем, Сибирской областной думой и Сибирской директорией. Позорный провал авантюры Гайды побудил первых к признанию руководящей роли большевистской партии и поколебал настроение у вторых. Жалкие попытки правительства приостановить, замедлить методами контрразведки и тюрем гигантский процесс социальных сдвигов и развала армии кончались крахом. Когда не одиночки, а вся масса точит штык против ненавистной власти, расправа с одиночками только подливает масла в огонь. Таково положение было в период ноябрь—январь.

Теперь центр, основная тяжесть революционной работы переносилась из периферии в города, туда, где на баррикадах городских кварталов должна была окончательно решиться судьба русской реакции. Партизанские отряды, являвшиеся до сих пор основной формой борьбы на Дальнем Востоке (а методы партизанской войны, особенно в приморских условиях, являлись основными методами революционной работы), делаются поэтому вспомогательными в отношении уже не только уральского фронта, но и всей стратегии нашей партии на Дальнем Востоке. В этом — сущность переживаемого момента. Лозунг завоевания и организации солдатских масс для переворота, для штурма белогвардейской Бастилии, лозунг, к которому, как видит читатель, инстинктивно пришли партизаны уже сравнительно давно, теперь стал центральным, стержневым, подчиняющим себе все остальные задачи. Раньше этот лозунг партизаны проводили наравне со своими военными операциями. Партизаны по сути дела не могли провести его своими силами, — для этого они должны были бы перестать быть самими собой. Для организации переворота, а следовательно и власти, требовалось непосредственное участие и руководство более высокой по типу организации — коммунистической партии. Мы не можем здесь касаться сколько-нибудь подробно работы нашей партии в колчаковской армии, — это сделают другие товарищи; одно можно сказать: быстро разрастающаяся организация солдатских масс, особенно после гайдовского восстания, стала теперь принимать характер прямой угрозы правительству. Задачи партизан заключались в том, чтобы нападать на белогвардейские отряды, беспощадно рвать железно-

дорожные сооружения, разрушать коммуникацию, словом—стремиться к тому, чтобы хозяйственная и общественная жизнь совершенно замерла. Это должно было вконец деморализовать врага, посеять панику и разложение в городском населении и поставить власть перед лицом неотразимой катастрофы. Так и поступали партизаны. Движение по Сучанской и Уссурийской железным дорогам почти совершенно прекратилось: дорога была в большей своей части завоевана нами; если и проходил по ней один-два поезда в неделю, так и то под партизанским контролем; пассажиры могли следовать в вагонах только в том случае, если их документы или внешний вид не внушали никаких сомнений, в противном случае они снимались и отправлялись в наш штаб. Сучанские и Зыбунные каменноугольные копи совершенно прекратили свою работу, так как основная шахтерская масса была под ружьем. Администрация этих предприятий, несмотря на свою ненависть к партизанам, стала обращаться в наш штаб с просьбой помочь спасти шахты от затопления водой, так как некому было даже выкачивать воду из шахт. Владивостокский порт, фабрики и заводы, питавшиеся в основном сучанским высокосортным углем, до минимума сократили свое производство. Военные и торговые суда, снабжавшиеся сучанским антрацитом, вынуждены были доставать для своих нужд уголь из Японии, где цены на него возросли необычайно. Уссурийская железная дорога объявила экспортерам, что она отказывается гарантировать безопасность доставки в порт транзитных грузов, направлявшихся из Маньчжурии. Сучанский гарнизон колчаковцев, чувствуя приближение катастрофы, очистил рудники, оставив там одних японцев, которые бдительно следили за развитием событий и обдумывали планы своих действий. Командующий американскими экспедиционными войсками генерал Гревс, чтобы предупредить то неловкое положение, в которое могли попасть его войска при захвате власти партизанами, спешит, в подтверждение своих прежних деклараций, объявить порядок эвакуации американских сил, немедленно очищает весь Сучанский район и стягивает свои силы во Владивосток, где на рейде уже стоят приготовленные пароходы. Японцы, напротив, форсируют новую доставку своих сил на Дальний Восток и лихорадочно укрепляются: копают окопы, строят блиндажи, обволакиваются проволочным заграждением. В наш район каждую неделю прибывают новые японские эшелоны.

Мы получаем сведения о том, что во Владивостоке 26 января 1920 г. восстал егерский батальон, бывший в свое время одной из надежнейших частей белой армии („камни заговорили“). Сущность этих событий заключалась в следующем. Батальон, в количестве около тысячи человек, арестовав своих офицеров, захватил одно из лучших зданий города, бывшее коммерческое училище, забаррикадировался в нем и объявил себя врагом розановской власти. В специальном обращении к рабочим, партизанам и крестьянам егеря заявили, что они признают единственно законную власть — только Приморскую губернскую земскую управу (которая,

кстати сказать, пережив весьма быстротечный медовый месяц своего величия после свержения советов в 1918 году, притихла и вот уже больше года сидела в лабиринтах своих канцелярий, не вмешиваясь в политическую жизнь окраины). Действительной целью восстания егерей являлось стремление восстановить советскую власть, но боязнь расправы со стороны интервентов заставила их прикрыться старыми, запылившимися демократическими учреждениями и тем нейтрализовать своих прежних друзей и союзников. Егерское восстание через четыре дня было ликвидировано на почетных для обеих сторон условиях. Между восставшими и генералом Розановым было заключено соглашение, по которому: 1) гарантировалась безопасность жизни восставшим и 2) батальон не подлежал расформированию и отправлялся цельной боевой единицей на Русский остров. Боевой пыл генерала при ликвидации восстания не мог проявиться, так как не оставалось почти ни одной воинской части, которая бы готова была выполнить его волю. Впрочем егерское восстание имело последствия и для партийного комитета. В сущности оно подтвердило тот факт, что и те воинские части, где влияние большевиков еще не успело окрепнуть, — а это было так в отношении егерей, — стихийно сигнализировали о полной готовности всего гарнизона поддержать предстоящий переворот.

ГЛАВА XXV.

Взятие Шкотова, Сучанских рудников и Никольск-Уссурийска. — Наступление на Владивосток и падение его. — Наступление на Хабаровск. — Бегство Калмыкова и его банд. — Дискуссия о тактике после захвата власти. — „Буфер" или советы.

Вся первая половина января 1920 г. прошла под знаком лихорадочной подготовки переворота. 25 января 1920 г. вторая рота 1-го Дальневосточного советского полка, под командой т. Морозова, нападает на колчаковский бронепоезд вблизи с. Шкотова и без выстрела захватывает его в плен. Команда бронепоезда, под влиянием одного из офицеров, перед этим объявила себя сторонницей советской власти и изъявила желание безоговорочно подчиниться командованию партизанского полка. Мы стали наседать на шкотовский гарнизон. Солдаты гарнизона, получив сведения о том, что партизаны с бронепоездом и пулеметами приближаются к Шкотову, высылают делегацию к нам и выражают согласие перейти на нашу сторону. К вечеру этого же дня передовые части 1-го Дальневосточного полка занимают Шкотово.

26 января ночью мы получаем из Никольск-Уссурийска телеграфное сообщение, что оперировавшие вокруг города мелкие партизанские отряды, также по приглашению солдатской делегации, вошли в город, и весь гарнизон перешел на нашу сторону. В данном случае инициатива посылки делегации принадлежала

комитету нашей партии, который к тому времени достаточно прочно завоевал и организовал солдатские массы.

Вечером этого же дня партизаны заняли Сучанские рудники. Не теряя времени, мы снеслись с Владивостокским партийным комитетом и согласовали дальнейшие мероприятия. Из Шкотова мы немедленно выслали в сторону Владивостока бронепоезд с батальоном партизан и перешедшими на нашу сторону колчаковцами с целью захватить узловой железнодорожный пункт — станцию Угольную, где пересекаются Уссурийская и Сучанская железные дороги. Военная охрана станции Угольной не решилась на сопротивление и сдала нам свое оружие. Партизанский бронепоезд направляется далее к Владивостоку, по дороге разоружает гарнизоны на станциях Океанской и Седанке и в этом последнем пункте, в 18 верстах от Владивостока, временно приостанавливает свое наступление. Таким образом во власти белых пока остаются Иман, Хабаровск и Владивосток, все же остальные города и важнейшие пункты заняты партизанами.

31 января началось наконец восстание во владивостокском гарнизоне, чего и поджидал наш бронепоезд. Боям и здесь не суждено было развернуться. Одна за другой воинские части без выстрела объявляли себя сторонниками революционных частей. Бронепоезд 1-го Дальневосточного полка, получив сведения о событиях во Владивостоке, через несколько минут занимает станцию Первую Речку и затем вступает в город. Верные колчаковскому правительству офицеры арестовываются и из своих штабных кабинетов и канцелярий отправляются в тюрьму, только что освобожденную революционерами. Генерал Розанов со своей свитой, генералитетом, контр-разведчиками и высшим чиновничеством, лишившись последнего солдата, который был бы готов защищать прогнившую до конца белогвардейскую власть, скрывается в японском штабе, откуда его на крейсере отправляют в Японию. Гостеприимство самураев избавляет всю эту банду от суда революционного трибунала. Более дальновидная буржуазия, — вернее, та ее часть, карманы которой не были еще пусты,—предусмотрительно поспешила распроститься со своей родиной задолго до прихода партизан и отправилась в неизведанный путь эмигрантских скитаний; остальная же часть, скрепя сердце, вынуждена была примириться с мыслью, что все их надежды на реставрацию контрреволюционного режима разрушены и Приморье, этот последний оплот реакции, должно перейти в руки партизан, которых буржуазия так смертельно ненавидела. В Приморьи за время гражданской войны, особенно после отступления белых с Урала и из Западной Сибири, скопились целые полчища родовитой дворянской аристократии, политических дельцов, всякого рода спасителей отечества, начиная от попов и придворных проституток и кончая маститыми эсерами и меньшевиками. Все они с прибытием во Владивосток партизанского бронепоезда в ужасе засуетились, карабкаясь во все щели в надежде скрыть себя от дневного света, наступившего после глухой ночи реакции, террора и надругатель-

ства. В это же время красные знамена, лихие партизанские песни, боевые лозунги, привезенные из таежных сопок, дружно и с гордостью подхватывались на фабриках и заводах; городские улицы, запруженные пролетариями, восторженно приветствовали партизан. События 28—31 января 1920 г. представляли собой в сущности широкое поголовное братание когда-то смертельно враждебных друг другу партизанских отрядов и солдат колчаковской армии.

31-ое января — дата партизанского переворота или, как его еще называют, бескровного переворота. Разложившийся вконец труп контр-революции уже не обладал способностью сопротивления партизанам. Никакие меры империалистических держав не могли воскресить этот труп. Японская экспедиционная армия, к тому времени одиноко оставшаяся на территории Дальнего Востока, очутилась перед альтернативой — или вступить в открытую войну с партизанами и тем самым стать на откровенный путь аннексий, или примириться с поражением реакции и дать нам возможность занять города. Естественно, что второй путь, как бы он ни был опасен, являлся более выгодным с точки зрения момента. Вследствие этого японцы не вмешивались в происходящие события и тактике вероломства предпочли—пока что—тактику дипломатических нажимов и интриг. Со взятием городов Владивостока, Никольск-Уссурийска, а затем Спасска и Имана перед партизанами оставалась задача овладеть Хабаровском, где продолжал еще держаться дегенеративный атаман Калмыков, прославившийся дикой ненавистью к революции и необычайной жестокостью.

Во Владивостоке для руководства революционной армией, теперь возросшей до 40 тысяч человек, был создан Военный совет, возглавляемый т. Сергеем Лазо. Против Хабаровска Военный совет отправил экспедицию в составе трех полков под командой Булгакова-Бельского. Атаман Калмыков, войска которого вообще не отличались боеспособностью и представляли сброд утопавших в пьянстве и воровстве бандитов, не оказывал никакого сопротивления наступлению нашей экспедиции. Поэтому овладение Хабаровском произошло через четыре дня. За этот срок экспедиция прошла около 600 верст почти без единого выстрела. В ожидании прихода в Хабаровск красных, Калмыков, отказавшись от мысли о сопротивлении, все четыре дня буйствовал в городе, расстреливал направо и налево без разбора всех, кто вызывал хоть тень подозрения в сочувствии советской власти. Эти четыре дня были самыми мрачными днями белогвардейского террора. Вся атаманская банда, кажется, решила перед своей гибелью вдоволь натешиться и возможно полнее удовлетворить свои звериные инстинкты. Женщины не показывались на улице, боясь сделаться жертвой золотопогонной сволочи. Улицы замерли. Никто не мог рассчитывать на то, что ему не пустит пули в лоб любой разгуливающий по улице пьяный солдат. С утра и до вечера шла стрельба распоясавшейся шайки. Тюрьмы разгружались от арестованных революционеров, которые целыми партиями

„выводились в расход". Город переживал дни безысходных страданий, страха и издевательств. За сутки до вступления наших войск в Хабаровск грабежи стали переноситься с частных домов на государственные учреждения. В первую очередь был разграблен Государственный банк, все ценности которого калмыковцы поделили между собой. Разделавшись со всеми, атаман Калмыков, кичившийся всегда своей храбростью и удалью, со всей своей ватагой заблаговременно покинул город и бежал на китайскую территорию, где после, по настоянию нашего правительства, был интернирован и вскоре был убит.

Таким образом вся губерния была очищена от белобандитов, 18 слишком месяцев терроризировавших рабочих и крестьян. Победа осталась на стороне партизан, выковавших в процессе борьбы свою собственную партизанскую стратегию, против которой не мог устоять тысячелетний опыт ведения войн господствующих классов. В это время Красная армия безостановочно продвигается вглубь Сибири. 8 января она занимает Красноярск, затем Иркутск. Деморализованная армия Колчака не находит в себе сил оказать сколько-нибудь существенное сопротивление. В январе в Иркутске происходит восстание гарнизона, и там образуется эсеро-меньшевистская „розовая" власть. Она пытается приостановить процесс разложения белого движения. Представитель этого правительства, меньшевик Ахматов, по прямому проводу долго убеждает Колчака (который в это время спешил в Иркутск, боясь попасть в плен к красным) в необходимости изменить политику и немедленно издать указ о привлечении к государственному управлению демократической общественности, чтобы при ее помощи можно было вновь создать единый антибольшевистский фронт. Но напрасны были иллюзии и надежды проституированной демократической общественности.

Разгром контр-революции завершился 7 февраля расстрелом вождя „единой неделимой России", адмирала Колчака, и его первого министра Пепеляева. Как только были взяты города Приморской губернии, перед партией стали две задачи: 1) организация власти и 2) создание своей регулярной армии. Были значительные трудности на пути создания одной, сплоченной единством политической идеологии и организационных принципов армии из двух, долго и упорно боровшихся между собою сил, резко отличавшихся по традициям и характеру, — из партизанских отрядов и бывших колчаковских частей. Помимо того что партизану было очень трудно примириться с мыслью, что он теперь должен стоять в одних рядах с теми, кто сознательно или бессознательно участвовал в истреблении рабочих и крестьян, кто чудовищно истязал и расстреливал его друзей и соратников, родных и близких по классу товарищей, кто уничтожал их имущество, насиловал их жен, дочерей и невест,—помимо этого почти невероятным казалось, что этому самому партизану придется даже подчиняться командованию бывших колчаковских офицеров, которых нужно было использовать для создания армии. Кроме того, партизанские

традиции, — как ни старались мы построить 1-й Дальневосточный советский полк на началах здоровой революционной дисциплины, — все же оставались в силе, хотя бы в той мере, в какой они были нужны в условиях партизанства. Ясно, что здесь требовалась величайшая осторожность в деле строительства армии, чтобы избежать возможных эксцессов. Коммунистическая партия благодаря тому, что она самым внимательным образом руководила партизанским движением почти с первых дней его рождения, пользовалась величайшим авторитетом в 1-м Дальневосточном советском полку. Достаточно было подкрепить авторитетом партии любое требование, обращенное к партизанам, как все споры и толки прекращались и самые недовольные сдавали позицию и отказывались от возражений („раз большевики говорят так, значит должно быть так, значит мы ошибаемся"). Если же какая-нибудь директива, кроме всего прочего, подписывалась еще Сергеем Лазо, этим любимцем партизан, тогда никто и глазом не моргнет; задание выполняется немедленно. Для партии 1-й Дальневосточный полк, состоявший к этому времени из двух слишком тысяч человек, снабженный тремя-четырьмя пулеметами на каждую роту, прекрасно дисциплинированный, спаянный самыми интимными товарищескими отношениями с командным составом, к тому же имевший за собою опыт многих побед,— являлся опорой во всех ее мероприятиях. Опираясь на этот внушительный кулак и вместе с тем моральный авторитет для других партотрядов, Военный совет и партия смогли сравнительно успешно разрешить проблему объединения партизан с бывшими колчаковцами и приступить к организации регулярной армии. Были, конечно, и самостийные партизанствующие отряды, но они не играли сколько-нибудь существенной роли и вынуждены были умерять свой пыл, когда 1-й Дальневосточный советский полк призывал их к порядку. Строительство армии было облегчено после того, когда по типу 1-го нашего полка был создан и 2-й Дальневосточный советский полк, в который вошли прибывшие из северной части губернии партизаны, под командой тт. Сержанта и Глазкова. Сепаратистским отрядом оставался небольшой по численности, но всегда стоявший в оппозиции к партии отряд Савицкого. Но он был слишком ничтожной силы, чтобы противостоять здоровому течению среди партизан. Шевченко к тому времени уже не имел за собою ни одного партизана, был всеми покинут. Вот и все. что могло противостоять политике партии в деле организациии регулярной армии. Никаких сколько-нибудь заслуживающих внимания эксцессов на почве реорганизации партизанских отрядов у нас не происходило. Несомненно, благоприятный ход кампании по организации регулярной армии объясняется тем, что между партией и основным ядром партотрядов была самая прочная связь и что партия правильно руководила революционным движением.

Не так просто решался вопрос о власти. Наличие воинствующей японской интервенции, ежедневно пополнявшей себя новыми военными частями, и аггрессивность японской дипломатии резко

ставили перед партией вопрос о том, что Япония не потерпит на территории Дальнего Востока власти советов. Советская страна, разоренная империалистической и гражданской войной, не могла итти, что называется, напролом и открывать военные действия против выросшего на дрождях мировой войны молодого японского империализма, накопившиеся силы которого искали выхода. Интересы революции требовали, чтобы партия исключительно по тактическим соображениям пошла в этом вопросе на компромисс и уступила часть своих политических завоеваний, т. е. она на время должна была отказаться от введения социалистических принципов в хозяйство Дальнего Востока и в соответствии с этой тактикой организовать и власть.

Из Москвы Дальневосточной организацией нашей партии была получена директива об организации буферного государственного образования в лице демократической Дальневосточной республики. Внешне самостоятельная демократическая республика должна была представлять сочетание элементов буржуазной демократии с пролетарским руководством, т. е. такой государственный тип, который воспроизводил бы идею ленинской демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Здесь мы, по понятным причинам, не можем подробно развить свою мысль и оставляем ее в более чем беглом изложении в надежде, что в другом месте и по другому поводу нам, быть может, удастся осветить ее более полно. Теперь же обратимся к тому, как встретили идею организации Дальневосточной республики партизанские массы.

Прежде всего нужно вновь и вновь подчеркнуть тот факт, что от начала и до конца партизанское движение, политически выражавшее чаянья широчайших трудящихся масс, шло под руководством пролетариата: как крестьянская беднота, так и пролетариат рассматривали эту борьбу как условие для осуществления своих классовых интересов и экспроприации экспроприаторов. Все, что противодействовало этим требованиям, становилось во враждебные отношения к партизанству или в лучшем случае придерживалось политики нейтралитета. Естественно, что компромиссная, розовая демократическая власть не могла удовлетворить пролетарскую часть партизан. Партизаны настойчиво требовали организации советской власти в чистом виде, в противовес течению, стоявшему на точке зрения демократической власти. Выражением этих настроений была внутрипартийная борьба, в то время разделившая партийные ряды на две группировки. Идейными вдохновителями лозунга советской власти в чистом виде, выразителями партизанских настроений являлись Сергей Лазо и группа примыкавших к нему молодых партийных работников и партизанских руководителей. Противоположную точку зрения возглавляли тт. Никифоров и другие. Впрочем и среди партизанской головки не было единого мнения по данному вопросу. На третий день после переворота в 1-й Дальневосточный советский полк прибыла делегация от партийного комитета с целью убедить нас в необходи-

мости организации буфера. Было устроено собрание. Разгорелась страстная дискуссия, причем Титов и Слинкин выступали за буфер, а Ильюхов, Иванов и другие — против, настаивая на формуле советов в чистом виде. Партизанская масса почти вся не соглашалась на компромиссную власть. Около месяца шла самая горячая борьба, конец которой был положен постановлением Дальневосточной партийной конференции 18 марта о создании, согласно директиве Москвы, Дальневосточной республики. Только безграничное доверие к Москве, к ЦК партии, к Ленину, имя которого для партизан являлось синонимом глубочайшего предвидения, могло заставить упорных противников ДВР отойти от своего лозунга.

Тем, кто утверждал и кто (как это явствует из статей некоторых сибирских партизан) продолжает утверждать, что партизанское движение являлось движением крестьянства в целом, мы рекомендуем изучить историю борьбы указанных выше двух течений по вопросу о форме власти, и тогда они убедятся в неправильности своих взглядов. Мы ясно представляем себе ошибочность позиции Сергея Лазо и его сторонников, стремившихся перепрыгнуть через объективные препятствия (японский империализм), увлекавшихся непримиримостью, левой фразой. Эта группа товарищей не была способна маневрировать, не выказала уменья применить политические требования к конкретной обстановке. По сути дела требование советов в чистом виде вело к вооруженному столкновению с Японией, чего нельзя было в то время допустить ни в коем случае. Этому прямому, беспересадочному, но губительному пути был противопоставлен более длинный путь, зигзагообразный, но верный, вытекающий из диалектической оценки всех конкретных социально-политических особенностей Дальневосточного края, путь к советам—через ДВР.

ЧАСТЬ VI.

На пороге новой партизанской войны.

ГЛАВА XXVI.

Нападение японских войск на революционные войска 4 и 5 апреля.—Казни и расстрелы.—Слет белогвардейщины.—Согласительная комиссия.—Гибель Сергея Лазо, Луцкого и Сибирцева.

На-ряду с принципиальными спорами, разгоревшимися в партийных кругах Владивостокской организации, среди рабочих и в партизанских отрядах по вопросу о характере и форме власти происходила напряженнейшая работа коммунистов во всех областях партийного, государственного и профессионального строительства. Главное внимание было уделено, конечно, армии. Она была первейшей заботой партии. Перешедшие на сторону революции бывшие колчаковские воинские части нужно было взять под свой политический контроль и повести там политическую работу. При Военном совете Временного приморского правительства был организован политический отдел, который занялся созданием в военных частях партийных организаций и укреплением авторитета политических уполномоченных. Институт политических уполномоченных в ротах, батальонах, полках и т. д. был введен сейчас же после переворота. На эту работу политотдел совместно с Владивостокским партийным комитетом выделил лучшую часть коммунистов. В крупных гарнизонах, в бригадах и дивизиях были также созданы политотделы. В первую очередь они были введены в городе Никольск-Уссурийске и во флоте. Везде закипела работа, и через некоторое время армия, названная народно-революционной, будучи покрыта сетью партийно-политических организаций, стала расти и укрепляться не по дням, а по часам, как действительно надежная опора революции. Из бывших колчаковских полков была изъята офицерская масса, которая проявила в прошлом активность в борьбе с революцией, а наиболее лойяльная ее часть стала работать вместе с нами не за страх, а за совесть, движимая, правда, патриотическими чувствами, подогреваемыми японским империализмом.

На-ряду со строительством народно-революционной армии шла не менее энергичная работа и в других направлениях. Партия, вышедшая из душного подполья и из-за тюремных решеток, также быстро собирала и сколачивала свои силы, создавала свои ячейки в учреждениях, на фабриках и заводах, в воинских частях и на морских судах. Спор, который происходил по вопросу о власти, принимал оживленный и страстный характер еще и потому, что условия подполья, которые порождали разобщенность членов

партии и невозможность обсудить совместно вопросы текущей политики и тактики, накопили много сомнений и невысказанных мыслей у каждого коммуниста.

Наша победа над колчаковщиной развязала могучие творческие силы партии, каждый товарищ горел желанием активно принять участие в строительстве и укреплении рядов революции; поэтому дискуссия имела необычайно широкий размах. С другой стороны, каждый из товарищей за годы нечеловеческих страданий накопил в себе такую злобу и ненависть к контр-революции и такую страсть и желание скорее восстановить на нашей территории советскую власть, диктатуру пролетариата, реализовать свои идеалы, — что лозунги советской власти в чистом виде, естественно, не могли не получить широкой поддержки в партийных и рабоче-крестьянских массах. Во владивостокском народном доме очень часто происходили многолюдные митинги по этому и другим вопросам. Работы — край непочатый стоял перед партией.

Немало усилий было приложено партией для создания профессиональных союзов, разгромленных колчаковской контр-революцией. На каждом заводе, в учреждении, казармах, всюду, куда ни заглянешь, гудело, точно улей пчел, проснувшихся от зимней спячки. Конечно, не мало в это время было ненужной суеты, напрасной траты сил. Демонстрации, устраивавшиеся по различным поводам, отличались небывалой многолюдностью, торжественностью и энтузиазмом. Чувства и настроения трудящихся масс Приморья сливались в единый бурно кипящий поток всенародного ликования, и сила этого потока была так велика, что оказалась в состоянии расплавить даже некоторые японские войсковые части, скованные железной дисциплиной милитаризма. В те дни, когда улицы Владивостока захлестывало от края до края людское море, часто в ряды демонстрантов вливались группы японских солдат. Расплывшиеся в добродушную улыбку широкие желтые лица, с белыми зубами, с черными, еле заметными, укрывшимися в косых узких щелях глазами, говорили о неподдельном чувстве ликования и радости. Солдаты расстегивали свои гимнастерки, с гордостью показывали демонстрантам приколотые на внутренней стороне красные ленточки и, выставляя большой палец сжатой в кулак руки, говорили на ломаном русском языке: „Моя тоза барсука [1], барсука шибко хоросе". Так было во Владивостоке, Шкотове, Никольск-Уссурийске и других местах.

Неменьшее оживление было среди сельского населения. Происходили волостные и уездные съезды трудящихся, устраивались по примеру города митинги, демонстрации. Смежные села выходили с красными флагами целиком, вместе с детьми, женщинами и стариками, в определенные пункты и там устраивали многолюдные народные празднества. Сюда приезжали представители партии и рабочих, разъясняли необходимость создания демократической власти, указывали на тяжелую международную

[1] Барсука—исковерканное японцами слово „большевик".

обстановку и на наличие на нашей территории японских войск, вынуждающее нас временно отказаться от введения советской власти. Крестьяне оказали немалое сопротивление попыткам ввести у них в селах демократическую власть. Они говорили: „Бились за советы, а когда победили, — на́ тебе демократию. Если создать советы нельзя, проклятые японские буржуи не дают это сделать, тогда вы у себя вверху делайте буфер, а нам в деревню дайте советы".

В марте состоялся областной съезд трудящихся; партия намерена была перед рабочими и крестьянами поставить вопрос о введении демократической власти и убедить их в необходимости временно воздержаться от советов. На этом съезде присутствовал приехавший из Москвы т. Виленский-Сибиряков. Он долго и красочно рассказывал о героической борьбе, страданиях рабочего класса и крестьянства Советской России, о тифе, голоде, разорении, которые испытали трудящиеся в борьбе с контр-революцией. От имени рабоче-крестьянских масс, партии, от имени вождя Ленина он предлагал съезду трудящихся согласиться на образование Дальневосточной демократической республики. С затаенным дыханием и неослабным вниманием съезд слушал тов. Виленского. И, как ни настроен был съезд установить у себя советы, авторитет партии и Ленина заставил его согласиться на выполнение их воли. Директива Ленина была принята к исполнению. Областная земская управа, выполнявшая функции временного правительства, была оставлена как переходная форма к демократической власти. В ее состав были введены коммунисты тт. П. Никифоров и Кушнарев.

Нужно отметить, что борьба двух течений — за и против буфера приняла наиболее острый характер именно во Владивостоке и вот почему. В самом городе и вблизи его были сосредоточены партизанские отряды, где требование советов было выражено наиболее ярко и непримиримо. Против политики уступок и компромиссов в вопросе о власти были настроены также и рабочие массы. Под давлением этих настроений здесь, а также в наиболее революционном Ольгинском уезде были сделаны некоторые отступления от принятой линии. Эти уступки характеризовались тем, что на-ряду с областной земской управой — временным приморским правительством в городе Владивостоке и в волостях Ольгинского уезда были избраны городской и сельские советы. Правда, постигшие нас неожиданно в ближайшие же дни после избрания советов события исключили всякую возможность существования этой двухпалатной системы управления (вверху буферная форма, внизу советы). Однако самый факт избрания упомянутых советов является показательным в том отношении, что он характеризует высокую степень давления на партию со стороны трудящихся масс. Это показывает, насколько глубоко и прочно идея советовластия вросла в сознание трудящихся масс Приморья и Дальнего Востока.

Разумеется, что развернувшийся всюду, на всех участках (армия, профсоюзы, партия), небывалый темп организационного строительства не мог оставаться незамеченным со стороны японских милитаристов, бдительно следивших за нашей работой. С одной стороны, перестроение армии, ее укрепление, вооружение вышедших из сопок многотысячных отрядов партизан, происходившее за счет богатейших материальных ресурсов владивостокских интендантских складов и арсеналов, находившихся под строгим японским наблюдением и контролем, и, с другой стороны, процесс разложения японских частей, доходивших иногда до открытого проявления своего недовольства перед почтенными самураями, заставляли японские штабы всерьез тревожиться за судьбы своей империалистической политики на Дальнем Востоке. Избрание городского совета во Владивостоке, тот энтузиазм масс, с которым было встречено первое его заседание, для японского штаба являлись сигналом назревающей опасности для контрреволюционных сил. Японские генералы с грустью и тревогой должны были смотреть за процессом катастрофического разложения и вырождения всех противосоветских политических партий—кадетов, эсеров, меньшевиков и т. д. В самом деле, армия охвачена большевистскими организациями, профсоюзы целиком идут за коммунистической партией, авторитет Военного совета укрепился: все это не могло не оказать соответствующего результата на распад белогвардейских элементов. Вполне законная тревога японских милитаристов обнаруживалась ежедневно — сначала в виде всевозможных мелких придирок по отношению к нашей власти, а затем и в виде открытого вторжения японцев в нашу работу. То внезапно появляются японские части на центральном телеграфе, то ими захватывается вокзал, то происходят конфликты с отдельными воинскими частями и гарнизонами. Там, глядишь, окружен наш склад с вооружением и обмундированием, опечатан японскими офицерами, выставлен патруль, арестовывается заведующий этим складом. Там захватят нужные для нас казармы и лишают возможности разместить наши воинские части. Все эти булавочные уколы требовали много сил, чтобы сдержать негодование партизан. Мы ясно понимали, что наши завоевания стоят как кость в горле у японских хищников и что при дальнейшем укреплении нашего дела перед японцами фатально должна будет стать альтернатива: или покинуть территорию Дальнего Востока, или объявить нам вооруженную борьбу. Поэтому мы не теряли времени и всеми силами старались как можно больше выхватить из Владивостока оружия и приступить к поголовному вооружению трудящегося населения. Совершенно естественно, что потратившая так много сил и средств на организацию колчаковской контрреволюции и достаточно свыкшаяся с мыслью о том, что добрую часть Дальнего Востока можно будет захватить в свои империалистические лапы, Япония всеми мерами старалась сохранить белогвардейщину на тот случай, если развернется вновь борьба против рабочих и крестьян. Через свои партизанские полки и

в первую очередь через 1-й Дальневосточный советский полк, который по нашим расчетам должен был явиться организационным центром возможной партизанской войны, мы вывозили в села большое количество оружия, припасов и обмундирования. В частности почти поголовно было вооружено корейское население.

Сучан и Ольгинский район, понятно, являлись опорными пунктами и базой на случай вооруженной борьбы с японскими интервентами. Внешне официальные японские круги старались показать свое миролюбие. Они часто устраивали банкеты, рауты, широко принимали участие в наших парадных торжествах. Дипломаты Исоме, Мацудайра, Хужесуки и другие бессменно работали то в той, то в другой русско-японских согласительных комиссиях, создававшихся на почве „недоразумений", как называли японцы свои повседневные вторжения в нашу горячую творческую работу.

В конце марта 1920 г. была создана во Владивостоке русско-японская согласительная комиссия, куда с нашей стороны входил представитель Военного совета т. Цейтлин. Задачей этой комиссии считалось урегулирование взаимоотношений с японцами; мы надеялись через комиссию добиваться оттяжки неминуемого столкновения с ними. Особенно неприязненно относились японцы к партизанам.

Учитывая это, а также в целях наиболее успешной подготовки населения к вооруженному сопротивлению японцам на случай их выступления, мы разместили партизанские отряды по преимуществу не на территории города Владивостока. Это обстоятельство должно было облегчить нашу политику оттяжки выступления интервентов против нас. Однако, не смотря на внешнее спокойствие и показное дружелюбие японцев, их воинские части все время держались начеку и тем самым обязывали нас к бдительности и настороженности. Загадочное передвижение японских военных эшелонов по железной дороге, сооружение окопов, насыпей, проволочных заграждений вокруг японских казарм — все это предвещало наступление грозы и указывало на неизбежность столкновения с японцами. Нам нужно было оттянуть час наступления японцев еще и для того, чтобы дать передышку партизанским отрядам, боровшимся целые годы с контр-революцией в условиях тайги, полуголодного существования, лишений и невзгод. Не в меньшей мере требовалась эта передышка для рабочих и крестьянских масс, переживших ужасы казней, расстрелов, террора и надругательств. Стратегически же в первую очередь нужно было разбить войска атамана Семенова, выбить „забайкальскую пробку" [1], которая разъединяла нас с Советской Россией.

Одним словом, мы должны были уступать японцам для того, чтобы окончательно разгромить русскую контр-революцию и

[1] „Забайкальской пробкой" назывались банды атамана Семенова, занимавшие территорию Забайкальской области, через которую пролегали железнодорожные пути, связывающие Дальний Восток с Россией.

получить хотя бы небольшую передышку. Все это заставляло нас, скрепя сердце, заседать в различных согласительных комиссиях. Напряженное состояние, которым сопровождались работы согласительной комиссии, должно было, как казалось, смениться, в результате достигнутого сговора, более спокойной обстановкой.

4 апреля, в 5 часов дня, был заключен с японцами договор, согласно которому устанавливались наиболее терпимые взаимоотношения. Он носил характер обоюдных обязательств и формально признавал за обеими сторонами равноправие. Все верили, что опасность столкновения, по крайней мере на самое ближайшее время, миновала. Но мы ошиблись в расчетах. Мы не могли подумать, что через час-два после соглашения мир явится свидетелем небывалого злодейства и коварства японских империалистов. Никто из нас не думал, что это соглашение явится дымовой завесой, заслоняющей перед нами варварские намерения нашего врага. Надо полагать, что в тот момент, когда мы успокоились в результате достигнутого соглашения, японское командование отдало приказ по всей линии расположения своих военных сил приготовиться к бою.

В 11 часов ночи с 4-го на 5-е апреля, т. е. через шесть часов после заключения дружественного соглашения, на главных улицах Владивостока, в районе расквартирования наших воинских частей и учреждений, повсеместно и одновременно раздались раскаты ружейной, пулеметной и артиллерийской стрельбы. Японская эскадра, расположенная в бухте Золотой Рог, открыла ураганный огонь по городским кварталам. Все важнейшие пункты— областная земская управа, Военный совет, штаб войск, морской штаб, вокзал, флотские казармы и т. д.— были атакованы и захвачены многочисленной японской пехотой, и затем над этими зданиями были вывешены японские флаги.

По городу сновали автомобили, перебегали бесконечные цепи японских солдат, воздух наполнился трескотней пулеметов, винтовок и гулом артиллерийской пальбы. Город превратился в ад. Женщины и дети с ужасом перебегали из квартиры в квартиру, пытаясь найти убежище от разрушающего артиллерийского огня. Наши военные части, захваченные врасплох, частью сдались в плен, частью дрались с полчищами озверелой японской армии. Сотнями убитые и раненые валялись на улицах. Здание, где помещалось правительство, было изрешетено из установленных на балконах противоположных домов японских пулеметов, здание Военного совета было разгромлено цивилизованными вандалами: столы, стулья и прочая мебель изрублены, изломаны, во всех окнах выбиты стекла, все комнаты превращены в развалины.

Разгулу японской военной реакции теперь почти никто уже не мог противостоять. И вот почему.

Наши руководящие и партийные центры с самого начала, как только мы пришли к власти, считали столкновение с японскими милитаристами неизбежным. Эта неизбежность была заложена в самом факте присутствия вооружен-

ных до зубов интервенционных японских дивизий. Да и вся тогдашняя политика Японии по отношению к русскому Дальнему Востоку предопределяла их попытки вооруженного нападения и захвата Приморья—по крайней мере. Исходя из этого, Военный совет заблаговременно разработал стратегический план действия для наших войсковых частей на случай выступления японцев. Согласно этому плану, который был заранее сообщен специально собранным командирам отдельных частей и гарнизонов, военные части в гарнизонах должны были быть расквартированы так, чтобы их можно было с наименьшими жертвами вывести в область в момент внезапного нападения противника. По части боевых действий приказом давалась директива в том смысле, что сопротивление противнику могло быть оказано в той мере, как это было необходимо для наиболее организованного вывода частей из-под огня японцев.

Как видно из сказанного, командование не предполагало ввязываться с противником в серьезные бои. В основе этого приказа—плана действий—лежал здравый реальный учет соотношения живых и технических сил своих и противника. Перевес был полностью на стороне японцев.

Однако события развернулись так, что этот приказ остался невыполненным, и в результате этого наша армия, точнее — некоторые гарнизоны, оказались разбитыми, разоруженными и частью сдались в плен, причем понесли и довольно значительные жертвы. Помимо внезапности выступления японцев, нужно указать еще на одно важнейшее обстоятельство, деморализовавшее в критический момент наши части и содействовавшее полному разгулу японцев.

Состоявший в качестве командующего войсками при временном правительстве — тогда еще эсер — А. А. Краковецкий, назначенный на этот пост больше по дипломатическим соображениям, допустил следующий шаг: узнав о выступлении японцев, он в первый же момент немедленно отдал приказ по войскам „не оказывать японцам сопротивления и сдавать оружие", причем приказ этот был отдан без согласования хотя бы с отдельными членами Военного совета, которому Краковецкий непосредственно был подчинен.

Такое распоряжение естественно предрешило исход дела: оно развязало японцам руки и дало возможность быстро разгромить и разоружить в первую голову владивостокский гарнизон.

Остается и до сих пор непонятным, почему все-таки Краковецкий поспешил сепаратно избрать такой выход из положения, чреватый тяжелыми последствиями не только для нашей армии.

С большим трудом и риском для жизни членам Военного совета — тт. Лазо, Луцкому и Мельникову, а также секретарю парткома Вс. Сибирцеву удалось в момент развернувшихся событий собраться в здании Следственной комиссии (на Полтавской ул. в д. № 3), откуда они полагали, связавшись с частями, руководить их действиями.

Прежде других им удалось связаться с одним из пехотных полков, располагавшимся в Гнилом Углу (предместье Владивостока); этот полк и сообщил Военному совету о полученном от командующего приказе. Полку дано было распоряжение в боевом порядке и готовности отступить из города, когда были получены сведения из ряда других частей о таком же приказе и о том, что они разоружены, взяты в плен или окружены японскими войсками и лишены возможности выйти из города.

Естественно, для таких частей, поставленных под дуло винтовок и пулеметов, было бы безрассудством вступать в драку с японцами, и они с проклятием должны были исполнять приказ Краковецкого.

Вскоре Военный совет потерял всякую связь с войсковыми частями: телефонные провода были перерезаны.

На здание Следственной комиссии напали японцы и здесь арестовали всех перечисленных выше товарищей.

Однако этой участи ловко избежал главком Краковецкий. Он во-время скрылся в штабе чехо-словацких войск, а через несколько дней покинул Владивосток и на морском транспорте, вместе с чехо-словацкими легионами, под их покровительством, уехал в Чехо-Словакию, в Прагу, и уж потом оттуда пожаловал в Советскую Россию.

Нападению подверглись наши гарнизоны также в Никольск-Уссурийске, Имане и Спасске, а наибольшую жестокость японцы проявили в Хабаровске, где были сосредоточены главным образом партизанские отряды. Город в значительной своей части был подвергнут полному разрушению. Лучшие здания были превращены в развалины и пепелища снарядами японских батарей. В эти страшные дни 4-5 апреля японцами были схвачены и арестованы и затем расстреляны тысячи русских граждан. Сотни и тысячи молодых жизней были загублены японскими генералами. Особенно зверски японцы расправились с корейцами. Нечеловеческая ненависть японцев к корейцам в те дни была продемонстрирована в неподдающихся описанию видах. Корейская Слободка,—окраина Владивостока, где проживали корейцы,—пережила потрясающие разбои и насилия. Озверелые банды японских солдат гнали несчастных корейцев из Слободки, избивая их прикладами. Пленные, оглашая стонами и воплями улицы Владивостока, избитые до полусмерти, путаясь в своих длинных белых халатах, разодранных и залитых кровью, шли, еле поспевая за японскими конвоирами. Подвалы, погреба, тюрьмы были заполнены арестованными. Трудно сказать, сколько корейских товарищей погибло в эти дни от рук палачей.

Тогда же были арестованы японцами во время делового заседания тт. Сергей Лазо, Луцкий, Мельников и Сибирцев. За исключением Мельникова, сумевшего ловко обмануть японцев и освободиться из-под ареста, все эти товарищи,—в том числе и наш партизанский вождь — т. Лазо, — погибли. После пыток и издевательств они были при помощи русских белогвардейцев

живьем брошены в топку паровоза и там сгорели. Тов. Лазо, будучи под арестом, первое время не был опознан, и партийная организация уже наладила ему побег. Однако этот благороднейший товарищ, видя вокруг себя много других арестованных бойцов, отказался от побега, считая предложение партийной организации неприемлемым для себя вследствие того, что оно ставило его в привилегированное положение по отношению к другим арестованным бойцам. Сергей заявил: „Или все будут освобождены, или я вместе со всеми должен умереть". И он умер трагической смертью. Сравните героическую смерть Лазо с поведением Краковецкого, бежавшего в Прагу в момент казни рабочих и крестьян, и тогда личность Сергея представится еще более возвышенной.

Конечно, нападения японцев не ограничились разгромом войсковых частей. Жесточайшим разрушениям и репрессиям подверглись рабочие и крестьянские организации. Сапог и приклад японского солдата—слепого орудия в руках генералов—здесь проявил свою безобразную власть. Но что могли сделать рабочие в тот момент, когда армия разрушена и разгромлена? Со скрежетом зубов им приходилось итти в подполье, а город отдать на хозяйничание варварам. Террор усилился еще пуще, когда после описанных событий во Владивосток из Харбина стали прибывать группы офицеров и солдат белогвардейских частей, разбитых на фронтах Сибири Красной армией. Под явным покровительством японских штабов эта разношерстная банда семеновцев, дутовцев, хорватовцев, каппелевцев, калмыковцев и прочих многочисленных „защитников родины" здесь почувствовала себя как щука в омуте. Заломив лихо шапку набекрень, демонстративно навесив достаточно поблекшие погонишки, эта сволочь занялась ремеслом собак-ищеек. Хватали на улицах всякого, кто по их соображениям казался большевиком или партизаном; производили направо и налево казни и порки. Ходили слухи, что японцы передадут этому белогвардейскому сброду власть в городе и что этот „переворот" должен состояться в 20-х числах апреля. К этому дню пришли со станции Пограничной несколько эшелонов с офицерами. Партийным комитетом была выделена „тройка" для организации защиты города от захвата власти белогвардейскими головорезами; в состав „тройки" были назначены тт. Рукосуев-Ордынский (расстрелянный в 1921 году каппелевцами), Титов М. и Костя Пшеницын. „Тройка" наскоро вооружила грузчиков Эгершельда [1], рабочих судостроительного завода и партийцев винтовками и бомбами и одела их в форму милиционеров (милиция японцами была разрешена тогда в числе 300 человек, и называлась она „дивизионом народной охраны"). В указанный срок устроены были засады в основных стратегических пунктах и общественных учреждениях города. Но переворот не

[1] Часть владивостокского торгового порта, где работало до 5 000 грузчиков.

состоялся, очевидно потому, что японцы еще не потеряли надежду путем давления на нас добиться добровольной передачи власти белогвардейским элементам. Все коммунисты находились на полулегальном положении. В атмосфере террора и угрозы в любой момент быть раскрытыми, схваченными и растерзанными приходилось нам, сравнительно небольшой по численности группе коммунистов, искать выхода из ада кромешного, не имея связи с внешним миром, находящимся за пределами города, а порой даже улицы. В первый же момент после разгрома японцы наглухо закупорили город со всех сторон. Бойцы нашей армии, ринувшиеся из города в сопки для вступления в ряды партизанских отрядов, встречали почти на каждой тропинке, не только на дороге, японские цепи, которые без всякого предупреждения открывали ружейный огонь по ним и убивали на месте. Поэтому выход из города в первые дни после погрома почти был немыслим. Однако постепенно кровавый ураган проходил, и мы мало-по-малу, снабжая товарищей подложными паспортами, стали отправлять их в одиночку и небольшими группами в разные концы губернии. Тяга в таежные сопки была невероятная. Да оно и понятно. Каждый сознавал, что в городе он бессилен что-либо сделать, что в деревнях крестьянство тоже достаточно растерялось и не отдает ясного отчета в событиях и что, следовательно, нужно всем революционерам, могущим стать в ряды бойцов, отправиться туда и создавать военные части. Началась разгрузка города. Ежедневно днем и ночью уходили товарищи в тайгу, минуя японские кордоны. Были похожие на анекдот случаи, характерные для того момента. Так напр., через два-три дня после разгрома мы принялись за очистку складов с вооружением и обмундированием, находившихся при различных русских частях. Обозы из ломовых извозчиков, рискуя головой, вывозили на пароходы и китайские шаланды все ценное имущество прямо на глазах у японцев. Когда японцы пытались препятствовать этому, наши товарищи заявляли, что они купцы и везут товар мирного значения. Такие контрасты, как необычайная жестокость японцев, проявлявшаяся на каждом шагу ко всякому в малейшей степени заподозренному в сочувствии коммунистам и партизанам, и, с другой стороны, полное спокойствие и находчивость тех же коммунистов и партизан, под носом врага разгружающих склады военного имущества, могли уживаться только в обстановке, свойственной полной неразберихе и сумятице.

Что же в это время происходит в других городах?

В момент выступления японцев в Никольск-Уссурийске заседал Приморский областной съезд трудящихся, где решались вопросы о власти. Часов в 6 вечера 4-го апреля в этом городе вокзал был внезапно захвачен японскими жандармами. Местная власть начала вести с японцами переговоры для ликвидации инцидента. Однако переговоры затягивались. Ночью около вокзала японские цепи стали окапываться и не допускали к нему никого из русских. Через некоторое время наши части также

стали принимать боевой порядок. В 2 часа ночи со стороны японцев началась редкая ружейная стрельба, которая вскоре была подхвачена их же артиллерией, направившей огонь по нашим казармам. Благодаря постепенному развертыванию событий наш гарнизон имел возможность более организованно, нежели в других местах, отступить из города. Отступавшие войска брали направление к городу Спасску. Однако все важнейшие пути и железная дорога были уже заняты японцами, и поэтому нашим частям пришлось пробиваться с боями. Небольшая часть гарнизона во время боя в городе подверглась сильнейшему обстрелу японцев и должна была отступать в беспорядке. В это время был весенний разлив многоводной реки Суйфуна. Некоторые части, дезорганизованные огнем противника, пытались перейти реку вброд, и многие погибли. Однако через 6-7 дней войска никольско-уссурийского гарнизона все же достигли района города Спасска.

В самом Спасске до переворота японский гарнизон имел тысячи 2-2½ солдат различного рода оружия при 3 бронепоездах. Расположенные в казармах на окраине города, японцы после своего выступления укрепились, опутали казармы в несколько рядов проволочным заграждением и устроили окопы. К моменту событий численность их гарнизонов удвоилась. Инициатива боевых действий и здесь, конечно, принадлежала им. Наш гарнизон со значительными потерями отступил из города, но потом, приведя себя в боевой порядок, предпринял наступление на японцев. В результате упорных боев наши заняли сначала вокзал, а затем и бо́льшую часть города. Когда прибыли части никольско-уссурийского гарнизона, нами был взят весь город, а японцы заперлись в своих казармах. Они таким образом потеряли связь с Владивостоком и Хабаровском. С приходом войск из Никольск-Уссурийска был образован спасский фронт. По стратегическим соображением мы оставили город, который после этого представлял собою нейтральную межфронтовую полосу. Во главе фронта стоял полевой штаб; командующим фронтом являлся т. Андреев, и начальником штаба—Ильюхов. Однако, если японцы были изолированы от своих главных сил, то и мы не имели никакой связи с Владивостоком, откуда можно было бы получить информацию и директиву. Штаб фронта расценивал положение так: выступление японцев знаменует собой оккупацию Приморской губернии, которая должна перейти в аннексию если не всего Дальнего Востока, то большей его части. Исходя из этого, штаб считал необходимым держать в состоянии изоляции японский спасский гарнизон, образовать заслон на Красной Речке, около Хабаровска, и в случае наступления японцев, против которого мы оказались бы не в состоянии держаться, произвести разрушения железнодорожной магистрали и всех укреплений, чтобы японцам оставить пепелища. Из Хабаровска японцы делали несколько попыток пробить наш заслон для оказания помощи спасскому гарнизону, но эти попытки были безуспешны. В селах в эту пору, благодаря отсут-

ствию нашей информации, ползли всюду самые нелепые слухи. Белогвардейщина распускала сведения, что коммунисты сговорились с японцами и собираются предать рабочих и крестьян и отдать их на растерзание интервентам; говорили, что главари сейчас состоят на службе у японцев и получают большие деньги. Вернувшиеся в свои села, зараженные паникой, деморализованные партизаны иногда поддерживали эти слухи. Особенно ревностно занялись такой „работой" партизаны анархистствовавших ранее отрядов Гурко в Имано-спасском районе и не безызвестного марионеточного атаманчика Савицкого на Сучане. Отряд его перед выступлением японцев занимал окраину Шкотова и не подвергся нападению японцев; вместо того, чтобы оказать поддержку партизанам 1-го и 2-го советских полков, на которых был сосредоточен весь огонь японцев, отряд ушел из Шкотова в сопки почти в полном своем составе.

Когда т. Титову пришлось снова, по приказу партийного комитета, отправиться на Сучан с целью собрать оставшиеся партизанские отряды и организовать их, он встретил со стороны части партизан, с которыми долгое время провел в сопках, довольно недружелюбное и недоверчивое отношение; так была сильна агитация против коммунистов и руководителей, якобы продавшихся японцам. Немало потребовалось усилий, чтобы дать ясное понимание смысла происходивших событий и рассеять черные провокационные слухи об измене и предательстве. Нужно сказать, что вскоре Владивостокский комитет партии отправил значительное количество партийцев, бывших политических уполномоченных в военных частях, по деревням с целью дать правильное освещение событий, подкрепить настроение бойцов и организовать их снова для дальнейших битв. Основные наши силы дожны были сосредоточиться на левом берегу р. Амура, где предполагалось образовать фронт против японцев. Тт. Титов и Соскин собрали партизан на Сучане и решили отправиться с ним через тайгу в город Иман, а затем на барже плыть по реке Уссури до села Казакевичей и оттуда на фронт. Во время своего перехода отряд стал разбухать за счет присоединявшихся к нему партизан. Многие товарищи последовали совету партии и отправились за сотни верст по глухой тайге на фронт, терпя нечеловеческие лишения.

* * *

Совершив омерзительный разбой в городах Приморской губернии, японское командование остановилось на распутьи, что́ делать дальше: объявить формально оккупацию в Приморьи или держаться иной тактики? Для оккупации как будто не было достаточных условий, не было одобрения со стороны других иностранных держав, к тому времени эвакуировавших свои войска с Дальнего Востока. Оставить Приморье в руках Японии империалистические государства, конкурирующие с ней за сферу влияния, не соглашались, — уж больно жирный и лакомый кусок

представляло это побережье Тихого океана. Наступил период фактического междувластия, который однако долго длиться не мог. Японцы начинают через своих дипломатов разыскивать т. Никифорова, с тем чтобы он составил правительство. Так как т. Никифоров, по директивам партии, отказывался от разговоров с японцами по этому вопросу, последние вынуждены были согласиться на признание власти временного правительства Приморской области, которое было избрано на съезде трудящихся. Это правительство предъявило японцам ряд требований в духе признания за ним законных прав и настаивало на выполнении обязательств, которые японцы взяли на себя в договорах, заключенных до событий 4—5 апреля. Опять на сцене появляется русско-японская согласительная комиссия, которая больше известна была как комиссия т. Цейтлина.

В эту пору американские резиденты и многочисленные корреспонденты с видом туристов расхаживали по городу, фотографировали разрушенные здания, трупы расстрелянных и убитых и собирали документы для коллекций о былых днях своего интервентского господства на Дальнем Востоке.

Японские газеты—„Владиво-Ниппо“ и другие—усиленно муссировали версию, что на японских солдат, этих „невинных и беззащитных“ людей, в ночь на 4—5 апреля внезапно напали русские части и притом именно шайки красных партизан и что в целях обороны японцы вынуждены были сражаться. Это подлое лицемерие, эта невероятная ложь с полной очевидностью могли быть опровергнуты хотя бы тем, что на зданиях, откуда громили город японцы, при всем желании нельзя было обнаружить ни одного пулевого знака. Американцы, конечно, знали цену этим утверждениям японских газет и дипломатов. Они засняли разгромленное здание областной земской управы и тот дом, из окон и с балкона которого был пущен свинцовый дождь из японских ружей и пулеметов по зданию управы. Расстояние между этими двумя домами не превышало 30-35 метров, и очевидно, что, как бы плохо ни стреляли наши бойцы, но на такой дистанции должно было бы попасть в трехэтажный дом хотя бы несколько пуль. Словом, американцы вполне могли составить себе представление о событиях в их истинном свете, но перед рабочим классом и крестьянством они не желали разоблачать своих соратников.

29 апреля между нашим правительством и японским командованием был заключен договор, согласно которому ни в одном городе Приморской губернии и в пределах 30-верстной железнодорожной полосы мы не имели права держать военных сил. Для охраны порядка нам разрешалось иметь лишь милицию численностью не свыше трех с половиною тысяч человек, из которых 1100 человек могли находиться во Владивостоке. Однако фактическая численность милиции была гораздо меньше, так как японцы не давали нам оружия и удостоверений личности, без которых милиционер не мог выполнять возложенных на него обязанностей. Этот договор обычно называли „брестским договором“, но

такое сравнение едва ли является правильным. Дело в том, что в силу создавшегося положения мы без японцев, без японского документа не имели права носить оружие, ставить на милицейский пост милиционера, передвигать милицейские части из одного пункта губернии в другой, не получали железнодорожного подвижного состава, без визы японских интендантов не могли получить ничего для обмундирования милиционера, ни одного фунта муки для довольствия дивизиона народной охраны. Договор от 29 апреля был подписан под дулом револьвера нашими товарищами, согласившимися на такой шаг в интересах революции.

Часть русско-японской согласительной комиссии выехала на фронты с целью добиться добровольного отступления наших войск на левый берег Амура, где договор уже не имел силы. В числе выехавших на фронт членов комиссии от нас были тт. Уткин и Граженский, а также товарищ Владивостоков. Эти товарищи вместе с японскими представителями объехали все фронты и, выполнив свои поручения, возвращались во Владивосток. Поезд, в котором они следовали, охранялся японскими войсками. В г. Имане белогвардейцы при содействии японцев ворвались в вагон русской делегации и выстрелами из револьвера убили Уткина и Граженского. Убийцы не были не только задержаны японскими часовыми, но им было оказано даже содействие для побега. Вскоре после этого возвращавшийся из г. Имана в гор. Владивосток бывший командующий спасским фронтом т. Андреев был в г. Спасске снят с поезда японцами и затем, по примеру с т. Лазо, был также живым брошен в топку паровоза. Перед нами продемонстрирован был новый акт коварства и наглости японских генералов. С болью в сердце переживали мы все унижения. Партизаны, рабочие и крестьяне Приморья не могут забыть этих надругательств. Но не было у нас сил обуздать распоясавшихся международных бандитов. Боль от унижения лишь с большей силой сплачивала борющиеся массы. Вокруг партии и ее лозунгов, вокруг идеи диктатуры пролетариата в железную фалангу сковывались революционные ряды рабочих и крестьян.

В Приморской губернии не осталось почти ни одной воинской части, за исключением небольшого отряда в селах Ракитном и Анучине.

События 4—5 апреля, в результате которых мы потеряли тысячи лучших товарищей и в числе их нашего любимого вождя т. Лазо, открыли новую главу борьбы рабоче-крестьянских масс за советскую власть на Дальнем Востоке. Долго трудящиеся Приморья будут вспоминать эти события и, скрепя сердце, ждать достойной расплаты с виновниками многочисленных жертв, страданий и надругательств.

ГЛАВА XXVII.

Антоновское правительство. — Организация технического отдела.—Два восстания белогвардейцев.—Каппелевцы стекаются в Приморье. –Восстание белых 26 мая.— Свержение антоновского правительства.—Возобновление партизанской борьбы.

После кровавых событий 4—5 апреля в Приморьи, особенно во Владивостоке, создалась обстановка необычайно сложная и ответственная. Перед партией стояла задача во что бы то ни стало удержать здесь власть в своих руках. Штаб японских войск, напротив, был заинтересован в том, чтобы в противовес образовавшемуся в гор. Верхнеудинске правительству Дальнего Востока, возглавлявшемуся т. Червонным, было создано правительство из правых партий, ведших борьбу с Советской Россией. Японский штаб хотел создать в Приморьи черный буфер, а в случае неосуществимости этого плана японцы намерены были добиваться соглашения с правительством „розового буфера" и вырвать от него больше уступок. Несомненно политика японского штаба, фактическое руководство которой принадлежало умному начальнику штаба интервентских войск генералу Таканаяги, была не беспочвенной и обещала серьезные успехи. Для противодействия японской политике мы к этому времени располагали явно недостаточными силами, притом часто эти силы не считались политически надежными. Дивизион народной охраны, который формально считался резервом милиции, находился всецело под нашим влиянием, зато эскадрон личной охраны командующего войсками был укомплектован главным образом офицерами и являлся прямым нашим врагом. Бежавшие из Западной Сибири целые полчища контр-революционных политических деятелей различных антисоветских партий, начиная от откровенных монархистов и кончая эсерами и меньшевиками, стали развивать энергичную деятельность, направленную на создание правого правительства. Каждая из этих политических группировок пыталась организовать вокруг себя кадры офицерства и белогвардейских солдат, заполнивших города Приморья после разгрома забайкальского фронта. На ст. Гродеково, в центре уссурийского казачьего войска и бывшей столице атамана Калмыкова, образовалось войсковое правление, которое, под руководством калмыковских генералов Савельева и Савицкого, приступило к организации казаков для свержения нашей власти в губернии. В Гродеково начали стекаться все бывшие калмыковцы и различный сброд из местной „золотой молодежи": студенты, гимназисты, всякие бездельники и авантюристы. В г. Спасске также хозяйничала шайка белых бандитов, руководимая казачьим офицером Бочкаревым. Словом, под руководством японского штаба повсюду форсированным темпом создавались белогвардейские военные организации, которые все силы направляют на то, чтобы создать в Приморьи свою власть и затем в той или иной форме, опираясь на поддержку японских войск, начать борьбу против верхнеудинского правительства.

Легко понять, что нам было нелегко удержаться у власти при таком соотношении сил, когда мы всерьез не располагали и 300 штыками, без пулеметов, с одними только винтовками, к которым, по договору 29 апреля, мы имели право держать не более 50 патронов на каждую. Давление на антоновское правительство (так называлось наше правительство, возглавляемое т. Антоновым) со стороны японских генералов и правых политических партий было настолько сильно, что это правительство нередко становилось малоспособным к решительному отстаиванию своих позиций и шло от одного компромисса к другому. В конце концов эти уступки нашей власти привели к тому, что решающие министерские посты попали в руки наших врагов, представителей эсеров и либералов из лагеря правых [1]. Ведомством внутренних дел управлял непримиримый противник верхнеудинского правительства эсер Гуревич; начальником областной милиции, в ведении которого формально должен был находиться и дивизион народной охраны, наша единственная опора, был назначен известный в Приморьи полуавантюрист Колесниченко, правая рука Гуревича. Этот Колесниченко всячески вел борьбу с нами и в своей сепаратистской политике, инспирированной, конечно, его патроном, ставил нам на каждом шагу затруднения. Он дошел даже до такой наглости, что однажды арестовал нашего политического уполномоченного при начальнике дивизиона народной охраны коммуниста М. Зона.

Управляющим военным ведомством и командующим войсками был назначен генерал Болдырев, который по замыслу партийной организации должен был играть роль ширмы для нас; японцы почти открыто вмешивались в назначение руководителя на этот пост, отводили всех коммунистических кандидатов и добивались того, чтобы командовало войсками лицо, не имеющее никакого отношения к коммунистам. Менее важные в нашей обстановке правительственные посты занимали коммунисты и близкие к нам беспартийные. Для того, чтобы выбить из рук правых и японцев аргументы против верхнеудинского правительства, которое они обвиняли в „недемократичности“ и в том, что персональный состав этого правительства являлся прямой „агентурой Москвы“, антоновское правительство созвало Народное собрание Приморской губернии, избранное по всем правилам четыреххвостки. Таким образом у нас создалась целая система государственного управления со своими министрами, парламентом, с многочисленными парламентскими фракциями, со спикером и прочими атрибутами пресловутой западно-европейской демократии. Впрочем, как и нужно было полагать, настоящие дела делались вне этой фальшивой государственной системы. Доподлинная борьба происходила в подпольи, где два лагеря энергично готовились к решительной схватке: японский штаб и окружавшие его правые

[1] Антоновское правительство было создано на коалиционных основаниях, и в него кроме коммунистов входили представители эсеров, меньшевиков и беспартийных, шедших за этими партиями.

политические партии, опиравшиеся на многочисленные белогвардейские организации, с одной стороны, и коммунистические организации вместе с рабочим классом и трудящимся крестьянством— с другой.

При губкоме нашей партии был создан технический отдел, в задачу которого входила организация военных сил партии. В состав этого отдела были введены военные партийные работники: тт. Пшеницын, Ильюхов, Лебедев и Шишлянников Рафаил. Технический отдел, помимо чисто военной работы, широко развернул потом чрезвычайно важную работу, идентичную с работой ГПУ, и начал создавать боевые дружины в селах и на заводах. Характерно, что во главе госполитохраны, этого важнейшего государственного органа охраны, в то время стоял член Сибирского союза с.-р. Лимберг (Тарасов), который занимался больше тем, что подкармливал свою организацию из кассы госполитохраны.

В гг. Владивостоке и Никольск-Уссурийске военные организации белогвардейцев создавались вокруг многочисленных сановных генералов разбитой армии Колчака и Семенова; они нередко враждовали между собой, и объединяло их лишь желание бороться против нас и получить деньги из японского штаба. Наличие самой близкой связи белогвардейских организаций с японским штабом, в частности с ген. Таканаяги, мы неоднократно доказывали документами, которые посылались в японский штаб с нотами протеста нашего правительства. Эти ноты оставались или без ответа, или встречали бессодержательные заявления японских генералов о том, что они постараются изучить документы, после чего примут необходимые меры. Наиболее сильными военными организациями русских белогвардейцев считались дружины генералов Потиешвили, Савельева, Лебедева, бывшего начальника штаба колчаковской армии, Лохвицкого, бывшего командира русского легиона во Франции во время империалистической войны, и других авторитетов и вождей белого движения. Эти военные организации испробовали свои силы в попытке сделать переворот еще до образования антоновского правительства, когда приморскую власть возглавлял наиболее решительный товарищ П. М. Никифоров, который в этот момент выехал в Читу для участия в образовании правительства ДВР.

Новые попытки переворота со стороны белых не заставили себя ждать. Весь май 1920 года белогвардейцы изо дня в день меняли сроки восстания, но все же не оставляли намерения хотя бы к концу месяца сделать решительный шаг. 24 мая мы получили сведения, что в 2 часа ночи они окончательно решили произвести переворот в городе Владивостоке, а затем и в остальных пунктах Приморской губернии. Сложность обстановки заключалась не только в том, что мы были слабы в военном отношении, но и—главным образом—в том, что японский штаб уже несколько раз предупреждал нас в самых категорических выражениях о своем намерении ни в коем случае не допускать на улицах города

боевых действий и заявлял, что, если с нашей стороны это будет нарушено, то интервенты не остановятся перед разоружением обеих борющихся сторон. Смысл этих заявлений для нас был, конечно, совершенно ясен: японцы вели речь о том, что они разоружат нас и тем самым предоставят белогвардейцам возможность бескровно захватить власть. Опасность этих заявлений подтверждалась еще и тем, что при активном вмешательстве японцев мы не смогли бы воспользоваться помощью наших рабочих боевых дружин, над созданием которых технический отдел потрудился не мало. Исходя из этого, тактику нужно было применить именно такую, которая могла бы предупредить военные действия и в то же время привела бы к разгрому белогвардейские организации. Зная точно расположение белогвардейских сил, технический отдел решил арестовать их штабы и наиболее видных руководителей и тем парализовать силы „переворотчиков". По строго рассчитанному плану нами были мобилизованы все автомобили и автобусы, при помощи которых мы за полчаса до восстания с такой головокружительной быстротой сделали облаву на белогвардейские организации, что ошеломленные белобандиты не смогли ничего предпринять для своей защиты. Их силы в ожидании восстания были стянуты в определенные пункты, и поэтому легко было произвести операцию с арестами. Таким образом переворот был предупрежден. Однако не долго нам пришлось радоваться успехам. На следующий день утром правительство получило ультимативную ноту японцев, в которой те в самых грубых выражениях требовали немедленного освобождения всех арестованных офицеров или предъявления обвинительных материалов, касающихся их преступных деяний. Естественно, что таких „достаточно обоснованных" с японской точки зрения обвинений мы предъявить не могли, и потому, после непродолжительных переговоров, „переворотчики" были освобождены из-под ареста.

Из этого урока мы должны были понять ту истину, что при наличии интервенции, открыто поставившей себе целью создать в Приморьи „черный буфер", нам удержаться у власти будет трудно. Следовательно нужно было взяться за немедленную организацию рабочих и крестьянских масс в целях подготовки новой партизанской войны, которая должна развернуться в результате захвата власти белыми. Для наибольшего успеха этой подготовительной работы нам нужно было в первую очередь завоевать аппарат военного ведомства (до сих пор саботировавший или даже противодействовавший нашей работе) и затем при помощи этого аппарата приступить к разгрузке богатейших интендантских складов владивостокского гарнизона и отправить аммуницию, продовольствие, вооружение и инженерное имущество в села под охрану революционного крестьянства. Мы и раньше пытались произвести такую разгрузочную работу, но генерал Болдырев, без разрешения которого военные чиновники не давали нам ни одной тряпки, в этом открыто противодействовал нам.

Наконец техническому отделу после длительных настояний удалось добиться отставки царского генерала и назначения на его место нашего товарища. Из Читы был прислан к нам красный командир т. Лепехин, который должен был на первое время разыгрывать роль патриотического военспеца и не выдавать себя как коммуниста; в противном случае он встретил бы противодействие со стороны японского штаба и мог бы не получить поста командующего войсками. Но Лепехину больше удавалась роль примерного боевика, а не дипломата. Он быстро себя раскрыл и, не замечая того сам, сделался в глазах японцев тем, чем он был на самом деле. Однако японцам уже неудобно было требовать устранения т. Лепехина, после того как он пробыл на своем посту около двух месяцев и в течение этого срока против его назначения со стороны японского штаба не поступало протеста. Чтобы особенно не раздражать японцев, мы в штаб своих войск посадили на фиктивные посты видных либеральных генералов, а коммунистами заместили такие должности, которые давали полную возможность осуществить все наши планы. В то время, когда наши генералы сидели над разработкой проблемы обороны побережья Тихого океана на случай войны с Японией, изучали состояние армий капиталистических государств и ездили на банкеты к японцам, мы самым энергичным образом разгружали владивостокские военные склады и отправляли в села военное имущество. Для большего успеха в работе на должность генерал-квартирмейстера [1] (названия штабных должностей мы оставили старые тоже по дипломатическим соображениям) был назначен т. Ильюхов.

Но не дремали и белогвардейцы: они продолжали энергично готовиться к новому перевороту. В это время они получили очень внушительную поддержку извне. Дело в том, что разбитые на забайкальском фронте семеновские и каппелевские банды при содействии китайских властей эшелонами стали прибывать по Восточно-китайской жел. дороге в Приморскую губернию и размещаться в гг. Никольск-Уссурийске, Спасске и на станциях Уссурийской жел. дороги и в ближайших от магистрали селах. Навстречу к ним выехала парламентская комиссия Приморского народного собрания, которая должна была договориться с командованием отступающих белых частей о том, чтобы они возвратились в Советскую Россию в свои родные места и занялись бы мирным трудом. Парламентская комиссия должна была заключить на этот счет определенное соглашение и не допустить банды в Приморье, так как по приходе их, по нашим расчетам, неминуемо должна была начаться гражданская война. Задержать военной силой отступление белых, разумеется, мы не могли, поэтому и пришлось встать на путь соглашения. Каппелевцы отказались удовлетворить наши требования и стремительно продвигались к Приморью. Тогда мы попытались препятствовать их продвижению: не подавали им паровозов, вагонов и т. д.; но это

[1] Должность начальника оперативного отдела.

препятствие они с успехом для себя обошли, получив от управляющего Восточно-китайской дорогой инженера Остроумова подвижной состав и полное содействие.

С прибытием каппелевцев, которые, кстати сказать, заверяли нас и население в своих мирных целях и желании во что бы то ни стало закончить гражданскую войну и приступить к мирному труду, местная белогвардейщина не без основания подняла голову. Между прочим, вокруг каппелевского корпуса в местной правой прессе разгорелась весьма острая перепалка между различными контр-революционными группировками на тему о том, за кем пойдет эта армия. Эсеры доказывали, что каппелевцы ведут свою родословную с восстания на Ижевских и Воткинских заводах, которым в свое время руководили эсеры, и что в данный момент вся армия будет сочувствовать этой партии. Кадеты возражали, энесы протестовали, монархисты, вспоминая учредиловские симпатии вождя армии генерала Каппеля, выжидали и предлагали не торопиться делать выводы. Однако выводов ждать долго не пришлось: каппелевцы через некоторое время, оправившись от панических настроений, с которыми они бежали из Забайкалья, решили взять реванш в Приморьи путем свержения власти антоновского правительства и, сделавшись здесь хозяевами, вновь организовать борьбу с революцией. Генерал Вержбицкий, командовавший армией после смерти Каппеля, взялся за укрепление нелегальных военных организаций во Владивостоке, которые к этому времени объединились под общим руководством генерала Лебедева. Первоначально Вержбицкий не намерен был вводить в дело свою армию,— неудобно же было с места в карьер открыто демонстрировать противоречие между делами и теми мирными заявлениями, которые он делал перед приходом в Приморье. Благодаря умелому руководству, белые теперь стали готовиться к перевороту более основательно. Первым делом они взялись за объединение всей антисоветской общественности, начиная от крайне правых и кончая эсерами. Нам было точно известно, что военный отдел партии с.-р., которым в то время заведывал небезызвестный Алко, поддерживал сношения с командирами Воткинского и Ижевского полков. Эсеры вообще установили довольно тесные связи с каппелевцами. Однако влияние кадетских и монархических партий во всей этой авантюре стало господствующим, и контр-революционное движение пошло по линии неприкрытого, откровенного мракобесия. Был создан объединенный руководящий центр всех несоциалистических организаций, который должен был идеологически возглавить движение под общим лозунгом борьбы с социалистами и коммунистами. Таким образом эсеры, вопреки своей воле, стали играть в деле создания „черного буфера“ второстепенную роль, хотя они своим провокационным поведением в Народном собрании и шумливой антисоветской газетной кампанией не мало потрудились в помощь „несоциалистическому движению“. 19 марта белогвардейцами был созван во Владивостоке съезд „несоциалистических организаций“, лозунгом которого значилось: „борьба

против социализма всех оттенков и мастей". На этот съезд послали своих представителей такие организации, как союз домовладельцев, союз торговцев, попы, приходские советы, реакционное учительское общество и т. п. На съезде выступал даже какой-то „крестьянин" Спасского уезда, который после оказался скупщиком старых вещей; нашлись тут и свои „рабочие" и „служащие". Словом, комедия со съездом была разыграна так, чтобы у обывателя могло составиться мнение о нем как о представительном органе русского народа, населяющего Дальний Восток. Все это предприятие было инспирировано японским штабом и имело своей целью воскресить в мелкобуржуазной, деклассированной и обывательской массе, являвшейся когда-то резервом для черносотенных организаций, ненависть к революционному движению и создать впечатление, что белую авантюру поддерживают широкие общественные круги. Технический отдел губкома, все военные работники и большинство состава губкома партии, видя в этом слете мрокобесов, назвавшем себя „съездом несоциалистических организаций", зародыш будущей контр-революционной власти, настаивали самым энергичным образом на разгоне съезда и аресте его руководителей, местных торговцев и спекулянтов братьев Н. и С. Меркуловых. Тт. Антонов и Цейтлин (последний был уполномоченным министерства иностранных дел ДВР) сопротивлялись этому нашему настоянию, ссылаясь на особые симпатии к съезду японцев, которые не допустят его разгона, а также на то, что допущенная нами д е м о к р а т и я не позволяет им согласиться на такой шаг. Съезд открылся. С деланной и совсем не скромной торжественностью начал он заседать в здании Художественного театра на глазах у власти. Лидеры съезда братья Меркуловы, Всеволод Иванов[1], генерал Лохвицкий и другие произносили неистовые речи против советской власти, ДВР, той самой „демократии", на которую ссылались тт. Антонов и Цейтлин; они призывали к восстанию, оглашали программу своего будущего правительства. Газеты подняли вокруг съезда шум, со всех сторон началась травля коммунистов и нашей власти. Обыватель насторожился, а мы в силу нашей тактики вынуждены были казаться спокойными и пассивно наблюдать за движением в лагере контр-революции. Попы затеяли даже крестный ход, но этого им организовать не удалось благодаря противодействию с нашей стороны. Занимательно, что рядом с этим съездом „несоцев" заседало Народное собрание Приморской губернии, которое своим молчанием соглашалось и принимало факт образовавшегося двоевластия и без сопротивления готово было уйти вовсе с политической арены, если бы не существовали пролетарские боевые дружины, которые, несмотря ни на что, готовы были самым энергичным образом бороться против контр-революционных авантюр. С трибуны Народного собрания не было слышно ни одного

[1] Авторы просят не смешивать этого бандита с писателем Всеволодом Ивановым.

голоса протеста (не считая, конечно, коммунистов и революционных крестьян) против съезда „несоцев".

Вопреки позиции тт. Антонова и Цейтлина технический отдел вынужден был пойти на рискованный шаг. Потеряв надежду на получение санкции со стороны власти на разгон „несоцев", он вечером, кажется 18 или 19 марта, с согласия губкома, оцепил частями дивизиона народной охраны здание Художественного театра, объявил съезд распущенным, а его участников арестованными. Перед этой операцией все рабочие дружины были приведены в готовность на случай боя. После объявления о роспуске съезда из зала заседания послышались протестующие крики, но уже было поздно. Мы предложили всем участникам съезда выходить из зала театра, имея целью освободить из-под ареста мелкую рыбешку и задержать только карасей. „Несоцы" отказались выполнить наше требование. Через полчаса, после переговоров по телефону президиума съезда с тт. Антоновым и Цейтлиным, мы к своему огорчению получили приказ от т. Антонова об освобождении белогвардейцев из-под ареста. По соглашению с т. Антоновым съезд должен был закончить свою работу через два дня. Как ни мало устраивало нас это ни с чем не сообразное соглашение, технический отдел вынужден был ему подчиниться.

После съезда события стали развертываться форсированным темпом.

31 марта 1921 г. мы получили сведения, что ночью белогвардейцы намерены произвести восстание. Исходя из того, что масштаб ожидаемых событий должен иметь более широкие рамки, нежели это было прежде, губернский комитет партии—для наибольшей организованности и лучшего руководства нашими силами—решил сосредоточить всю полноту фактической власти на время событий в Совете обороны, который был составлен из тт. Масленникова, Ильюхова и Лебедева. Правительство на время работы Совета обороны должно было фактически отойти от дела, заняться Народным собранием, дипломатией и не препятствовать работе Совета обороны. По опыту мая 1920 года, в этот день Совет обороны решил вновь взять инициативу событий в свои руки и предпринял массовые аресты белогвардейского актива. Через час-полтора в наших руках оказался весь штаб белых во главе с ген. Лохвицким, который был засажен в подвал госполитохраны. Казалось, что обезглавленные белогвардейские организации уже не решатся на выступление; поэтому мы, расставив свои силы дивизионцев и дружинников во всех важных пунктах города больше для предосторожности, нежели для серьезного дела, готовы были уже успокоиться. Вдруг получаем по телефону донесение, что наши товарищи, производившие обыски в гостинице „Золотой Рог", где размещались обычно офицеры, захвачены в плен подошедшим неизвестно откуда к гостинице кавалерийским отрядом белых. Факт был действительно изумительный! Весь центр города мы с вечера оцепили нашими дружинниками и комсомольцами таким порядком, что в город незамеченным пройти

никак было нельзя не только отряду, но и одиночке; а тут как из земли вырос кавалерийский отряд, притом на главной улице города почти против бывшего дома губернатора, где обосновался Совет обороны! Но раздумывать было некогда. Заранее мобилизованные нами автомобили и автобусы были пущены в дело. Дружинники и дивизионцы, вооруженные винтовками и гранатами, были размещены на них и брошены против белых кавалеристов. Не успели автомобили подъехать к месту расположения белогвардейцев, как послышалась ружейная стрельба вблизи госполитохраны: это пехота белых, подошедшая на помощь кавалеристам, сражалась с нашими товарищами, которые защищали госполитохрану. Под натиском белогвардейцев наши после 20-минутного боя вынуждены были сдать белым здание госполитохраны и отойти к вокзалу. Ген. Лохвицкий и десятка три-четыре его штабных офицеров были освобождены. В это время встретились наши автомобили с кавалеристами и завязался бой.

Так как Совет обороны белогвардейцами был отрезан от вокзала, который нужно было защищать в первую очередь, дабы не пропускать эшелонов каппелевцев в город, то по суше мы не могли дать подкрепления Кокушкину, который руководил обороной вокзала. Поэтому пришлось конфисковать несколько катеров и лодок и при их помощи через бухту Золотой Рог переправить подкрепление т. Кокушкину. К этому времени во всех концах города завязалась жаркая стрельба. Кто-то из товарищей напомнил, что японцы могут вмешаться в события, раз они приняли характер военных действий. Срочно был вызван в Совет обороны заместитель председателя русско-японской согласительной комиссии полковник Попов, один из честнейших наших попутчиков; он быстро завязал сношения с японским штабом и начал переговоры с целью добиться разоружения мятежников. Из японского штаба полковнику Попову на все вопросы отвечал адъютант генерала Такаянаги; поэтому переговоры не могли дать существенных результатов. Ответственные японские офицеры и сам Такаянаги в это время спали, а корректный адъютант не мог побеспокоить отдыхающих самураев. Вокзал был все же защищен. Наши товарищи после часовой перестрелки бросились на белых в атаку и рассеяли их по улицам города. Успех на этом участке оказал благоприятное действие на операции в других кварталах: белые переворотчики вынуждены были отойти с участка, расположенного между Алеутской и Светланской улицами. Автомобили наши начали преследовать отступающих и расстреливать их в спину. Мы приготовились было не выпустить из пределов города ни одного бандита живым. Но события неожиданно изменились. Противник отступал по Алеутской улице с определенным расчетом. На этой улице помещался штаб японских войск, которые открыли ворота в свой двор, обнесенный высокой каменной стеной, и впустили переворотчиков, нашедших тут свое спасение. Протесты, ноты, газетная кампания, резолюции рабочих организаций, требовавших от японцев выдачи властям мятежников,

оказались гласом вопиющего в пустыне. Белогвардейцы дня через три были отправлены японцами в Раздольное, где размещался каппелевский гарнизон.

Таким образом и эта, уже третья по счету, попытка переворота не удалась. Белогвардейские патриоты рвали на себе волосы с досады: кто же думал встретить такое сопротивление со стороны совсем небольшой горсточки рабочих и дивизионцев, окруженных со всех сторон многочисленной белогвардейщиной?

Вся сложность обстановки заключалась в том, что, несмотря ни на какие наши военные успехи, мы не могли добиться гарантий для спокойной государственной работы. Владивостокский пролетариат и организация нашей партии в этот момент представляли собой заложников, попавших в лагерь контр-революции, на время притворившейся спящею, но в каждый момент готовой наброситься на своего пленника и разделаться с ним так, как подсказывает ей дикая безудержная ненависть к трудящимся. Нужны были хорошие нервы и ясное сознание своего революционного долга со стороны горсточки приморского пролетариата и крестьянства, чтобы не оставить своих позиций и продолжать защищать свое дело от натистка беспощадного врага. Совершенно понятно, что поражение белых, которых самым активным образом поддерживали японские интервенты, насчитывавшие в своих рядах до 30 000 штыков, не отбило у них охоты к новому восстанию. Наша разведка каждый день доставляла тревожные вести. Прежде всего нам стало известно, что к следующему перевороту готовится вся армия каппелевцев и что белыми уже создано правительство, выдвинутое съездом „несоцев", с братьями Меркуловыми во главе. По своему составу это правительство представляло сброд монархических мракобесов и местных спекулянтов и мошенников—грязная накипь царского колонизаторства. Вообще местная торговая буржуазия, представители которой руководили правительством „несоцев", являла собой самый худший сорт наших врагов. Она воспитывалась на дрождях царской колонизации, грабежах туземцев и получала неслыханные прибыли на военных поставках. Немудрено, что эта буржуазия, будучи детищем царизма, оказалась самым непримиримым и самым отъявленным врагом трудящихся России и свою борьбу против революции ознаменовала лозунгом „борьбы против социалистов всех мастей". Население Владивостока этих авантюристов, конечно, прекрасно знало и пойти за ними не могло, но и оказать сопротивление в данной обстановке не имело сил. Японский штаб, в особенности почтенные самураи генералы Тацибана и Такаянаги, руководители японского экспедиционного корпуса, добросовестно выполнявшие миссию, возложенную на них микадо, постарались обеспечить „несоциалистическое движение" всеми средствами и поддержкой, чтобы на этот раз не получить пощечины от горсточки революционеров и наверняка свергнуть нашу власть.

В наших рядах в свою очередь шла энергичная подготовка к событиям. Мероприятия технического отдела шли по двум на-

правлениям: во-первых - оборона городов Владивостока и Никольск-Уссурийска и во-вторых — форсирование подготовки новой партизанской войны на случай нашего поражения в городах. Сельская власть, рудничные комитеты шахтеров расположенных вокруг города каменноугольных копей, участковые комитеты железнодорожников, фабкомы — все было военизировано и превращено в боевые органы по подготовке к предстоящей войне. Из города Ольги до села Чугуевки по высокому горному хребту Сихото - Алин мы начали проводить телефонную линию на расстоянии 90-100 верст по трудно проходимой тайге. Этой работой самоотверженно руководил т. В. Повелихин. К этой линии, согласно нашему плану, должны были присоединиться вспомогательные телефонные линии, ведущие к нашим „базам“ [1], с таким расчетом, чтобы заранее в тайге была создана своя партизанская коммуникация, соединяющая разрозненные уезды Приморской губернии. В городах рабочим раздавалось оружие, создавались новые боевые дружины; то же происходило в деревнях. Обстановка сложилась так, что к военным операциям готовились почти открыто обе стороны; формальности, договоры, дипломатические этикеты обеими сторонами были забыты, раз в порядок дня стал вопрос о штыке и пулемете. Совет обороны, нелегальный военный орган, был распущен, и вся военная работа была сосредоточена в штабе округа. В ожидании восстания мы каждую ночь занимали правительственные здания, выставляли усиленное охранение, высылали патрули; город окружался цепочкой из рабочих, комсомольцев и работниц. Рабочие после дневного труда собирались к вечеру на явочные пункты и, пренебрегая отдыхом, на целую ночь направлялись на дежурства: кто помоложе — в дружины, а старики и женщины — в оцепление города. Смысл оцепления состоял в том, что рабочие располагались на расстоянии 25-30 шагов друг от друга вокруг центральных кварталов, где была сосредоточена наша военная сила, и доносили о всех передвижениях в городе и на его окраинах. К такой мере мы вынуждены были прибегнуть вследствие того, что охранение вести сами не имели возможности, так как нельзя было распылять и без того наши немногочисленные вооруженные силы. Комсомолки, жены рабочих и работницы под руководством женотдела несли разведывательную службу и занимались шпионажем в стане врага. Если ночь проходила спокойно, то все возвращались на работу, а на следующий день эта картина повторялась снова. Мы не могли приостановить работ на заводах и учреждениях, дабы не дать повод к различным слухам и разговорам, которые усилили бы панику в городе.

Празднование Первого мая в городе не состоялось во избежание провокации со стороны японцев и белых. Такая напряженная обстановка продолжалась в течение всей первой

---

[1] Партизанские базы частью остались от прошлой кампании (1918—20 гг.), частью устроены вновь под руководством т. Мартынова.

половины мая. Все переутомились до крайности. Однако организованность и дисциплина не только не снизились, но, пожалуй, возросли. В технике военной организации мы достигли таких успехов, что в течение полутора часов могли собрать с заводов и квартир всех рабочих, комсомольцев и женщин, расставить их по местам, мобилизовать в городе все автомобили и быть вполне готовыми к боевым операциям.

Белые свое выступление назначали почти на каждый день и затем откладывали его. Тут они, конечно, действовали так, чтобы мы, переживая нервное состояние, возможно больше истратили своих сил и потеряли боеспособность. 25 мая восстание, по всем данным, должно было начаться. Об этом говорили не только наши осведсводки, довольно точно передававшие о мероприятиях белых, но и почти открытая перегруппировка сил противника. Мы, по примеру прошлого, решили вновь предупредить восстание облавами и арестами. Это было сделать довольно легко, потому что белые к тому времени обосновались в 10-15 квартирах и превратили их в постоянное свое обиталище. Эти квартиры принадлежали японским гражданам, подставным лицам японского штаба, и считались неприкосновенными вследствие того, что охранялись японским флагом, хотя по дипломатической конвенции право экстерриториальности на них никогда не распространялось. Впрочем в районе расположения интервентов никакие права и обычаи не имели действия; здесь действовал только произвол командования. Достаточно было представителям нашей власти потребовать от хозяина квартиры, где размещались белогвардейцы, разрешения на производство обыска, как через 5 - 10 минут появлялась японская жандармерия, которая ультимативно требовала оставить в покое жильцов этой квартиры. Конечно, нам приходилось уступать и соглашаться на признание за этими гражданами права организовывать под нашим носом контр-революционные банды для восстания против нас: ведь в руках японцев находились такие неотразимые аргументы, как эскадра, треугольником расположившаяся в живописной бухте Золотой Рог и готовая каждую минуту открыть артиллерийский огонь по рабочим кварталам, а также 30-тысячная экспедиция императорской армии, расположенная в Никольск-Уссурийске и Владивостоке. При содействии японцев белогвардейцы приобрели немалые привилегии. Лучшая в городе гостиница „Версаль“ была превращена в резиденцию штаба белогвардейских дружин. На станции Гродеково, где помещалось казачье правление, возглавлявшееся генералом Савельевым, была создана так называемая „гродековская пробка“. Для того, чтобы проехать эту станцию, нужно было согласиться на обыск и проверку документов со стороны казаков. Таким образом некоторые железнодорожные участки были взяты под контроль переворотчиков. Всех подозрительных и тем более коммунистов они высаживали из поезда и тут же на глазах у публики расстреливали на перроне вокзала. В гор. Спасске продолжала бесчинствовать банда есаула Бочкарева, которая самым без-

наказанным образом расправлялась с крестьянами и рабочими, обнаруживавшими свои симпатии к нашей власти. По губернии в разных концах бродили вооруженные офицерские банды и терроризировали население. В Никольск-Уссурийске, где наши силы определялись всего лишь в 120 штыков, была расположена дивизия каппелевской армии под командой генерала Смолина. В Раздольном, в 60 верстах от Владивостока, стояла дивизия генерала Молчанова. На Русском острове, вокруг бывшей академии генерального штаба, которая в 1918 году перебежала из рядов Красной армии к Колчаку, группировались генералитет и офицерские организации. Во всех важнейших пунктах губернии размещались интервенты. До сих пор это враждебное нам кольцо, в окружении которого мы находились уже вот более года, пыталось несколько раз сжать и раздавить наши силы, но оно наталкивалось на сопротивление, которому, конечно, не мало способствовала благоприятная для нас общая политическая ситуация; поэтому силы отталкивания заставляли это кольцо вновь разжиматься. В данный момент политическая ситуация стала изменяться так, что, если бы японцы не пошли на решительный шаг к свержению нашей власти, момент для создания противосоветского буфера мог бы оказаться окончательно упущенным. В самом деле, в Дальневосточной республике созвано Учредительное собрание, куда, вопреки ожиданиям, истерическим крикам и провокации правых и социалистических партий, даже на основах всеобщего, равного и т. д. избирательного права прошло подавляющее большинство коммунистов партизан и крестьян, поддерживающих нашу партию. Армия ДВР стала укрепляться, расти качественно и количественно. На местах создавалась местная власть, повсюду возрастали симпатии населения к правительству и Учредительному собранию ДВР. Словом, с каждым днем укреплялась база буферного государства, ориентировавшегося на Советскую Россию и считавшего себя органически спаянным с созданной Октябрьской революцией государственной системой. Вследствие всего этого с каждым днем уменьшались шансы на возможность создания на нашей территории контр-революционного буфера, и терялась надежда на возможность организовать борьбу против Советской России. Поэтому японцы должны были спешить с осуществлением своих планов переворота. Логическим следствием этих планов и явилось оживление белогвардейских организаций.

Чтобы подорвать моральное состояние рабочих и дивизионцев, японцы чуть не каждый день стали устраивать нам провокации. Ночью, а иногда и среди белого дня японские войска без всякого повода вдруг окружают казармы дивизиона народной охраны и начинают проверку численности и состава вооружения дивизионцев. Эти налеты обычно сопровождались грубыми выходками и оскорблениями по адресу комсостава и политуполномоченных, а иногда и арестами. Неоднократно такие облавы распространялись и на рабочие организации — профсоюзные, культурно-просветительные и т. д. Газета „Владиво-Ниппо“, орган

местных японских резидентов, представлявшая худший сорт бульварной „литературы", продажная, наглая, клеветническая, полна была „необычайных разоблачений" коммунистов, публиковала „тайные документы" наших военных организаций и вела самую дикую и безудержную травлю против нас. Белогвардейская пресса, — газета „Вечер", орган несоцев, кадетский орган „Голос родины" и другие (во Владивостоке в это время выходило около десятка газет, из них только две наших),—в той или иной форме поддерживали тон „Владиво-Ниппо" и, смакуя, комментировали на разные лады эти слухи и „разоблачения", чем помогали штабу подготовлять „общественное мнение" к предстоящим событиям. Деловая жизнь города в это время почти замерла. Поддерживали в ней огонек лишь многочисленные спекулянты и контрабандисты, изрядно расплодившиеся в это время в Приморьи и делавшие гешефты с валютой и товарами темного происхождения. Несмотря на зловредность спекулянтов, игравших на понижение нашей валюты, мы не имели возможности обращать на них особое внимание. Поэтому спекулянт и авантюрист в этой сгущенной и напряженной обстановке чувствовали себя как рыба в воде. 19 мая японцы приготовили нам неслыханный сюрприз. В 11 часов утра они окружили своими войсками казармы дивизиона народной охраны, губпрофсовет, губком партии, штаб войск и правительственные здания, рассыпались цепями в важнейших кварталах города, а затем разоружили все наши военные силы, арестовали ответственных военных работников, оказавшихся в это время в казармах или в штабе, и тем создали обстановку совершившегося переворота. Так как наше правительство оказалось свободным от ареста, коварный маневр японских генералов нам представлялся совершено непонятным. Мы не могли решить: у власти мы, или нас окончательно свергли? При переговорах нашего правительства с японским дипломатом Мацудайра от него можно было получить только двусмысленный, ничего абсолютно не говорящий ответ, который сводился к тому, что „японское командование применило этот свой маневр с целью изучить состояние наших военных сил и убедиться в их способности защищать свое правительство". Метод, которым пользовались японские „экспериментаторы" и „исследователи", напоминал собой прием разбойника, который, чтобы определить способность сопротивления и физическую силу человека, берет его за горло и начинает давить со всей своей разбойничьей силой и ловкостью, а потом, натешившись, освобождает свою жертву, чтобы убедиться, жива она или нет. Продержав нас в своем плену часов около шести, японцы освободили дивизион народной охраны и всех арестованных, почтительно заявив, что мы „можем продолжать свой мирный труд и заниматься своими делами". Эти не совсем обычные приемы по изучению нашей обороноспособности, как оказалось, были прелюдией к событиям, в которых мы должны были перед лицом японского генералитета демонстрировать ту самую обороноспособность, которой так внимательно интересовались они 19 мая.

25 мая в гор. Никольск-Уссурийске дивизия генерала Смолина выступила против местной власти. Выступление это носило не совсем обычный для всех прошлых попыток переворота характер. Нужно заметить, что эта дивизия формально была не вооруженной, и поэтому характер выступления ее должен быть таким, чтобы, с одной стороны, он привел к низвержению власти, а с другой — не обнаруживал бы наличия у каппелевцев скрытых у них винтовок, частью выданных японцами, частью привезенных с забайкальского фронта. Поэтому Смолин затеял комедию с мирной демонстрацией, причем эта демонстрация по его замыслу должна была быть настолько внушительной, чтобы мы перед ней оказались морально разоруженными и пошли на соглашение о добровольной передаче власти. Кадры демонстрации составлялись из тех же каппелевцев, разбавленных торговцами, попами и черносотенцами, идущими за несоциалистическими организациями. Таким путем была создана картина недовольства нашей властью не только со стороны каппелевцев, но и со стороны „населения".

Смолинская демонстрация долго фрондировала по улицам Никольск-Уссурийска и закончилась тем, что был захвачен ряд милицейских участков и создана „народная милиция". Из Владивостока мы, несмотря на скромность своих сил, выслали туда роту дивизионцев и политического уполномоченного при начальнике губернской милиции т. Г. Лебедева. Отправка этой нашей экспедиции сопровождалась ответной контр-демонстрацией пролетариата гор. Владивостока на выступления каппелевцев в Никольск-Уссурийске. Маленькая группа дивизионцев была окружена многочисленной массой рабочих, работниц и советской интеллигенцией, которые с красными знаменами и революционными песнями проводили дивизионцев до вокзала.

Ночью мы получили сведения из Никольск-Уссурийска от нашего политуполномоченного т. А. Слинкина о том, что генералом Смолиным предъявлено требование к нашей власти: „в интересах восстановления спокойствия и порядка" (который был нарушен самим же Смолиным) передать ему власть и тем удовлетворить требования „народа". Прибытие дивизионцев в Никольск-Уссурийск, понятно, не внесло ничего нового в развертывающиеся события, хотя несколько и продолжило момент окончательного перехода власти в руки контр-революции. 25 мая, под давлением штаба Смолина, председатель городской думы, начальник гарнизона и командированный из Владивостока т. Лебедев подписали приказ милиции и частям дивизиона разоружиться и передать охрану города Никольск-Уссурийска в руки генерала Смолина. Для нас этот факт показался неожиданным тем более, что на этом коллективном приказе значилась подпись и самого Смолина — факт, показывавший хотя бы внешне добровольное соглашение о передаче власти. Этот крайне нетактичный поступок названных товарищей, так сказать, узаконил белогвардейский переворот в Никольск-Уссурийске и фактически предрешил исход события во Владивостоке.

Ночью 25 мая, несмотря на такую ситуацию, мы решили во Владивостоке защищать свои позиции. С этой целью мы предприняли вновь массовые аресты белогвардейских переворотчиков и разоружение их. Если в прежнее время мы не решались врываться в квартиры японских граждан, укрывавших у себя белогвардейских офицеров и были уступчивы в отношении японских домогательств, то теперь, когда все поставлено на карту, пришлось не стесняться ничем. Переодетые в форму милиционеров рабочие проникали в эти квартиры и арестовывали там белогвардейских обитателей. Тайны этих квартир оказались занимательными. В приличной буржуазной квартире, обставленной довольно комфортабельной мебелью, одну - две наиболее просторные комнаты занимает группа офицеров. Тут у них стоят у стены пирамиды для винтовок, патронные ящики, а нередко и пулемет. Вдоль стен в казарменном порядке в один ряд расположены кровати, на которых весь день валяются безработные и вечно пьяные офицеры „русской“ армии, лишь по ночам выходящие на улицы „на промысел“. В эту знаменательную ночь много было разорено таких безмятежных гнезд, и многие из их обитателей подверглись переселению в менее удобные камеры местной тюрьмы. Японское командование протестовало против наших „дерзких“ поступков, угрожало нашему правительству и требовало прекратить наши действия, беспокоящие мирных японских резидентов. Но для правительства стало совершенно ясно, что удовлетворение требований японского командования в этот момент, при сложившейся обстановке, означало бы фактическое наше разоружение и передачу власти белогвардейцам.

Утром 26 мая стали высаживаться на берег бухты Золотой Рог и на ближайших от города железнодорожных станциях каппелевские отряды. В 11 часов утра белогвардейское восстание началось. Переворотчики напали на тюрьму, вокзал, штаб войск, здание морского штаба и другие важнейшие городские пункты. Части дивизиона, рассеявшиеся в первый момент, были отведены в Шефнеровские казармы, расположенные около Дальневосточного судостроительного завода. Небольшая группа милиционеров и коммунистов в числе 13 - 15 человек, находящаяся в здании штаба дивизиона на Полтавской улице, оказалась отрезанной от наших сил и была окружена со всех сторон восставшими белогвардейцами. На эту группу товарищей напало около 300 - 400 человек каппелевцев. Началась перепалка. Осажденным грозила смерть. Поэтому они решились на отчаянное сопротивление. Поведение некоторых товарищей из этой группы, особенно тт. Каунова и Казакова, было исключительно смелым и отважным; об их храбром сопротивлении тотчас же разнеслись слухи по городу, и на Полтавскую улицу стали стекаться массы народа для того, чтобы своим сочувствием дать моральную поддержку товарищам. Дивизион народной охраны был оцеплен японцами, и никто не выпускался из казарм; поэтому нельзя было дать помощь этим товарищам. Осажденные стреляли в белых из окон, другие распо-

ложились на балконе и бросали бомбы в тех из офицеров, которые пытались прорваться через дверь внутрь здания. А т. Каунов, видимо сжившись с мыслью о смерти, стал на крышу здания, укрепил возле себя красное знамя и метко, на выбор, стрелял в белогвардейцев. Всякий раз как только удавалось нашим товарищам отбить атаку белых, среди собравшейся толпы народа раздавались крики „ура", посылались приветствия храбрецам. Собравшаяся здесь масса жила в этот момент одними мыслями и одними чувствами с осажденными и, с затаенным дыханием наблюдая за боем, ожидала момента решительной схватки. Офицеры, конечно, не могли ничего сделать с толпой, так как были заняты своим делом, хотя и не мало проклинали ее. К вечеру к месту этого незаурядного боя подошла японская воинская часть и предложила нашим товарищам разоружиться на том основании, что стрельба в районе расположения японских войск не допускается и что в данном столкновении белых с красными красные якобы первые открыли стрельбу. Наши сдаться и разоружить себя отказались и заявили, что готовы умереть. Японцы с деланной гуманностью призывали их к благоразумию и убеждали в необходимости сдать оружие, чтобы спасти свою жизнь. Характерно, что переговоры с японцами происходили на расстоянии 40-50 шагов, так как наши товарищи заявили им, что они не подпустят к себе никого и при попытке подойти к ним ближе этого расстояния будут стрелять. Наши кричали японцам из окон и с балкона здания, а японцы стояли на улице и оттуда отвечали им.

Эти переговоры в конце концов привели к соглашению, но на весьма почетных для наших товарищей условиях. Смысл соглашения состоял в том, что осажденные оружия не сдают, побежденными себя не считают и согласны освободить здание лишь при условии, что японцы под своей охраной доставят их в дивизион народной охраны. Многочисленная масса народа была свидетельницей этого соглашения, и, когда осажденные под охраной японцев были отправлены в дивизион, вся эта масса сопровождала их по городу. Вскоре здание штаба перешло в руки белых. Во время этого эпизода погиб командир дивизиона т. Казаков, все же остальные товарищи оказались невредимыми.

Несмотря на то, что основные пункты города уже были захвачены переворотчиками, обстановка продолжала оставаться совершенно невыясненной. Образовалось двоевластие. В одной части города расположилась власть „несоцев", возглавляемая С. Меркуловым, а в другой части оставалась власть нашего правительства. Все это время происходили вооруженные стычки „дивизионцев" и рабочих с белогвардейцами. По улицам разъезжали наши и белогвардейские автомобили и через каждые час-два после боя на правительственных зданиях сменялись флаги: красные—царскими трехцветными и наоборот. Белогвардейцы тысячами разбрасывали заготовленные заранее летучки; по улицам дефилировали японские и каппелевские части. Словом, сохранялась обстановка типичная для уличных боев. Особенную

сложность и запутанность в события вносили японцы своим двусмысленным поведением и коварной дипломатией. Они заверяли нас в том, что командование экспедиционным корпусом не станет вмешиваться в события, если эти события не перейдут границы мирных демонстраций, и в то же время на наши требования дать гарантию этим своим заявлениям путем немедленного разоружения бунтовщиков генералы пожимали плечами, ссылаясь на свою неосведомленность об этих фактах, и указывали, что гарантией справедливости и правдивости их слов служит уже одно то, что они, генералы императорской армии, принадлежат к сословию самураев и носят мундир японской армии, каковое обстоятельство само по себе должно внушить нам абсолютное доверие. Наконец мы добились у них согласия на то, чтобы мы очистили от белых часть города, где расположено мятежное правительство Меркулова, и восстановили порядок. На основании этого мы предприняли наступление на те кварталы, где засели белые. Через час, много полтора нами были отбиты народный дом, морской штаб и весь центр города. Белые стали отступать на Эгершельд в тупик. Обстановка стала резко изменяться, и переворот обещал провалиться. Видя такой поворот событий, японцы вынуждены были оставить дипломатничанье и пойти на открытую. Они расположили свои пехотные цепи, бронеавтомобили, артиллерию между нашими и белогвардейскими цепями и предложили обеим сторонам сдать оружие, угрожая в случае отказа открыть огонь по городу. Мы вынуждены были согласиться на выполнение ультиматума, так как вокруг наших цепей были сосредоточены военные силы японцев. Половина дивизионцев, находившихся на виду, сдала оружие, а другая половина вместе с рабочими дружинниками сумела ускользнуть от японцев с оружием.

Тут на наших глазах проявилось неслыханное по наглости издевательство. Отнятое у нас оружие японцы на виду у всех, ни от кого не скрываясь, передавали каппелевцам. 5 минут тому назад японцы требовали разоружения обеих сторон; теперь отбирают винтовки только у наших товарищей и на наших же глазах наше оружие передается нашему врагу.

Актом этой постыдной комедии с разоружением закончился переворот в пользу белых. Закончились и дни существования нашей власти в городах Владивостоке и Никольске. Но за нами остается крестьянство и вся деревенская губерния, куда каппелевцы без боя вступить не могут. Борьба принимает новые формы. Эту борьбу будут продолжать и поддерживать рабочие массы, оставшиеся в городе под властью контр-революции.

Мы решили центр своей военно-политической работы перенести в деревню. Во Владивостоке был создан Революционный комитет партии в составе В. Шишкина (Володя Маленький), Н. Грихина, Бахвалова и других. Для губернии тут же был создан руководящий центр, в задачу которого входила организация вооруженной борьбы с контр-революцией. Так как во время переворота пропал без вести командующий войсками т. Лепехин, кото-

рый был окружен каппелевцами в своей квартире, то для руководства военными делами Дальбюро ЦК РКП (б) назначило коллегиальный орган—„Военный совет партизанских отрядов Приморской губернии" в составе тт. Ильюхова (председатель), Владивостокова (военком), В. Шишкина, Игоря Сибирцева и других [1].

Закипела работа по организации партизанских отрядов из рабочих и крестьян. Началась новая тяжелая, потребовавшая много сил и жертв, вторая партизанская война в Приморской губернии. Попытка создать в Приморьи черный буфер — оплот для борьбы с Советской Россией — провалилась. Жалкие остатки царской черной сотни, идейно возглавившие это позорное движение, были смешны, если сравнить их с многомиллионной фалангой пролетариата, молодого, бодрого, охваченного пламенным огнем революционного энтузиазма, восходящего на историческую арену. На основе такого соотношения сил дерзания Меркуловых, Дитерихсов, Молчановых оказались ничтожными. Только благодаря активной поддержке со стороны японских империалистов эта клика авантюристов и царских приспешников могла обороняться от партизанских действий. Только японской поддержкой можно объяснить тот факт, что, несмотря на энергичный натиск партизан, белогвардейцам удалось продержаться у власти больше года. Только активной и открытой поддержкой со стороны японцев вдохновлялась эта контр-революция, а партизанам пришлось оставить на поле боев не мало своих товарищей, сраженных в схватке с ненавистной монархическо-буржуазной реакцией. И лишь 25 октября 1922 года, под давлением успехов революции, японцы вынуждены были наконец эвакуировать Дальний Восток. День эвакуации японцев был днем позорного крушения белогвардейской авантюры.

---

[1] Через некоторое время управление партизанскими отрядами было изменено: командующим войсками вновь был назначен т. Лепехин, начальником Сучанского военного района — т. Ильюхов и начальником Яковлевского района — Шевченко.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

№ 1.

Российская коммунистическая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне и партизаны Дальнего Востока!

Скоро исполнится два года, как трудящиеся Дальнего Востока и Сибири ведут непрерывную вооруженную борьбу с русскими контр-революционерами и иностранными войсками. Эта борьба идет успешно. Из 12 миллионов населения Сибири десять уже свободны, и только двухмиллионное население Дальнего Востока продолжает страдать под гнетом японских штыков и самозванных атаманов. Наднях советская Красная армия, укрепившись в Иркутске, перейдет в Забайкалье и поведет борьбу с японскими войсками. Из заявлений официальных газет Советской России мы знаем, что Россия не может примириться с захватом Японией Дальнего Востока и, если Япония не уйдет отсюда, то Советское правительство объявит ей войну.

Мы, находящиеся здесь на Дальнем Востоке, ни на одну минуту не должны складывать оружия. Своей борьбой мы дожны помочь советской армии продвигаться на восток. Этой борьбой мы говорим яснее ваших слов и громче ваших деклараций всему миру, что мы хотим присоединиться к Советской России и не желаем быть подданными Японии.

Эта борьба может быть успешной только тогда, когда мы объединены, когда между всеми отрядами будет связь и всем движением будет руководить единая военная организация. Только при едином руководстве, при ведении борьбы по определенному плану можно рассчитывать нанести нашему врагу меткие удары. Такой единой организации до сих пор не было, и это тормозило дело. Силу организации необходимо создать, не медля ни единой минуты.

Дальневосточный областной комитет Российской коммунистической партии (большевиков) решил взять руководство борьбой в свои руки. Им организован Дальневосточный областной военно-революционный штаб коммунистов. В этот штаб комитет выбрал наиболее способных военных работников с боевым опытом. Штаб приступил к работе, он уже связан с крупными партизанскими отрядами и военными организациями области.

В тяжелых условиях нелегальной конспиративной работы штаб ставит себе следующие задачи:

1) Установить связь со всеми партизанскими отрядами и военными организациями Забайкальской, Амурской и Приморской областей, руководить их военной работой, указывая определенные цели и сообщая необходимые сведения об общем положении, о текущих событиях, о положении дел в других отрядах.

2) Штаб снабжает отряды оружием, одеждой, обувью, медикаментами и вообще всем необходимым для партизан.

3) Штаб снабжает отряды воззваниями, листовками, газетой „Коммунист“ и постоянной информацией.

4) Штаб устанавливает связь отдельных отрядов между собой.

5) Штаб собирает сведения о передвижении войск противника, о готовящемся нападении на тот или другой партизанский отряд и своевременно предупреждает таковой.

6) Штаб командирует в партизанские отряды военных и партийных работников, докторов, фельдшеров.

7) Штаб снабжает отряды деньгами и со своей стороны предлагает отрядам вносить деньги в военный фонд штаба.

Такова должна быть работа штаба. Эта работа будет успешней только в том случае, если все партизанские отряды, все военные организации установят со штабом постоянную связь.

Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне и партизаны! Каждый из вас по мере своих сил и способностей должен принять участие в борьбе за единую великую Советскую Россию. Одни из вас уже взяли оружие и ушли в сопки, стали партизанами. Те, кто взялись за оружие, могут успешно вести борьбу только в том случае, если находящиеся по домам будут им помогать. Не каждый может уйти с винтовкой, но каждый должен чем может помочь тем героям, которые бросили свои семьи, свои дома и ушли на борьбу. Здесь никто не имеет права сидеть сложа руки. Крестьяне дают партизанам хлеб, рабочие в городах должны доставать и отправлять оружие и снаряжение; каждый получивший какое-нибудь важное сообщение должен передать его немедленно революционному штабу, ближайшей военной организации или ближайшему партизанскому отряду. В этом отношении громадную пользу делу могут оказать товарищи телеграфисты и железнодорожники. Для успешной работы партизан необходимо в тылу в городах создать организации снабжения разведки. Необходимо соблюдать строжайшую конспирацию при работе.

Товарищи! Сейчас все слои населения поняли наконец, чего хотят и кого защищают иностранные штыки. И, за исключением небольшой кучки спекулянтов и продавших себя Японии Семеновых и Калмыковых, все население готово бороться против японского захвата. При таком единодушии наш враг нам не страшен, и, чем дальше, тем успешнее пойдет борьба.

Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне и партизаны! Мы призываем вас сплотиться вокруг организации Российской коммунистической партии большевиков. Только мы, большевики, с первых дней Великой российской революции указали единственный правильный путь, по которому пошла Россия и по которому пойдут рабочие всех стран, все угнетенные народы. Мы, большевики, вынесли на своих плечах всю тяжесть работы по созданию Советской России. Только мы никогда не обманывали рабочих и крестьян и говорили им правду в глаза.

И теперь мы говорим вам: сплотитесь все вокруг созданного нами Военно-революционного штаба коммунистов. Единение всех сил в борьбе с Японией сейчас необходимо, и никакая другая партия кроме нас не может его осуществить Товарищи, организуйтесь и связывайтесь со штабом.

Объединим все силы в борьбе за великую Советскую Россию.

Долой иностранных хищников! Долой Японию!

Да здравствует Российская федеративная советская республика!

Да здравствует международная социалистическая революция!

Да здравствует Третий Интернационал!

Дальневосточный областной комитет Российской коммунистической партии (большевиков).

22 января 1920 года.

Р. С. Ф. С. Р. № 2.

Военно-революционный

ШТАБ

Ольгинского уезда.

„.....“ ..... *1919 г.*

№ 3.

Ответ американскому штабу на воззвание от 21 апреля 1919 г.

Штаб от имени населения Ольгинского уезда отвечает вам, т. е. штабу американских войск в Сибири, по поводу выпуска воззвания к русскому народу за подписью вашего командующего генерал-майора Гревса о содействии вам для исполнения ваших задач, т. е. охраны железных дорог.

В воззвании говорится: „При существующих в России ненормальных и бедственных условиях обеспечение безопасного, скорого, правильного движения грузов и пассажиров по Сибирской железной дороге является делом общего благополучия и в равной степени касается блага всех русских людей, независимо от их политических стремлений и убеждений“.

1) Мы спрашиваем штаб американских войск в частности и союзников вообще: можно ли ездить по этой дороге, которую вы взяли под охрану, с убеждениями кроме кадетско-монархических? Вы должны сознаться, что нет, нельзя.

По этой дороге могут ездить только палачи из колчаковского лагеря и их приспешники и рабы, которые могут гнуть свою спину, как гнули ее наши предки несколько столетий, и унижаться перед этими кровожадными акулами.

Далее в воззвании говорится: „Для достижения столь желанной цели между союзными державами, имеющими военные силы в Сибири, в том числе и России, состоялось соглашение о вооруженной охране железнодорожной линии в пределах территории, ныне занятой союзными войсками“.

2) Позвольте вам задать вопрос: с какой частью России вы вошли в соглашение? Можно без ошибки ответить за вас, что вы вошли в соглашение с существующим кровавым правительством Колчака, преступность которого известна вам и всему трудовому русскому населению.

Далее в воззвании пересчитываются станции и районы, которые подлежат охране войск Соединенных штатов Америки. Вследствие этого „русское население ставится в известность, что при выполнении указанной цели единственной задачей вооруженных сил Соединенных штатов Америки, находящихся на охране железнодорожного пути на указанных участках, является защита железнодорожного пути, железнодорожного имущества и обеспечение беспрепятственного и непрерывного движения пассажирских и товарных поездов на указанных участках“.

К сожалению, декларация этих задач расходится с фактической действительностью, которую мы наблюдаем ежедневно.

Фактической вашей задачей является обеспечение передвижением главным образом колчаковских наймитов, заливших всю Сибирь кровью рабочих и крестьян. Пассажирские и товарные поезда зачастую уступают очередь эшелонам японских войск, обагрившим невинной крестьянской кровью весь Дальний Восток вообще и Амурскую область в особенности. По дорогам беспрепятственно перевозятся аммуниция и боевой припас для контр-революционных колчаковских войск, подавляющих свободу всей России.

В воззвании говорится: „Наша цель заключается в оказании действительной помощи всей России путем обеспечения необходимого транспорта в пределах участка Сибирской железной дороги, порученного нашей охране“.

На это ответим вам, что не помощь всей России приносите вы путем обеспечения транспорта, а только усугубляете муку и страдания ее, давая возможность передвижения врагам трудового народа.

Потом в воззвании упоминается еще раз о льготах для всех: „Все в одинаковой степени будут пользоваться благами этой меры, и наши войска будут одинаково относиться ко всем, независимо от положения, национальности, религии или политических убеждений".

Скажите, „союзники" Колчака не этими ли благами убивают наших братьев рабочих и крестьян за Уралом и по эту сторону его?

Почему вы не скажете, положа руку на сердце, кто именно будет пользоваться этими благами?

Это было бы гораздо честнее.

В воззвании говорится: „Все приглашаются оказывать нам содействие в выполнении нашей задачи, но в то же время все без различия предупреждаются, что никакого вмешательства в железнодорожное движение допущено не будет".

Ужели вы наивно допускаете возможным, что то население, для гибели которого везут пушки, пулеметы, снаряды и патроны, будет поддерживать вас, чтобы везли еще более, и этим самым продлит существование ненавистного кровавого правительства, возглавляемого новым монархом—Колчаком?

Сначала, когда союзники высадили десант на территории России, они уверяли, что хотят предупредить Германию, которая претендовала якобы распространить свое влияние на Россию после брестского договора.

Но вот и союзники вышли из состояния войны с Германией. Они нашли иной мотив, чтобы остаться им в России—охранять железные дороги.

Если один раз неправду скажешь, то уж больше не поверят, и мы в праве сомневаться в ваших намерениях.

В заключение скажем: довольно мучить истерзанную Россию.

Идите, все без исключения союзники, туда, откуда вы пришли, и заботьтесь о порядках в своих государствах. Не примите на себя этого позорного имени, которым во время романовщины именовали Россию за удушение революционных движений в Европе: ее звали „европейским жандармом".

В подтверждение декларации комиссара по иностранным делам Сибири . Сибирякова объявляем, что никакие договоры и соглашения, заключенные правительством Колчака с другими государствами, признаваться не будут и что для достижения нашей цели—свержения самозванного существующего правительства Колчака—будут приняты меры и средства, и, если кто-либо из союзников проявит вооруженное вмешательство, они будут признаваться врагами трудового народа России, с которыми будем сражаться до последнего бойца. Все без исключения предупреждаются, если будут репрессии и насилия над рабочими и крестьянами, мы, партизаны рабоче-крестьянских отрядов, объявляем беспощадный террор против врагов трудового народа.

Председатель штаба (подпись).

Начальник штаба (подпись).

Секретарь (подпись

Центр. Б... 5955

№ 3

Декларация добровольческих рабоче-крестьянских партизанских отрядов Приморской области.

Мы, крестьяне, ставя своей великой целью защиту завоеваний рабоче-крестьянской революции, заявляем: никакого союзного командования признавать не можем, так как правительства Японии, Франции, Англии, Италии и Америки задались целью подавить Великую российскую революцию, которая несет освобождение трудящимся массам всего мира. Пользуясь разрухой, союзники ввели свои войска на территорию Сибири, прикрываясь лживыми обещаниями невмешательства, а на самом деле преследуют только корыстные цели, как-то: захват железных дорог, рудников и всех богатств Сибири. При помощи союзных штыков и капитала русская буржуазия захватила временно власть в свои руки и начала беспощадно истреблять рабочих и крестьян. Так называемое „Омское правительство", с согласия которого иностранцы распоряжаются железными дорогами и богатствами Сибири, крестьянами и рабочим населением Сибири не признается. Согласно вашему заявлению, целью вашего пребывания здесь является наведение порядка. Мы от имени всех рабочих и крестьян спрашиваем вас: кто просил и кто уполномочил вас наводить порядок на нашей земле? Вместе с тем мы указываем, как союзное командование наводит на нашей земле порядок. Разве поддержка колчаковских банд, разгуливающих по Сибири и предающих порке и расстрелу мирное население, является наведением порядка? Разве действия японских отрядов в Амурской области, сжигающих целые села и деревни, служат упрочением порядка? Крестьяне и рабочие в Европейской России, имеющие истинно крестьянское и рабочее правительство, таким издевательствам и насилиям не подвергаются, каким подвергаете вы с колчаковскими бандами трудовое население Сибири. Против ваших насилий восстали не только большевики, не только красноармейцы, а все крестьянство и весь рабочий люд. Вы желаете, чтобы мы сохранили Сибирскую магистраль и Сучанскую ветку для того, чтобы по ней могли свободно передвигаться ваши и колчаковские отряды, задавшиеся целью раздавить нас. Вы настолько же нахальны, насколько и наивны. Мы вам говорим: убирайтесь с нашей земли туда, откуда вы пришли. Если вы этого не сделаете, то помните, что вам не достанется ни одной пяди построенной нашим потом и кровью железнодорожной магистрали. Мы объявили вам беспощадную борьбу не на жизнь, а на смерть. Помните, что в этой борьбе мы стоим не одни, а вместе с нами против вас поднялся трудовой люд всего мира. Сколько бы нас ни погибло, но победа за нами. Мы смело принимаем ваш вызов. Вы угадали: нашей целью является не Шкотово, а ваша база, наш Владивосток, и мы не сложим своего оружия до тех пор, пока не заставим вас убраться из Владивостока так же, как должны вы были убраться из Одессы и Архангельска.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 5

Часть I. Организация восстания и первый этап борьбы партизан с колчаковщиной 7

Часть II. Полоса подъема партизанской борьбы 67

Часть III. Полоса реакции 145

Часть IV. Новый подъем волны партизанского движения 163

Часть V. Переход власти в руки красных 195

Часть VI. На пороге новой партизанской войны 211

Приложения: 1) Обращение Дальневосточного областного комитета РКП (б) к рабочим, солдатам, крестьянам и партизанам Дальнего Востока. 2) Ответ Ревштаба Ольгинского уезда на воззвание штаба американских войск. 3) Декларация партизанских отрядов Приморской области 247

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

СОЮЗНАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В СИБИРИ

1918—1919 гг.

Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Уорда

С предисл. И. Майского

Стр. 172. **Цена 50 к.**

СОДЕРЖАНИЕ: От переводчика. Предисловие к русскому изданию. Предисловие автора. Из Гонгконга в Сибирь. Успехи большевиков. Япония вмешивается. Японские методы и дальневосточная политика союзников. Управление. Дальнейшее путешествие. За Байкалом. Омск. Вдоль Урала. Что произошло в Омске. Взятие Перми. Чехи выходят из строя. Декабрьский заговор. Бомба из Парижа и ее последствия. Опять интриги. Рабочий вопрос в России. Моя кампания. Опять в Омске. В Европейской России. На обратном пути. Американская политика и ее результаты. Японская политика и ее результаты.

„Автор записок приподнимает край завесы над чрезвычайно важной стороной интервенции — над отношениями между представителями Антанты и Колчаком и над взаимоотношениями отдельных держав Антанты на сибирской территории. Страницы, посвященные описанию этих отношений, принадлежат к числу лучших и наиболее ценных частей записок Уорда. Их можно рекомендовать для чтения каждому, кто интересуется участием иностранных держав в нашей гражданской войне". (Из предисловия И. Майского).

РЕВОЛЮЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

СБОРНИК

(ИСТПАРТ)

Стр. 436. **Цена 1 р. 50 к.**

СОДЕРЖАНИЕ: О. С. Бузин (Биг). О партизанско-повстанческом движении в низовьях р. Амура. П. С. Серышев. Вооруженная борьба за власть советов на Дальнем Востоке. А. Н. Ярошенко. Дневник коммуниста. Резников (Изгой). Революционная хроника Забайкалья (1917—1921 гг.). Мировой. Партийная организация и работа на Дальнем Востоке. В. Владимирова. Профдвижение во Владивостоке. Г. Лебедев. Пять лет революционной борьбы на якутском фронте. Ив. Гожеский. Участие корейской эмиграции в революционном движении на Дальнем Востоке. И. Мамаев. К вопросу о хунхузническом движении на Дальнем Востоке. Е. Кандо. Экономическое и политическое положение современной Японии. Меркуловский переворот во Владивостоке. В. Маркелов. Воспоминания из партизанского движения на Дальнем Востоке (1921 — 1922 гг.). О. Иогансон. Воспоминания красной сестры. Приложения и иллюстрации.

ПРОДАЖА во всех магазинах и отделениях ГОСИЗДАТА.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

П. С. ПАРФЕНОВ (Петр Алтайский)

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СИБИРИ

1918—1920 гг.

Издание 2-е, исправленное и дополненное

(ИСТПАРТ)

Стр. 168. **Цена 40 к.**

СОДЕРЖАНИЕ (приводится частично): Возникновение советской власти в Сибири и отношение к ней политических партий и населения. Ошибки и слабость советской власти в Сибири. Организация сил легальной и тайной контр-революции. Подпольная деятельность сибирского правительства и центров сибирской кооперации. Начало гражданской войны в Сибири. Свержение советской власти. Начало белого террора. Успехи чехо-словацких войск. Приказы и контроль союзных капиталистических правительств. Провозглашение военной диктатуры. Всеобщее восстание рабоче-крестьянской Сибири. Падение омского правительства. Борьба за дальний восток. Аггрессивность Японии. Меркуло-японский переворот 26 мая 1921 г. Окончание гражданский войны на Д. Востоке.

СОЮЗНИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ И В СИБИРИ

Доклад Пишона

Перевод с франц. П. Ивангородского

Ред. и предисловие Вл. Виленского-Сибирякова

Стр. 95. **Цена 40 к.**

Перевод секретного доклада полковника (тогда майора) французского генерального штаба Пишона (военного агента, в числе других союзнических агентов подготовлявшего в начале 1918 г. союзническую интервенцию, обследуя положение вещей в Сибири) французскому посланнику в Пекине. Его содержание составляют следующие главы (приводятся частично): Сибирь в огне революции. У русской революции не оказалось „Наполеона". Под каким лозунгом начинать интервенцию. С кнутом или без него. Интервенция не вызовет национального негодования. Социальное расслоение сибирского общества. Профессиональные объединения. Национальные группировки. Политические партии и т. д. Приложения (в документах): Расшифровка Парижа. Британские богатства. Повод к интервенции (в декларациях). От интервенции к оккупации. Оккупация северной части Сахалина.

ПРОДАЖА во всех магазинах и отделениях ГОСИЗДАТА.

Редкий фонд
Научная библиотека ХГТУ
0454876

4645

Цена 2 р. 50 к. 0,25

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Р. С. Ф. С. Р.
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

9/И